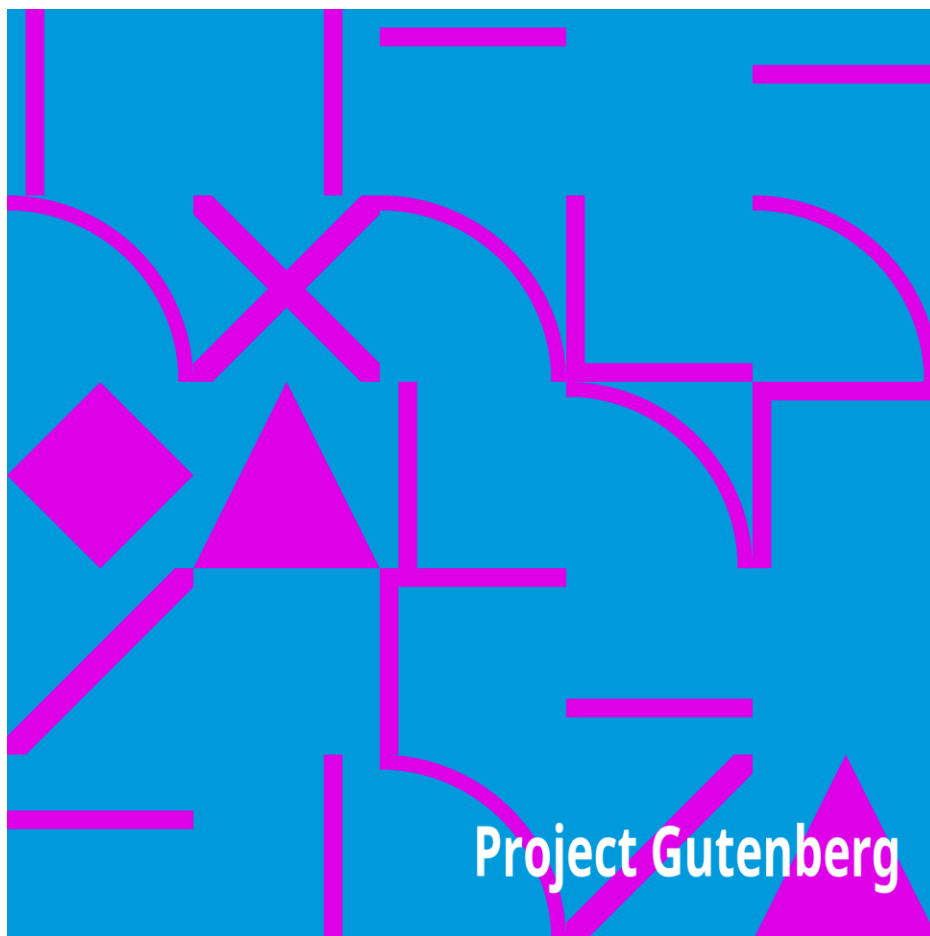


Китайская цивилизация

Герберт Аллен Гайлс

The Civilization of China

Herbert Allen Giles



Электронная книга проекта Гутенберга о китайской цивилизации

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Китайская цивилизация

Автор: Герберт Аллен Гайлс

Дата выхода: 26 марта 2006 [Электронная книга №2076]

Последнее обновление: 14 декабря 2012

Язык: Английский

Титры: Продюсеры Джон Бикерс; Дэгни и Дэвид Уиджер

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЦИВИЛИЗАЦИЯ КИТАЯ" ***

КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ГЕРБЕРТ А. ГАЙЛС

Профессор китайского языка в Кембриджском университете, а когда-то консул Х.Б.М. в Нинпо

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ

КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ГЛАВА I—ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА

ГЛАВА II—ЗАКОН И ПРАВИТЕЛЬСТВО

ГЛАВА III—РЕЛИГИЯ И СУЕВЕРИЯ

ГЛАВА IV—220-1200 гг. н.э.

ГЛАВА V—ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ

ГЛАВА VI—ЛИТЕРАТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

ГЛАВА VII—ФИЛОСОФИЯ И СПОРТ

ГЛАВА VIII—ОТДЫХ

ГЛАВА IX—МОНГОЛЫ, 1260-1368 гг.

ГЛАВА X—МИНЫ И ЦИНЫ, 1368-1911 гг.

ГЛАВА XI—КИТАЙЦЫ И ИНОСТРАНЦЫ

ГЛАВА XII—МИРОВОЗЗРЕНИЕ

БИБЛИОГРАФИЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Цель этой работы - предложить приблизительный очерк китайской цивилизации с древнейших времен вплоть до нынешнего периода быстрого и поразительного перехода.

Она была написана, в первую очередь, для читателей, которые мало или вообще ничего не знают о Китае, в надежде, что ей удастся привлечь их к более широкому и методичному исследованию.

Г.А.Г.

Кембридж, 12 мая 1911г.

КИТАЙСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ГЛАВА I—ЭПОХА ФЕОДАЛИЗМА

В наши дни очень часто можно встретить людей, направляющихся в "Китай", до которого можно добраться по Сибирской железной дороге за четырнадцать-пятнадцать дней. Это сразу подводит нас к вопросу — что подразумевается под термином "Китай"?

Взятый в самом широком смысле, этот термин включает Монголию, Маньчжурию, Восточный Туркестан, Тибет и Восемнадцать провинций, причем вся территория эквивалентна площади около пяти миллионов квадратных миль, то есть значительно более чем в два раза превышает площадь Соединенных Штатов Америки. Но для изучения нравов, обычаев и образа мыслей китайского народа мы должны ограничиться той частью целого, которая известна китайцам как "Восемнадцать провинций", а нам как собственно Китай. Эта часть империи занимает не более двух пятых всей территории, занимая площадь немногим более полутора миллионов квадратных миль. Его главными достопримечательностями могут быть грубо обозначены Пекин, столица, на севере; Кантон, крупный торговый центр, на юге; Шанхай, на востоке; и тибетская граница на западе.

Любой, кто потрудится найти эти четыре точки на карте, представляющие собой центральные точки на четырех сторонах грубого квадрата, вскоре поймет абсурдность задавания возвращающемуся путешественнику часто задаваемого вопроса: "Как вам нравится Китай?" Представьте себе, что вы спрашиваете китайца, который провел год или два в Англии, как ему понравилась Европа! Пекин, например, расположен на той же параллели широты, что и Мадрид; тогда как Кантон аналогично совпадает с Калькуттой. В пределах квадрата, обозначенного четырьмя перечисленными выше точками, будут обнаружены вариации климата, цветов, фруктов, овощей и животных — не говоря уже о людях, — распределенные почти так же, как в Европе. Климат Пекина чрезвычайно сухой и бодрящий; в период с октября по апрель не выпадает ни дождя, ни снега. По-настоящему жаркая погода длится всего шесть или восемь недель, примерно в июле и августе, и даже тогда ночи всегда прохладные; в то время как в течение шести или восьми недель с декабря по февраль на реке может быть несколько футов льда. С другой стороны, в Кантоне тропический климат с долгим влажным изнуряющим летом и короткой суровой зимой. Старая история гласит, что снег в Кантоне видели только один раз, и тогда люди приняли его за падающую вату.

Северные провинции примечательны обширными ровными равнинами, усеянными деревьями, дома в которых построены из глины. В южных провинциях можно найти длинные участки горных пейзажей, соперничающих по красоте со всем, что можно увидеть в других местах. Монастыри

строятся высоко на холмах, часто на почти неприступных утесах; и там зажиточный китаец имеет обыкновение спастись от лютой жары южного лета. Говорят, что на одной конкретной горе недалеко от Кантона расположено не менее сотни таких монастырей, и все они бронируют апартаменты для гостей и рады возможности пополнить свои фонды, поступая таким образом.

На севере Китая в большом количестве можно увидеть монгольских пони, великолепных мулов и ослов, а также двугорбого верблюда, который перевозит тяжелые грузы по равнинам Монголии. На юге, до появления железной дороги, путешественникам приходилось выбирать между паланкином, который несли на плечах рослые кули, или более медленным, но более комфортабельным домашним катером. До того, как пароходы начали курсировать вдоль побережья, кандидату на получение степени доктора по результатам большого трехгодичного экзамена требовалось три месяца, чтобы добраться из Кантона в Пекин. Срочные депеши, однако, часто пересылались группами гонщиков со скоростью двести миль в день.

Рынок в Пекине, среди прочего, снабжается превосходной бараниной из курдючной породы овец, предназначенной главным образом для мусульманского населения; но овцы не будут жить в южном Китае, где их место занимает коза. Свинья встречается повсюду и на нашем рынке представляет собой говядину, причем последняя крайне невкусна для обычного китайца, отчасти, возможно, потому, что Конфуций запрещал людям забивать животное, которое тянет плуг и вносит такой большой вклад в благосостояние человечества. Основным продуктом питания, "хлебом" народа в Китайской империи, номинально является рис; но крестьянину северного Китая импортировать его слишком дорого, и он прибегает к просу в качестве его замены. Яблоки, груши, виноград, дыни и грецкие орехи в изобилии растут на севере; южные фрукты - банан, апельсин, ананас, манго, помело, личи и подобные фрукты более тропического характера.

Хранение в холодильнике практиковалось китайцами на протяжении веков. Для этой цели из реки вырубают глыбы льда, и в жаркий летний день пекинский кули может получить напиток со льдом по почти бесконечно малой цене. Виноград сохраняется с осени до следующих мая и июня с помощью простого процесса втыкания плодоножки грозди в большую твердую грушу и бережного хранения ее в холодильнике. Даже в Нинпо, недалеко от нашей центральной точки на восточном побережье Китая, из бассейнов и канав собирают тонкие слои льда и успешно хранят их для использования следующим летом.

Жители прибрежных провинций отличаются от жителей севера и дальних внутренних районов заметной живостью ума и общим темпераментом. Сами китайцы заявляют, что добродетель ассоциируется с горами, мудрость - с водой, цинично подразумевая, что никто не является одновременно добродетельным и мудрым. Между жителями различных провинций почти не утрачено любви. Северяне боятся и ненавидят южан, а последние относятся к первым с бесконечным презрением. Таким образом, когда в 1860 году франко-британские войска двинулись на Пекин, было достаточно легко заручиться услугами любого числа кантонцев, которые оставались такими же верными, как если бы нападение было направлено против какой-то третьей национальности.

Численность населения Китая никогда не была точно установлена. Иностранные путешественники Сахаров в 1842 году по-разному оценивали его, определяя цифру более чем в четыреста миллионов человек. Говорят, что последняя перепись населения, проведенная в 1902 году, дала в общей сложности четыреста десять миллионов человек. Возможно, более

точной оценкой было бы триста миллионов; даже это поглотило бы не менее одной пятой человеческой расы. Исходя из этого общего числа, легко подсчитать, что если бы китайский народ проходил мимо заданной точки гуськом, процессия никогда бы не закончилась; задолго до того, как прошел бы последний из трехсот миллионов, выросло бы новое поколение, которое продолжило бы бесконечную череду. Перепись, однако, является очень старым институтом у китайцев; и мы узнаем, что в 156 году нашей эры общее население Китая тех дней составляло немногим более пятидесяти миллионов. В более современные времена процесс проведения переписи заключается в выдаче жилищных билетов главе каждой семьи, который несет ответственность за надлежащее возвращение всех обитателей; но поскольку нет фиксированного дня, за который эти билеты подлежат возврату, результаты скорее приблизительны, чем точны.

Опять же, нередко можно услышать, как люди говорят о китайском языке так, как будто это единый язык, на котором говорят по всему Китаю в соответствии с более или менее единым стандартом. Но факт остается фактом: разговорный язык разделен по меньшей мере на восемь диалектов, каждый из которых настолько ярко выражен, что составляет восемь языков, столь же непохожих друг на друга, как английский, голландский и немецкий, или французский, испанский, итальянский и португальский. Житель Шанхая, например, непонятен кантонцу, и так далее. Все чиновники обязаны, а все наиболее образованные торговцы и другие лица стремятся, хотя бы в деловых целях, выучить что-либо из диалекта, на котором говорят при пекинском дворе; и это то, что в народе известно как "мандаринский". Письменный язык остается неизменным для всей империи; это просто означает, что идеи, изложенные на бумаге в соответствии с единой системой, произносятся разными звуками, точно так же, как арабские цифры пишутся единообразно в Англии, Франции и Германии, но произносятся совершенно по-разному.

Единственная трудность разговорного языка, независимо от того, на каком диалекте он используется, заключается в "тонах", которые просто означают различные интонации, которые могут быть приданы одному и тому же звуку, создавая таким образом так много совершенно разных значений. Если бы не эти тона, разговорный язык Китая был бы до абсурда простым, поскольку не существует такого понятия, как грамматика, в смысле рода, числа, падежа, склонения, времени или любой из вариаций, которые мы понимаем под этим термином. Существует множество забавных примеров грубых ошибок, допущенных неумелыми ораторами, таких как ошибка студента, который сказал своему слуге принести ему гуся, когда на самом деле ему хотелось немного соли, причем и гусь, и соль имеют один и тот же звук, *йен*, но совершенно разные интонации. Преимущество следующего примера в том, что он правдив. Британский чиновник сообщил в Министерство иностранных дел, что у жителей Тяньцзиня была привычка кричать вслед иностранцам: "Мао-цзы, мао-цзы" (произносится как *маудза*, *оу как как*), из чего он заключил, что они были сильно поражены головным убором варвара. Итак, фактом является то, что *мао-цзы*, произнесенное с определенной интонацией, означает шляпу; но с другой интонацией оно означает "волосатый", и последнее, относящееся к большим бородам иностранцев, было значением, которое предполагалось передать. Этот эпитет все еще можно услышать, и ему часто предшествует прилагательное "красный".

Письменные знаки, которые, как известно, использовались в течение последних трех тысяч лет, первоначально представляли собой грубые изображения людей, птиц, лошадей, собак, домов, цифр (один, два, три, четыре) и т.д., и т.д., и до сих пор можно проследить в измененных

современных формах этих знаков более или менее поразительное сходство с предполагаемыми объектами. Следующим шагом было соединить два или более иероглифов, чтобы выразить их комбинацией абстрактную идею, как, например, *рука держащая жезл* = отец; но, конечно, этот простой процесс не продвинул китайцев далеко, и вскоре им удалось выработать общую картинку и фонетическую систему, которая позволила им бесконечно множить иероглифы, образуя новые соединения для использования по мере необходимости. Таким образом, при необходимости все еще могут быть созданы новые символы для выражения новых объектов или идей. Однако обычный план состоит в том, чтобы объединить существующие термины таким образом, чтобы предложить то, что требуется. Например, предпочитая придумывать отдельный символ для боеприпаса, известного как "миномет", китайцы, учитывая его необычное положение, дали ему соответствующее название "ружье-лягушка".

Опять же, подобно тому, как коренные жители и диалекты различных частей Китая отличаются друг от друга, хотя по сути это одни и те же люди и один и тот же язык, так и манеры и обычаи различаются до такой степени, что жизненные привычки и церемониальные предписания, преобладающие в одной части империи, не обязательно преобладают в другой. И все же еще раз будет обнаружено, что различия, которые на первый взгляд кажутся непримиримыми, не затрагивают того, что существенно, а относятся скорее к деталям. Многие путешественники и другие люди описывали как обычаи китайские обычаи, которые в том виде, в каком они представлены, относятся только к части Китая, а не ко всему миру. Например, декоративные церемонии, связанные с браком, различаются в разных провинциях; но существует определенная церемония, эквивалентная в каком-то смысле подписанию метрической книги, которая почти необходима для каждого брачного контракта. Жених и невеста должны преклонить колени и призвать Бога в свидетели; они также дают друг другу клятву вином из двух кубков, соединенных красной нитью. Красный - цвет радости, а белый - цвет траура. Китайская бумага для записок всегда разлинована красными линиями или проштампована красным рисунком. Один китайский чиновник, устраивавший званый обед в иностранном стиле, зашел даже так далеко, что приклеил к каждой салфетке лист красной бумаги, чтобы нейтрализовать неблагоприятное влияние белого цвета.

Выше уже упоминалось о путешествиях, совершаемых на лодке. В дополнение к Янцзы и Хуанхэ или Хоанг Хо (произносится *Хвонг хо*), двум самым важным рекам в мире, Китай покрыт сетью второстепенных ручьев, которые на юге Китая образуют основные транспортные магистрали. Янцзы - это не что иное, как огромная судоходная река, пересекающая собственно Китай с запада на восток. Река Хуанхэ, которая, за исключением большой петли на севере, протекает почти параллельно широтным линиям, долгое время была известна как "Горе Китая" и стала причиной огромных человеческих жертв и материального ущерба. Его течение настолько быстрое, что обычное судоходство невозможно, а пересечь его на лодках - предприятие, сопряженное со значительными трудностями и опасностями. Она названа так из-за желтизны ее воды, вызванной огромным количеством ила, которое ее быстрое течение уносит в море; отсюда и распространенная поговорка "Когда Желтая река становится чистой", как эквивалент греческих Календов. Огромные насыпи, построенные для того, чтобы ограничить ее в заданном русле, постоянно подвергаются воздействию любого необычного напора дополнительной воды, что приводит к огромному материальному ущербу и большим человеческим жертвам, и время от времени эта река, как известно, полностью меняет свое русло, внезапно расходясь почти под прямым углом. До 1851 года устье реки находилось к югу от мыса Шантунг, примерно в широте.

34 с.ш.; затем, почти без предупреждения, она начала течь на северо-восток, находя выход к северу от мыса Шантунг, примерно в широте. 38 Н .

Между основными линиями водного сообщения было образовано определенное количество соединительных звеньев в виде искусственных вырубков; но нет ничего, достойного названия канала, за исключением справедливо названного Большого канала, называемого китайцами "рекой шлюзов" или, альтернативно, "транспортной рекой", потому что когда-то по нему доставляли рис с юга в Пекин. Это гигантское сооружение, спроектированное и выполненное в тринадцатом веке императором Хубилай-ханом, простиралось примерно на шестьсот пятьдесят миль в длину и завершало почти непрерывное водное сообщение между Пекином и Кантоном. Как замечательное инженерное достижение, оно действительно более чем соответствует знаменитой Великой китайской стене, построенной за пару сотен лет до Рождества Христова и прославляемой как последний след рук человеческих на земном шаре, исчезающий из поля зрения воображаемого человека, удаляющегося в космос. Недавние исследования показали, что эта стена имеет длину около полутора тысяч миль и простирается от точки на морском побережье несколько восточнее Пекина до северной границы Тибета. Грубо говоря, он имеет двадцать два фута в высоту и двадцать футов в ширину; с интервалом в сто ярдов расположены башни высотой в сорок футов, первоначально все они были построены из кирпича, от которого в некоторых местах теперь остались лишь следы. И это не единственная великая стена; недавно были обнаружены руины других стен значительного масштаба, цель всех которых была одна и та же — сдерживать мародерствующих татар.

По всей длине и ширине своей безграничной империи, со всеми ее различными климатическими условиями и жителями, китайский народ может свободно путешествовать по делам или для удовольствия по своему собственному желанию и беспрепятственно селиться в любом месте. Паспорта не требуются; ни один обычный гражданин не обязан иметь при себе другие документы, удостоверяющие личность. Китайские гостиницы до поры до времени не подвергаются раздражающим посещениям по месту жительства в отношении своих клиентов; и до тех пор, пока последние оплачивают свой путь и воздерживаются от приставаний к другим, они обычно сами будут свободны от приставаний. Китайцы, однако, не любят путешествовать; они слишком любят свои дома и, кроме того, боятся неудобств и опасностей, связанных с путешествиями во многих других частях света. Лодочники, возчики и владельцы гостиниц - все они пользуются дурной репутацией из-за вымогательства; и путешественник иногда может случайно наткнуться на "черную гостиницу", что является другим названием воровского притона. Тем не менее, было много тех, кто путешествовал ради красивых пейзажей или для того, чтобы посетить известные места, представляющие исторический интерес; не говоря уже о большом количестве чиновников, которые постоянно находятся в движении, переходя от поста к посту.

К числу тех, кто верит, что каждая нация, должно быть, достигла своих нынешних мест обитания из каких-то других отдаленных частей света, следует отнести нескольких исследователей древней истории Китая. Совпадения в языке, манерах и обычаях, в основном неясного характера, побудили некоторых предположить Вавилонию как регион, из которого китайцы мигрировали на землю, где они сейчас находятся. Китайцы располагают подлинными записями о бесспорно древнем прошлом, но во всех этих записях нет абсолютно никаких упоминаний, даже намек, на какую-либо миграцию подобного рода.

Традиция относит Золотой век Китая к трем тысячам лет до Рождества Христова; для трезвого обзора ранней цивилизации Китая нет необходимости углубляться дальше десятого века до н.э. Мы найдем свидетельства такого развитого состояния цивилизации в то более позднее время, что не остается сомнений в очень отдаленной древности.

Тогдашний Китай, известный уже тогда как Срединное царство, был всего лишь пятном на современной империи. Он располагался, почти в форме ромба, между 34-й и 40-й параллелями северной широты, причем верхняя точка ромба располагалась на территории современного Пекина, а нижняя - на Сианьфу в Шэньси, куда покойная вдовствующая императрица бежала в поисках безопасности во время восстания боксеров в 1900 году. Древняя автократическая имперская система недавно была свергнута, и ее место заняла феодальная система. Страна была разделена на ряд вассальных государств разного размера и важности, каждым из которых правил свой барон, присягнувший на верность суверену Королевского государства. Однако отношения, установившиеся с течением времени между этими государствами, как суверенными, так и вассальными, как описано в современных летописях, часто напоминают читателю отношения, которые преобладали между различными политическими делениями Древней Греции. Соперничество Афин и Спарты, столицы которых разделяли всего сто пятьдесят миль — хотя при чтении Фукидида возникает ощущение, что в нем участвовало по меньшей мере полмира, — находит свой точный эквивалент в зависти и вражде, которые сотрясали феодальные государства древнего Китая, и в катастрофических кампаниях и кровопролитных битвах, которые государства вели друг с другом. Мы читаем о колесницах и искусстве верховой езды; о ратных подвигах и личном героизме; о форсированных маршах и ночных атаках, во время которых китайскому солдату затыкали рот чем-то вроде деревянного долота, чтобы предотвратить разговоры в рядах; об аннексированных и отвоеванных территориях и о насильственной смерти правителей-соперников от яда или кинжала убийцы.

Когда армии этих государств вступали в бой, они выстраивались в линию с лучниками на левом и копейщиками на правом фланге. Центр был занят колесницами, каждая из которых была запряжена тремя или четырьмя лошадьми, запряженными в ряд. Мечи, кинжалы, щиты, дубинки с железными наконечниками длиной около пяти-шести футов и весом от двенадцати до пятнадцати фунтов, огромные железные крюки, барабаны, тарелки, гонги, горны, бесчисленные знамена и растяжки также были среди военного снаряжения. Были зажжены сигнальные огни из волчьего помета, чтобы возвестить о приближении врага и призвать жителей к оружию. Поощаду давали редко, если вообще давали, и было принято отрезать уши у тел убитых. Переговоры и согласование условий мира проводились под прикрытием знамени перемирия, на котором были начертаны два слова — "Прекратить боевые действия".

Упомянутые выше сигнальные огни, очень полезные для призыва феодальных баронов на помощь в случае необходимости, стоили одному суверену его трона. У него была красивая наложница, ради общества которой он пренебрегал государственными делами. Дама была меланхолична, и никто не видел, чтобы она улыбалась. Она сказала, что ей нравится шуршание рвущегося шелка, и, чтобы удовлетворить ее прихоть, многие прекрасные куски шелка были разорваны в клочья. Король предложил тысячу унций золота любому, кто рассмешит ее; после чего его главный министр предложил зажечь сигнальные огни, чтобы призвать феодальную знать с их армиями, как будто королевский дом был в опасности. Трюк удался, потому что в последовавшей за этим суматохе бесстрастная девушка откровенно рассмеялась. Позже, когда орды варваров предприняли настоящее нападение на столицу и снова зажгли маяки, на этот

раз в суровой реальности, ответа от оскорбленной знати не последовало. Король был убит, а его наложница задушила себя.

Между тем, эти феодальные народы находились на высоком уровне цивилизации, когда не были заняты перерезанием друг другу глотки. Они жили в крытых соломой домах, построенных из утрамбованной земли и штукатурки, с выбитыми полами, на которых вместо ковра была расстелена сухая трава. Изначально привыкшие сидеть на циновках, они рано ввели стулья и столы; они запивали горячительные напитки тщательно приготовленной едой и носили шелковые одежды. В торжественных и праздничных случаях пели баллады и исполняли танцы; охота, рыболовство и сельское хозяйство были занятиями мужчин, в то время как женщины занимались прядением и ткачеством. Здесь были литейщики бронзовых сосудов и работники по золоту, серебру и железу; нефрит и другие камни ограняли и полировали для украшений. Письменность была уже высокоразвитой и во многом такой, какой мы ее находим сейчас. Действительно, главное отличие заключается в форме символов, точно так же, как древнеанглийский текст отличается по форме от текста наших дней. То, что мы можем назвать синтаксисом языка, во многом осталось прежним; и фразы из старых баллад трехтысячелетней давности, которые перешли в разговорную речь, по-прежнему легко воспринимаются, хотя, конечно, произносятся в соответствии с требованиями современной речи. Мы можем сказать, как произносил китайский Конфуций (551-479 гг. до н.э.), не больше, чем мы можем сказать, как Мильтиад произносил греческий, обращаясь к своим солдатам перед Марафонской битвой (490 г. до н.э.). "Книги", которые читали в Древнем Китае, состояли из тонких деревянных или бамбуковых пластинок, на которых иероглифы были написаны деревянным или бамбуковым карандашом, слегка потертым на конце, чтобы набирать цветную жидкость и переносить ее на таблички по мере необходимости. До недавнего времени считалось, что китайцы выцарапывали свои слова на табличках из бамбука ножом, но теперь мы знаем, что нож использовался только для выцарапывания, когда иероглиф был написан неправильно.

Искусство врачевания практиковалось китайцами в доисторические времена, но самые ранние попытки методического характера, о которых у нас есть какие-либо письменные свидетельства, относятся к периоду, с которым мы сейчас имеем дело. Действительно, существует работа под названием "Простые вопросы", которая приписывается легендарному императору Золотого века, который расспрашивает одного из своих министров о причинах и способах лечения всех видов болезней; как и следовало ожидать, она не представляет никакой реальной ценности и не может быть датирована более чем несколькими столетиями до нашей эры

Врачи феодальной эпохи классифицировали болезни по четырем сезонам года: головные боли и невралгические расстройства - по *весне*, кожные заболевания всех видов - по *лету*, лихорадки и приступы лихорадки - по *осени*, бронхиальные и легочные заболевания - по *зиме*. Они лечили различные жалобы, подпадающие под эти рубрики, подходящими дозами одного или нескольких ингредиентов, взятых из пяти классов лекарств, полученных из трав, деревьев, живых существ, минералов и злаков, каждый из которых содержал лекарства пяти вкусов с особыми свойствами: *кислый* для питания костей, *кислый* для питания мышц, *соленый* для питания кровеносных сосудов, *горький* для поддержания общей жизненной силы и *сладкий* для питания плоти. Пульс всегда был на первом месте в лечении болезней; существует по меньшей мере двадцать четыре разновидности пульса, с которыми, как предполагается, знаком каждый врач, а некоторые выдающиеся врачи утверждали, что различают не менее семидесяти двух. В "Простых вопросах" есть фраза, указывающая на циркуляцию крови: "Вся кровь находится в

ведении сердца", точка, за пределы которой китайцы, по—видимому, никогда не заходили в своих исследованиях; но об этой любопытной особенности их цивилизации - позже.

Именно при феодальной системе, возможно, за тысячу лет до Рождества Христова, жители Китая начали носить семейные имена. До этого времени, по-видимому, существовали племенные или клановые названия; однако они не были в обычном употреблении среди отдельных членов каждого клана, которые были известны только под своими личными именами, данными им в детстве родителями. Постепенно стало обычным добавлять к личному имени приставку фамилии, заимствованную обычно от названия места, где жила семья, иногда от наименования или официального титула выдающегося предка; места в Китае никогда не берут свои названия от отдельных лиц, как у нас, и, следовательно, нет таких названий, как Фарингдон или Гислингем, домов Фирингов или Гислингов древности. Таким образом, используя английские термины, мальчик, которого родители называли "Добро пожаловать", мог бы добавить к названию места, Кембридж, где он родился, и называть себя Cambridge Welcome, фамилия которого всегда стоит первой в китайском языке, как, например, в Li Hung-Chang. Следует помнить, что у маньчжуров нет фамилий; иными словами, они не используют свои клановые или семейные имена, а называют себя только своими личными именами.

Китайские фамилии, кроме географических названий, происходят из множества источников: от природы, такой как река, Камень, Пещера; от животных, таких как Медведь, Овца, Дракон; от птиц, таких как Ласточка, Фазан; от тела, такого как Длинноухий, Косоглазый; от цветов, таких как Черный, Белый; от деревьев и цветов, таких как Боярышник, Лист, Тростник, Лес; и других, таких как Богатый, Восточный, Острый, Надежда, Герцог, Суровый, Прохладный, Деньги и т.д. К пятому веку до Рождества Христова использование фамилий определенно стало общепринятым для всех классов, тогда как в Европе фамилии были известны только примерно в двенадцатом веке после Рождества Христова, и даже тогда они были доступны только людям с достатком и положением. Существует небольшая китайская книжка, которую изучает каждый школьник и которая называется *"Сто фамилий"*, причем слово "сто" обычно используется в широком смысле. На самом деле он содержит около четырехсот наиболее часто встречающихся имен.

Примерно за двести двадцать лет до Рождества Христова феодальной системе пришел конец. Одно агрессивное государство постепенно поглотило все остальные; и под властью своего суверена Китай снова стал империей, и с тех пор он таким и остается. Но, хотя трон всегда был империей, за последние две тысячи лет он много раз переходил из одного дома в другой.

Выдающийся человек, который привел свое государство к победе над каждым соперником по очереди и в конечном итоге взошел на трон, чтобы править объединенным Китаем, находит своего лучшего исторического аналога в Наполеоне. Он называл себя Первым императором и начал с того, что отправил армию в 300 000 человек сражаться на севере со старым и страшным врагом, которого недавно безоговорочно отождествили с гуннами. Он отправил флот на поиски каких-то таинственных островов у побережья, которые, по мнению некоторых, являются островами, образующими Японию. Он построил Великую Китайскую стену, в значительной степени с помощью труда каторжников, злоумышленники были приговорены к длительным срокам каторги на этих работах. Его медная чеканка была настолько неизменно хорошей, что каури полностью исчезли из торговли во время его правления. Больше всего на свете он желал придать новый импульс литературным усилиям, но для достижения этой желанной цели избрал на редкость неудачные средства; ибо, прислушиваясь к коварной лести придворных, он решил,

что литература должна начаться заново с его правления. Поэтому Он решил уничтожить все существующие книги, в конце концов решив пощадить те, которые связаны с тремя важными областями человеческого знания, а именно: (1) труды, которые учили людей пахать, сеять, жать и обеспечивать человечество пищей; (2) труды об использовании лекарств и искусстве врачевания; и (3) труды о различных методах предсказания будущего, которые могли бы побудить людей действовать в соответствии с вечной закономерностью вещей, наблюдаемой в действиях Природы, а не вопреки ей. Соответственно, были изданы строгие приказы, и многие ученые были казнены за сокрытие книг в надежде, что буря утихнет. Множество ценных произведений погибло в огромном книжном пожаре, и единственное чудо заключается в том, что хоть одно из них сохранилось, за исключением трех классов, указанных выше.

В 210 году до нашей эры умер Первый император, и его младший сын был возведен на трон с титулом Второго императора. Последний начал с организации похорон своего отца, как описано примерно столетие спустя первым и величайшим из китайских историков:

"В 9-ю луну Первый император был похоронен на горе Ли, которую в первые дни своего правления он велел вырыть и подготовить с этой целью. Затем, когда он укрепил империю, он нанял своих солдат численностью 700 000 человек, чтобы они добрались до Трех Источников (то есть до тех пор, пока не была достигнута вода), и там был заложен прочный фундамент и на нем установлен саркофаг. Редкие предметы и дорогие драгоценности были собраны из дворцов и у различных чиновников, перенесены туда и хранились в огромных количествах. Ремесленникам было приказано сконструировать механические арбалеты, которые, если бы кто-нибудь вошел, немедленно выпустили бы свои стрелы. С помощью ртути были созданы реки — Янцзы, Хуанхэ и великий океан — металл переливался из одной в другую с помощью механизмов. На крыше были изображены небесные созвездия, на полу - географические подразделения земли. Свечи изготавливались из жира рыбы-человека (моржа), рассчитанного на очень долгий срок службы. Второй император сказал: "Не подобает наложницам моего покойного отца, у которых нет детей, покидать его сейчас"; и соответственно он приказал им сопровождать умершего монарха в загробный мир, поскольку тех, кто таким образом погиб, было много. Когда интернирование было завершено, кто-то предположил, что рабочие, изготовившие механизм и спрятавшие сокровище, знали об огромной ценности последнего и что секрет просочится наружу. Поэтому, как только церемония закончилась и дорожка, ведущая к саркофагу, была перекрыта в самом дальнем конце, внешние ворота у входа на эту дорожку были опущены, и мавзолей был надежно закрыт, так что ни один из рабочих не сбежал. Затем вокруг были посажены деревья и трава, чтобы это место выглядело так же, как остальная часть горы".

Карьера Второго императора находит подходящую параллель с карьерой Ричарда Кромвеля, за исключением того, что первый был казнен после короткого и бесславного правления. Затем последовала династия, которая оставила неизгладимый след как в цивилизации, так и в письменной истории Китая. Крестьянину, благодаря простой силе характера, удалось после трехлетней борьбы утвердиться на троне в 206 году до н.э., и его потомки, известные как Дом Хань, правили Китаем в течение четырехсот лет, случайно разделенных на две почти равные части христианской эрой, примерно в этот день произошла временная узурпация трона, которая на некоторое время угрожала стабильности династии по прямой линии наследования. На сегодняшний день у более северных китайцев нет более гордого титула, чем "сын Хань".

Нельзя сказать, что в течение всего четырехсотлетнего периода империя наслаждалась полным спокойствием ни внутри страны, ни за границей. На севере шли постоянные войны с татарскими племенами, против которых Великая стена оказалась несколько неэффективным барьером. Также с гуннами, предками турок, которым однажды удалось заточить основателя династии в одном из его собственных городов, откуда он сбежал только благодаря хитрости, чтобы породниться в другой связи. Кроме того, были войны с Кореей, окончательное завоевание которой привело к открытию Японии, находившейся тогда на низком уровне цивилизации и неспособной вступить в официальные отношения с Китаем до 57 года н.э., когда впервые было направлено посольство. Те, кто привык думать о китайцах как о в высшей степени невоинственной нации, возможно, будут удивлены, услышав, что до конца второго века до нашей эры они занесли свое победоносное оружие далеко в Центральную Азию, присоединив к империи даже Памир и Коканд. Дикие племена современной Юньнани были приведены к подчинению, и их территорию можно считать присоединенной примерно с этого периода.

Дома евнухи доставляли массу хлопот своим неугомонным духом интриг; кроме того, почти двадцать лет императорская власть находилась в руках известного узурпатора по имени Ван Ман (произносится *Ван Манг*), который добился ее обычными средствами предательства и отравления, потерял ее на поле боя, а сам вскоре погиб в результате восстания собственных солдат. Но самым замечательным из всех событий, связанных с династией Хань, было широкое возрождение образования и авторства. Тексты конфуцианского канона были извлечены из тайников, в которых они были спрятаны с риском для жизни; были назначены редакторские комиссии, и были приложены огромные усилия, чтобы исправить ущерб, причиненный литературой от рук Первого императора. Ученые того времени разъясняли учение Конфуция так, как оно изложено в этих текстах; и хотя их объяснения были отложены в сторону в двенадцатом веке, когда совершенно новый набор интерпретаций стал (и остается) общепринятым стандартом для всех изучающих, в основном благодаря этим ранним усилиям конфуцианский канон оказал такое глубокое и длительное влияние на умы китайского народа. К сожалению, вскоре стало модным открывать старые тексты, и сейчас в обращении находится множество работ, которые вообще не претендуют на древность, на которую они претендуют.

В течение четырехсот лет ханьского господства цивилизация неуклонно продвигалась вперед. Были изобретены бумага и чернила, а также кисточка из верблюжьей шерсти, которые дали большой толчок искусству письма и живописи, причем последнее все еще находилось на очень начальной стадии. Обычай хоронить рабов вместе с умершими был отменен в начале правления династии. Двадцатисемимесячный траур по родителям — номинально три года, как теперь снова стало правилом, — был сокращен до более приемлемого периода в двадцать семь дней. Впервые были учреждены литературные степени, и старшему потомку Конфуция по мужской линии было присвоено бессрочное наследственное звание, которое продолжается в непрерывной преемственности вплоть до наших дней. Глава конфуцианского клана теперь герцог и проживает во дворце, занимая положение при высших провинциальных органах власти, если не раньше.

Продолжительные военные кампании в Центральной Азии в этот период привели Китай в соприкосновение с Бактрией, в то время отдаленной провинцией Древней Греции. Из этого последнего источника китайцы научились многим вещам, которые сейчас часто рассматриваются как чисто местные достижения. Они импортировали виноград и делали из него вино, которое использовалось много веков и исчезло всего около двухсот-трехсот лет

назад. Раньше китайцы полагались только на солнечные часы, теперь они оказались во владении водяными часами, образцы которых до сих пор можно увидеть в полностью рабочем состоянии, благодаря чему было точно определено разделение суток на двенадцать двухчасовых периодов. Календарь был отрегулирован заново, и музыкальная наука была реконструирована; фактически, можно сказать, что современная китайская музыка очень близка к музыке древней Греции. Из-за разницы в тональности китайская музыка не привлекает слух Запада; во всяком случае, не в том смысле, в каком она нравилась Конфуцию, который оставил запись о том, что после прослушивания определенной мелодии он был настолько поражен, что не мог пробовать мясо в течение трех месяцев.

ГЛАВА II—ЗАКОН И ПРАВИТЕЛЬСТВО

В самые ранние века, о которых, как утверждает история, известно, люди, желавшие избавиться от своих товаров, были вынуждены прибегать к бартеру. Мало-помалу в качестве средства обмена были приняты раковины, а затем и куски тисненого шелка, льна и оленьей кожи. За ними последовали круглые медные диски с круглым отверстием, предшественники обычных медных монет столетием или двумя позже, которые имели квадратные отверстия и имели надписи, как это делается до сих пор. Деньги также отливались в форме "ножей" и "брюк", под этими названиями знатокам известны образцы этой ранней чеканки (в основном подделки). Некоторые из них были красиво отделаны и даже инкрустированы золотом. В начале девятого века в обиход вошли переводные векселя, а с середины двенадцатого века бумажные деньги стали довольно распространенными и до сих пор широко используются по всему Китаю, в некоторых местах выпускаются банкноты на суммы даже меньше шиллинга.

Меры длины и вместимости были установлены китайцами после чрезвычайно простого процесса. За единицу измерения и того, и другого было взято довольно однородное по размеру зерно проса. Десять таких зернышек, уложенных торцом друг к другу, образовывали дюйм, десять из которых составляли фут, а десять футов - *чанг*. В Китае всегда преобладала десятичная система счисления, за одним любопытным исключением: шестнадцать унций составляют фунт. Как это произошло, по-видимому, неизвестно; но в данном случае единицей веса является фунт, а не меньший номинал. Слово, которое на протяжении более двадцати веков означало у китайцев "фунт", первоначально было грубым изображением наконечника топора; и нет сомнения, что наконечники топоров, будучи все одинакового размера, использовались при взвешивании товаров и впоследствии были разделены для удобства на шестнадцать равных частей, каждая из которых примерно на треть тяжелее английской унции. Что касается вместимости, мы должны вернуться к зернам проса, фиксированное количество которых устанавливает стандарт для китайских пинт и кварт. Результатом этого эмпирического расчета стало то, что меры веса различаются по всей империи, хотя на самом деле существуют официальные фут, фунт и пинта, признанные китайским правительством. В одном и том же

городе нога портного будет отличаться от ноги плотника, пинта пива нефтяника - от пинты спиртного торговца и так далее. Последнее обращение - к местному обычаю.

С окончательным установлением монархии, за двести лет до христианской эры, была введена в действие система правления, которая, насколько это касается сути, действует почти единообразно вплоть до наших дней.

В Китае существует древний и хорошо признанный принцип, согласно которому каждая пядь земли принадлежит суверену; следовательно, вся земля удерживается за счет земельного налога, подлежащего уплате императору, и до тех пор, пока этот налог не будет уплачен, данная земля практически находится в свободном владении и может передаваться путем продажи из рук в руки за небольшую плату местным властям, которые скрепляют документы печатью. Таким образом, иностранные концессии или поселения в Китае никоим образом не продавались и не расставались с китайцами; они были "сданы в бессрочную аренду" до тех пор, пока выплачивается земельная рента, и остаются для всех муниципальных и подобных целей под бесконтрольным управлением страны, которая их арендовала. Земельный налог можно рассматривать как основу китайских финансов; но, хотя номинально он взимается по фиксированной ставке, он подвержен колебаниям из-за неурожаев и подобных посещений, в этих случаях налог принимается по более низкой ставке, фактически по любой ставке, которую люди могут позволить себе платить.

Соляная и другие монополии, наряду с таможенной, также вносят важный вклад в доходы Китая. Существует старая местная таможенная служба с ее постами и барьерами по всей империи, а также иностранная таможенная служба, созданная только в портах, предусмотренных договором, для обработки грузов на иностранных судах, торгующих с Китаем. Традиционные и хорошо обозначенные линии налогообложения свободно принимаются народом; однако любая попытка увеличить суммы, подлежащие взиманию, или ввести новые сборы любого рода, если только они должным образом не санкционированы самими людьми, сразу же встретит суровое сопротивление. На самом деле, власти никогда не идут ни на какие подобные риски. Обычно, когда абсолютно необходимо и, возможно, желательно увеличить старые или ввести новые сборы, местные власти приглашают ведущих торговцев и других заинтересованных лиц на закрытое совещание; и только при наличии общего согласия всех сторон официальные лица отваживаются делать заявления о том, что такой-то налог будет увеличен или введен, в зависимости от обстоятельств. Любой другой метод может привести к плачевным результатам. Люди отказываются платить, и принуждение немедленно наталкивается на всеобщее закрытие магазинов и остановку торговли или, в более серьезных случаях, на нападение на официальную резиденцию провинившегося мандарина, который вскоре видит, как его дом разграблен и сровнен с землей. Другими словами, китайский народ сам облагает себя налогом.

Номинальная форма правления, если говорить без ссылки на новую конституцию, которая будет рассмотрена позже, является безответственной автократией; ее институты также автократичны по форме, но демократичны по действию. Философ Менций (372-289 гг. до н.э.) поставил людей на первое место, богов - на второе, а суверена - на третье по шкале национальной значимости; и эта классификация глубоко засела в умах китайцев за прошедшие более чем две тысячи лет. Чего люди в Китае не потерпят, так это несправедливости; в то же время они будут довольствоваться суровыми законами, которые они сами себе в тот или иной момент навязали.

Каждая из великих династий всегда начинала со своего собственного Уголовного кодекса, основанного на кодексе уходящей династии, но с течением времени приобретающего все более гуманный характер. Наказания в старые времена были чудовищны по своей суровости; Уголовный кодекс нынешней династии, вступивший в силу около двухсот пятидесяти лет назад, был признан компетентными судьями действительно очень высоким. Он был введен для замены гораздо более жесткого кодекса, действовавшего при династии Мин, и содержит номинально неизменяемые законы империи с такими изменениями и ограничениями, которые время от времени разрешались императорским указом. Еще дальше вглубь китайской истории мы сталкиваемся с наказаниями безжалостной жестокости, которые, как можно было бы ожидать, преобладали во времена меньшей культуры и утонченности. Две тысячи лет назад Пятью наказаниями были — клеймение на лбу, отрезание носа, отрубание ног, нанесение увечий и смерть; за последние двести пятьдесят лет ими были — избивание легким бамбуком, избивание тяжелым бамбуком, транспортировка на определенный период, изгнание на определенное расстояние и смерть, причем последнее подразделялось на удушение и обезглавливание, в зависимости от тяжести преступления.

Упомянуты два настоящих орудия пыток: одно для сдавливания костей лодыжек, а другое для сдавливания пальцев, которые должны использоваться в случае необходимости для получения признания по обвинению в ограблении и убийстве, причем признание считается необходимым для составления протокола. Применение этих пыток, однако, огорожено таким образом, что налагает большую ответственность на председательствующего магистрата; и в дополнение к риску официального импичмента существует более страшная опасность потери влияния и народного уважения. В кодексе упоминается так называемая "затяжная смерть", согласно которой сначала отрубается одна рука, затем другая; таким же образом отрубаются две ноги; на груди делаются два разреза, и сердце вырывается; обезглавливание завершает процедуру. Следует отметить, что, хотя многие иностранцы время от времени присутствовали при публичных казнях, иногда, когда объявлялось о "медленной смерти", ни один из них не установил как бесспорный факт, что такой процесс когда-либо проводился. Мало того; также хорошо известно, что осужденным преступникам разрешается покупать самим или через своих друзей, если таковые у них есть, спиртные напитки или опиум, чтобы подкрепить свое мужество в последний момент. Действительно, существует традиция, согласно которой чиновники раздают одурманивающие напитки группам преступников, когда они проходят к месту казни в Пекине. Все равно оставалось бы найти палачей, способных хладнокровно выполнить такую отвратительную операцию, какой считается "медленная смерть". Обычный китаец - не исчадие ада; он не злорадствует в мирные минуты, когда не находится под влиянием крайнего возбуждения, по поводу кровопролития и жестокости.

В целом снисходительный дух, в котором был разработан Уголовный кодекс Китая, либо широко неизвестен, либо очень часто игнорируется. Например, во время чрезмерной летней жары некоторые наказания смягчаются, а другие вообще отменяются. Быстрая выдача и признание в совершении преступления до того, как оно будет раскрыто иным образом, дает право преступнику, за некоторыми исключениями, на полное и безвозмездное помилование; также как и возвращение украденного имущества его владельцу раскаявшимся вором; в то время как преступник, виновный в двух или более преступлениях, может быть наказан только в объеме основного обвинения. Ни близкие родственники, ни даже слуги виновного не подлежат наказанию за сокрытие его преступления и содействие ему в побеге. При этом делается огромная скидка на слабость человеческой природы, во всем этом можно обнаружить

смягчающие доктрины великого Мудреца. Один феодальный барон хвастался Конфуцию, что в его части страны люди настолько честны, что сын может дать показания против отца, укравшего овцу. "У нас, - ответил Конфуций, - отец защищает сына, а сын защищает отца; это настоящая честность". Другому вопрошавшему, человеку с высоким авторитетом, который жаловался на количество воров, Учитель объяснил, что это происходит из-за жадности высших классов. "Но из-за этой жадности, - добавил он, - даже если бы вы платили людям за воровство, они бы этого не делали". Тому же человеку, который поинтересовался его мнением о смертной казни, Конфуций ответил: "Какая вообще необходимость в смертной казни? Если ваши цели достойны, люди тоже будут достойны".

В Уголовном кодексе есть много других поразительных особенностей. Например, ни один брак не может быть заключен в период траура по родителям, который теоретически длится три полных года, но на практике исчисляется двадцатью семью месяцами; также близкие родственники умершего не могут играть на музыкальных инструментах. В течение того же периода ни один мандарин не может занимать должность, но должен уйти в частную жизнь; хотя от соблюдения этого правила часто отказываются в случае с высокопоставленными должностными лицами, чье присутствие на своих постах может иметь значительное значение. В таких случаях, по особой милости императора, срок выхода на пенсию сокращается до трех месяцев или даже до одного.

За смертью императора следует длительный период национальной скорби. В течение ста дней ни одному мужчине не разрешается брить голову, и ни одной женщине не разрешается носить головные украшения. В течение двенадцати месяцев среди представителей официальных классов не допускается заключение браков или выдача замуж, а для населения в целом этот срок сокращается до ста дней. Предполагается, что театры будут закрыты в течение года, но на практике они закрываются только на сто дней. Даже при этом большие трудности ложатся на многие классы общества, особенно на актеров и цирюльников, которым могла бы грозить реальная голодная смерть, если бы не здравый смысл их правителей в сочетании с обычным домашним горшком для риса.

Закон, запрещающий заключение браков между лицами с одной фамилией, действует широко, но не повсеместно. Ни один Смит не может жениться на Смит; ни один Джонс не может жениться на Джонс; причина, конечно, в том, что все люди с одной фамилией считаются членами одной семьи. Однако в определенных частях Китая есть большие районы, где все без исключения жители носят одну фамилию и где было бы очень трудно — не говоря уже о невозможности обеспечения соблюдения закона, — если бы подобного рода смешанные браки были запрещены. Следовательно, они разрешены, но только в том случае, если договаривающиеся стороны состоят в настолько отдаленном родстве, что, согласно юридической таблице родства, они не будут носить траур друг по другу в случае смерти — другими словами, они вообще не состоят в родстве. Линия происхождения сейчас прослеживается по мужской линии, но есть основания полагать, что в ранние времена, как это часто бывает среди нецивилизованных племен, важным, поскольку его легче распознать, родителем была мать. Таким образом, брак двоюродных братьев с одной фамилией незаконен и законен, если фамилии разные; однако в последнем случае многовековой опыт научил китайцев неодобрительно относиться к таким союзам как к крайне нежелательным.

Уголовный кодекс запрещает захоронение в воде, а также кремацию; но детям человека, умирающего на большом расстоянии, разрешается предавать тело своего отца огню, если они решительно не в состоянии доставить его обратно для обычного захоронения в своем родном районе. Идея состоит в том, что с помощью огня устанавливается немедленная связь с миром духов и что дух умершего таким образом получает возможность достичь своего родного места, что было бы невозможно, если бы труп оставался нетронутым. Отсюда ужас смерти за границей, общий для всех китайцев, с которым они сталкиваются только в том случае, если существует разумная вероятность того, что их останки будут доставлены обратно на родину предков.

Несмотря на вышеупомянутый закон, кремация буддийских священников является всеобщей, и к этой практике относятся без протеста. Священники, достигшие преклонных лет или пораженные смертельной болезнью, вынуждены по правилам переселяться в определенную часть своего монастыря, известную как Обитель долгой старости, в которой от них требуется — не умирать, ибо смерть не приходит к хорошему священнику, но — войти в Нирвану, которая является возвышенным состоянием сознательной свободы от всех умственных и физических расстройств, которое невозможно адекватно описать словами. После смерти священника сажают в кресло, подпирая его подбородок костылем, а затем кладут в деревянный ящик, который в назначенный день проносят процессией с развевающимися знаменами через монастырь и далее к месту кремации, пристроенному к нему, а его братья-священники все это время поют ту часть буддийской литургии, которая выделена как служба по умершим, но которая написана на пали и которую никто из них не может понять, поскольку она написана на пали. Конечно, за долгое господство буддизма в Китае в то или иное время было много высокообразованных священников; но можно с уверенностью сказать, что в наши дни их больше не встретишь. Буддийские литургии были написаны китайскими иероглифами, которые воспроизводят звуки оригинального индийского языка, и священники заучивают их наизусть, не понимая ни слова из их значения. Ящик с покойником теперь водружают на вершину погребального костра, который обильно обливают маслом, и поджигают; а когда огонь догорает, пепел благоговейно собирают и помещают в урну, которая в конце концов помещается в специально предназначенный для этой цели мавзолей.

Жизнь в Китае на удивление безопасна. Ни один человек не может быть казнен, пока его имя не будет представлено императору, что, конечно, означает, его министрам в столице. Китайцы, однако, будучи, как часто говорилось, в высшей степени практичным народом, понимают, что определенные дела не терпят отлагательства; и чтобы предотвратить неизбежный самосуд над такими преступниками, как похитители, мятежники и другие, пойманные с поличным, высшим должностным лицам доверена власть над жизнью и смертью, которую они могут привести в действие немедленно, всегда принимая на себя полную ответственность за свои действия. Главное - успокоить любое волнение населения и сохранить общественный порядок.

В общем применении закона допускается большая свобода действий, и слишком буквальное толкование Кодекса редко приводит к несправедливости. Воровство, конечно, является преступлением, но ни одному китайскому судье и в голову не придет наказать голодного человека за простую кражу еды, даже если такое дело когда-либо будет передано в суд. Продавцы пирожных зорко следят за своим товаром; фермеры и огородники объединяются для взаимной защиты, и горе пойманному вору — его наказание будет коротким и суровым. Судебные разбирательства не поощряются даже теми льготами, которые должны быть предоставлены лицам, страдающим от несправедливости; здесь нет коллегии адвокатов или

профессии юриста, а с лицами, которые помогают истцам или ответчикам в ведении дел, председательствующий судья обращается крайне неучтиво, и им повезет, если они не отделаются ничем худшим. Большинство коммерческих дел рассматриваются гильдиями и разрешаются без обращения к властям. Обычные китайцы боятся суда справедливости, как места, в котором обе стороны умудряются что-то потерять. "Это не большой дьявол", согласно нынешней поговорке, "а маленькие дьяволы", которые отпугивают поклонника. Это происходит потому, что официальные слуги не получают зарплаты, а средства к существованию их зависят от льгот и чаевых; и китайский поклонник, который является участником системы, с готовностью признает, что необходимо "немного разбрызгать воду".

Также ни один чиновник в Китае, ни высокий, ни низший, не получает зарплату, хотя правительство выделяет на эти цели абсурдно неадекватные суммы, обращаться за которыми считается благоразумным. Китайская система в некоторой степени противоположна нашей. Наши чиновники собирают деньги и платят их в казну, откуда им возвращаются фиксированные суммы в качестве заработной платы. В Китае лица, занимающие мелкие должности, собирают доход различными способами, в виде налогов или сборов, платят себе столько, сколько осмеливаются, и передают остаток вышестоящему должностному лицу, которое, в свою очередь, платит себе тем же способом и снова передает остаток своему вышестоящему должностному лицу. Когда добираются до вице-короля провинции, он тоже оставляет себе то, на что осмеливается, отправляя в императорскую казну в Пекине ровно столько, чтобы удовлетворить стоящие над ним власти. Таким образом, высший класс постоянно проверяет низший, но не контролирует вымогательство, которое может быть применено к налогоплательщику. Налогоплательщик следит за этим сам. Говоря в целом, можно сказать, что эта система, несмотря на ее неудовлетворительный характер, работает довольно хорошо. Немногие чиновники выходят за рамки, установленные обычаем для их должностей, а те, кто это делает, обычно попадают в беду. Так что, когда нечестность китайских чиновников подвергается порицанию, всегда следует помнить, что финансовая сторона их государственной службы не окружена такими формальностями и гарантиями, которые затрудняли бы, если не сказать почти исключали, хищение государственных денег. Поэтому тем радостнее, когда мы обнаруживаем, как это часто бывает, что уходящие на пенсию или перемещаемые мандарины сопровождаются добрыми пожеланиями и любовью людей, над которыми им поручено править.

До недавнего времени в Китае не существовало такого понятия, как муниципальное управление и рейтинг, и даже сейчас такие методы лишь в предварительном порядке внедряются в крупных городах, где проживает большое количество иностранцев. В народе считается, что жильцы домов сами "сметают снег со своих порогов", но ремонт дорог, мостов, водосточков и т.д. Всегда предоставлялся случайной филантропии богатых людей, которые пользовались этой возможностью, чтобы удовлетворить общественное мнение в отношении обязательств богатых по отношению к бедным. Следовательно, китайские города остаются без эффективного освещения, дренажа или сбора мусора; и удивительно, насколько хорошим может быть здоровье людей, живущих в таких условиях. Организованной полиции здесь нет; но города разделены на кварталы, и в определенных местах по ночам поперек улиц натягиваются заграждения, возможно, с одним сторожем на каждый. Выходить на улицу поздно ночью считается неприличным, и небезопасно передвигаться без фонаря, который для тех, кто может позволить себе такую роскошь, несет слуга, идущий впереди.

Одно различие между жизнью в Китае и жизнью в этой стране можно в определенной степени проиллюстрировать следующим образом. Предположим, что путешественника, проходящего через английскую деревню, ударили камнем по голове. Если он не сможет указать на нападавшего, дело закрыто. В Китае все, что должна сделать пострадавшая сторона, это указать деревню — или, если это город, округ, — в котором на нее напали. Затем глава такого города или прихода вызывается к властям и подвергается штрафу, пропорциональному правонарушению, за допущение хулиганского поведения в своем округе. Староста тщательно следит за тем, чтобы он сам не заплатил штраф. Точно так же родители несут ответственность за поступки своих детей, а домовладельцы - за поступки своих слуг.

ГЛАВА III—РЕЛИГИЯ И СУЕВЕРИЯ

Китайцы категорически не религиозный народ, хотя они очень суеверны. Вера в Бога пришла из самых отдаленных веков, но старое простое вероучение было настолько перекрыто буддизмом, что его невозможно различить в наши дни. Буддизм в настоящее время является доминирующей религией Китая. Она тесно связана с жизнью людей и является надежным убежищем от болезней или мирских невзгод. Это уже не та утонченная доктрина, которая первоначально была преподнесена народу Индии, а нечто гораздо более четко определенное и воспринимаемое самым простым интеллектом. Будда - спаситель людей только благодаря праведности, и в народе считается, что буддийские святые обладают силой заступничества. И все же благоговения всегда не хватает; и толпы людей будут смеяться и болтать, покупать и продавать сладости в буддийском храме, прямо на глазах у самых священных изображений. Пока не требуется божественного вмешательства, обычный китаец довольствуется пренебрежением к своим божествам; но как только болезнь или финансовые затруднения постигнут семью, он поспешит умиловить богов.

Он достигает этого с помощью священников, которые принимают его денежные подношения и зажигают свечи или благовония в святилище божества, к которому взывают. Буддийские священники не пользуются популярностью у китайцев, которые высмеивают их бритые головы и сомневаются в искренности их убеждений, а также в чистоте их жизни. "Сюда не допускаются ни мясо, ни вино" - так гласит надпись на воротах большинства буддийских храмов, а обычная диета, подаваемая в трапезной, является строго вегетарианской. Подвыпивший священник, однако, не является совершенно неслыханным сочетанием и послужил не одному выдающемуся художнику сюжетом для интересной картины.

Однако испытание, через которое должен пройти послушник, прежде чем его примут в священный сан, является суровым испытанием нервов и выносливости. В процессе длительного ритуала на лысую макушку головы кладут по меньшей мере три или даже целых девять пастилок.

Затем их поджигают и оставляют вжигаться в кожу до образования постоянных шрамов, при этом несчастного послушника поддерживают с обеих сторон священники, которые все время поощряют его переносить то, что должно быть мучительной болью. Полностью квалифицированный жрец получает диплом, на основании которого он может требовать дневного и ночного питания и ночлега у жрецов любого храма по всей империи.

На очень раннем этапе буддизм уже прочно завладел воображением китайских поэтов и художников, последние из которых любили изображать почитаемого во всем мире Единого в ослепительных золотых тонах. Поэт восьмого века нашей эры, впервые осознавший внутренний смысл Закона, как его называют, завершил панегирик буддизму следующими строками:

О ты, чистая Вера, если бы я только знал твой размах,
Золотой Бог уже давно был бы моей надеждой!

Даосизм - термин, часто встречающийся в книгах о Китае. Нам говорят, что тремя религиями этого народа являются конфуцианство, буддизм и даосизм, и именно такой порядок приоритета был присвоен им в 568 году нашей эры. Конфуцианство, конечно, вообще не религия, имеющая дело только с долгом по отношению к ближнему и делами этой жизни; и будет видно, что даосизм в его истинном смысле едва ли претендует на большее. В очень отдаленные времена, некоторые говорят за тысячу, а другие за шестьсот лет до христианской эры, процветал мудрец по имени Лао-цзы, которое можно приблизительно произнести как *Лудза* (оу как в *громком* письме) и понимать как Старого Философа. Он был очень оригинальным мыслителем, и ряд его высказываний сохранился до нас от древних авторов, до которых они дошли по традиции; иными словами, Старый философ никогда не облакал свои доктрины в книжную форму. Действительно, существует работа, которая проходит под его именем, но теперь известно, что это подделка, и ученые обычно отвергают ее.

Большим недостатком учения Старого философа был его крайне непрактичный характер, его непригодность для нужд мужчин и женщин, занятых обычными делами жизни. В каком-то смысле он был анархистом, поскольку считал, что империи жилось бы лучше, если бы вообще не было правительства, поскольку факт заключался в том, что насилие и беспорядки всегда бросались в глаза даже при лучших правителях. Точно так же он утверждал, что мы должны с большей пользой обходиться меньшим количеством знаний, потому что тогда было бы меньше воров, а успешное воровство является результатом умственной тренировки. Нет необходимости следовать за ним к его самой известной доктрине, а именно к доктрине ничегонеделания, с помощью которой, по его словам, можно сделать все, что угодно, решение этой загадки он предоставил каждому найти самому. Среди его причудливых высказываний можно найти несколько максим совсем другого класса, о чем свидетельствуют его наставления: "Воздавай за зло добротой" и "Силен тот, кто побеждает самого себя". Комментатор приводит следующую иллюстрацию последнего. Двое мужчин встретились на улице, и один сказал другому: "Какой ты растолстел!" "Да, - ответил его друг, - недавно я выиграл сражение". "Что вы имеете в виду?" - спросил первый. "Видите ли, - сказал тот, - пока я был дома и читал о древних царях, я не восхищался ничем, кроме добродетели; затем, когда я вышел на улицу, меня привлекли чары богатства и власти. Эти два чувства боролись во мне, и я начал терять плоть; но теперь любовь к добродетели победила, и я растолстел".

Учения Древнего Философа были обобщены в слове *Дао*, произносимом как *тоу(т)*, которое первоначально означало дорогу, уклад; а применительно к доктринам означает просто правильный путь или стезю нравственного поведения, по которой человечество должно идти, чтобы вести правильную и добродетельную жизнь. Позже, когда был введен буддизм, этот даосизм со всеми его парадоксами и тонкостями, к которым добавились алхимия и приготовление эликсира жизни, постепенно начал терять свою власть над людьми; и чтобы остановить волну сопротивления, были построены храмы и монастыри, было учреждено духовенство в подражание буддистам, и все виды церемоний и обрядов были взяты из буддизма, пока в наши дни только те, кто знает, не могут отличить одно от другого.

Хотя алхимия, пришедшая из Греции через Бактрию во втором веке до нашей эры, давно перестала интересовать китайскую публику, которая обнаружила, что золото легче изготавливать в поте лица, чем из меди или свинца; и хотя сейчас лишь несколько глупцов верят, что из любой смеси лекарств получится эликсир жизни, способный даровать бессмертие тем, кто его пьет; тем не менее, даосизм все еще утверждает, что учит искусству продления жизни, если не на неопределенный срок, то, во всяком случае, на значительный срок. Это искусство, вероятно, в какой-то степени способствовало бы продлению жизни при любых обстоятельствах, поскольку оно состоит главным образом в глубоком и регулярном дыхании, предпочтительно утренним воздухом, в глотании слюны три раза в течение каждых двух часов, в принятии определенных положений тела и конечностей, которые также укрепляются гимнастическими упражнениями, и, наконец, как заимствовано у буддистов, в том, чтобы оставаться неподвижным в течение нескольких часов в день, закрыв глаза и максимально абстрагировавшись умом от всех окружающих воздействий. Результатом этих и других практик является развитие "чистого человека", о котором Чжуан-цзы (*Чвондза*), даосский философ третьего и четвертого веков до нашей эры, о котором следует упомянуть еще раз, пишет следующее: "Но что такое чистый человек? Чистые люди древности действовали без расчета, не стремясь к достижению результатов. Они не строили никаких планов. Поэтому, потерпев неудачу, у них не было причин для сожаления; добившись успеха, не было причин для поздравлений. И таким образом они могли взбираться на высоту без страха; входить в воду, не промокая, и разжигать огонь, не чувствуя жара. Чистые люди древности спали без сновидений и просыпались без беспокойства. Они ели без разбора, дыша глубоко. Ибо чистые люди дышат пятками, а вульгарные - только горлом".

В сочетании с тем, что можно назвать интеллектуальным даосизмом, в противоположность более грубой форме, в которой эта вера привлекает людей в целом, существует любопытная теория о том, что человеческая жизнь достигает земли из какого-то необычайно ослепительного центра в глубинах космоса, "за пределами диапазона концепций". Этот центр представляется домом вечных принципов, обителью Первопричины, где совершенно незапятнанные и чистые существа "пьют духовное и питаются силой" и где подобие существует без формы. Возвращение к этому состоянию должно быть целью всех людей, и достичь этого можно только путем процесса умственного и физического очищения, продолжающегося при любых условиях существования. Затем, когда тело и душа приспособлены к изменению, наступает то, что обычные смертные называют смертью; и чистое существо закрывает глаза, чтобы немедленно пробудиться в своем изначальном великолепии ото сна, который смертные называют жизнью.

На протяжении многих веков буддизм и даосизм находились в ожесточенном антагонизме. Иногда двор был буддийским, иногда даосским; сначала была полностью подавлена одна вера, затем другая; в 574 году нашей эры обе были упразднены из уважения к конфуцианству, которому, однако, ни один император никогда не осмеливался серьезно препятствовать. В настоящее время все "три религии" счастливо процветают бок о бок.

Китайцы твердо верят в существование духов, которых они классифицируют просто как добрых и злых. Они не слишком утруждают себя первым, но ужасно боятся последнего. Отвратительные дьяволы кишат в темных углах и подстерегают несчастных прохожих, часто без всякой причины. Духи людей, с которыми поступили несправедливо, вызывают особый страх у тех, кто сам поступил несправедливо. Человек, у которого обманом отняли деньги, совершит самоубийство, обычно с помощью яда, у дверей преступника, который таким образом первым попадет в руки властей, и если он сбежит в этом квартале, ему все равно придется считаться с раненым призраком своей жертвы. Невестка утопится или повесится, чтобы освободиться от тирании или жестокости матери своего мужа, а также отомстить за нее. Эти действия сразу же приводят к семейной вражде, которая иногда заканчивается кровопролитием; чаще всего денежной компенсацией; и известный риск таких непредвиденных обстоятельств действует как полезная мера пресечения агрессивного обращения сильных со слабыми.

Гадания и гадалки всегда играли заметную роль в обычной китайской жизни. Мудрецы типа магов сидят за прилавками на улицах и рынках, готовые за небольшую плату дать совет тем, кто консультируется с ними, относительно любого предприятия, даже самого тривиального. Предзнаменования могут быть получены различными способами, например, путем расчетов, основанных на книгах, которых существует немало, или путем вытягивания жребия, испещренного мистическими знаками, которые должны быть истолкованы гадалкой. Даже в буддийских храмах можно найти два куска дерева в форме почки, плоские с одной стороны и круглые с другой, которые подбрасываются в воздух перед алтарем, результаты - два плоских, два круглых или по одному каждому — интерпретируются как неблагоприятные, средние и очень благоприятные соответственно.

Из всех китайских суеверий самым стойким и оказавшим наибольшее влияние на национальную жизнь является знаменитая геомантическая система Ветра и воды (*фэн-шуй*). Согласно принципам, которые управляют этой системой и о которых существует довольно специальная литература, хорошая или плохая судьба отдельных людей и сообществ определяется различными физическими аспектами и условиями, которые окружают их повседневную жизнь. Формы холмов, наличие или отсутствие воды, расположение деревьев, высота зданий и так далее - все это вызывает глубокое уважение у профессоров геомантического искусства, которые процветают за счет невежества суеверных клиентов. Их вызывают, чтобы выбрать подходящие места для домов и могил; и часто случается, что, если судьба семьи терпит неудачу, приглашается геомант, который каким-то образом изменяет обустройство родового кладбища. Дома на китайской улице никогда не строятся так, чтобы образовывать линию одинаковой высоты; время от времени один дом должен быть немного выше или немного ниже своего соседа, иначе непременно последует катастрофа. Невозможно войти прямо в обычный жилой дом среднего класса. Сразу за входной дверью будет закреплен экран, который заставляет посетителя поворачиваться направо или налево; общепризнанная цель состоит в том, чтобы исключить появление злых духов, которые могут двигаться только по прямой.

Упоминание о кладбище предков наводит на мысль о всеобщем поклонении предкам, которое с незапамятных времен было столь заметной чертой религиозной жизни Китая. Считается, что после смерти дух мужчины или женщины остается присматривать за материальными интересами семьи, к которой принадлежал покойный. Время от времени такому духу делаются подношения различного рода, включая мясо и напитки, которые, как предполагается, особенно часто обитают в зале предков — или буфете, в зависимости от обстоятельств. Эти подношения делаются с особой целью умиротворения духа и получения взамен щедрой доли благословений и благ этой жизни. Это существенная черта обряда, и именно это делает его чистым и незамысловатым актом поклонения; так что только поверхностные наблюдатели могли совершить ошибку, классифицируя культ предков, практикуемый в Китае, с такими действиями, как возложение венков на могилы умерших друзей и родственников.

Что касается духа, или души, то китайцы на протяжении веков придерживались мнения, что душа каждого человека двойственна; по распространенному мнению, иногда ее рассматривают как тройственную. Одна часть — это то, что выражает видимую личность и постоянно прикреплено к телу; другая обладает способностью покидать тело, унося с собой видимость физической формы, которая объясняет, почему человека можно увидеть в двух разных местах одновременно. Случаи катаlepsии или транса китайцы объясняют отсутствием в теле этой части души, которая, как также считается, изгоняется из тела при любом сильном потрясении или испуге. Есть история о человеке, который был так напуган перспективой немедленной казни, что его отделившаяся душа покинула тело, и он обнаружил, что сидит на карнизе дома, откуда ему был виден связанный человек, ожидающий меча палача. Как раз тогда наступила передышка, и через мгновение он снова вернулся в свое тело. Мистер Эдмунд Госс, который вряд ли был знаком с китайским мировоззрением, рассказал похожую историю в своих *"Отце и сыне"*: "Во время утренних и вечерних молитв, которые были чрезвычайно долгими и утомительными, мне казалось, что одно из двух моих "я" может взлететь, сесть, цепляясь за карниз, и смотреть вниз на свое второе "я" и всех нас".

В некоторых частях Китая к планшетке часто прибегают как к средству предсказания будущего и соответствующей адаптации своих действий. Это чисто профессиональное представление, которое проводится публично перед каким-нибудь алтарем в храме и за ответную реакцию взимается плата. Вопрос записывается на листе бумаги, который сжигается на алтаре, по-видимому, до того, как кто-либо успеет ознакомиться с его содержанием; и ответ бога немедленно начертывается на подносе с песком, слово за словом, каждое слово стирается, чтобы освободить место для следующего, двумя мужчинами, предположительно ничего не знающими о вопросе, которые держат концы V-образного инструмента, из острия которого под прямым углом выступает маленький деревянный карандаш.

Другой метод извлечения информации из духов невидимого мира — это не что иное, как гипноз, который давно известен китайцам и упоминается в литературе еще в середине семнадцатого века. Со всеми атрибутами алтаря, свечами, благовониями и т.д. медиум вводится в гипнотическое состояние, во время которого предполагается, что его тело одержимо духом, и каждое слово, которое он может произнести, должно быть вдохновлено богом. Известен забавный случай с медиумом, который, находясь под гипнотическим воздействием, не только проговорился о денежных хищениях некоторых людей, собиравших пожертвования на реставрацию храма, но зашел так далеко, что признал, что часть денег была у него самого.

Это же воздействие также используется в случаях серьезных заболеваний, но всегда тайно, поскольку подобные практики, а также темные *сеансы* общения с духами, строго запрещены китайскими властями, которые считают применение оккультных средств скорее подрывающим мораль, чем приносящим какую-либо пользу больному человеку или кому-либо еще. Все тайные общества любого рода в равной степени находятся под запретом закона, при этом предполагается — и весьма обоснованно — что целью этих обществ является нарушение существующего порядка политической и социальной жизни. Общество Неба и Земли - одно из самых известных и внушающих наибольший страх, отчасти, возможно, потому, что оно никогда не подвергалось полному подавлению. Ложи этого братства, клятва верности и церемониал приема убедительно напоминают о масонстве на Западе; но принципы поведения - это просто совпадения, и, по-видимому, между ними нет никакой реальной связи.

Одним из самых любопытных из всех этих учреждений является Общество Золотой Орхидеи, девушки-участницы которого клянутся никогда не выходить замуж и не только угрожают, но и совершают самоубийство при любой попытке принуждения. В свое время это общество стало настолько серьезной угрозой, что власти были вынуждены принять суровые репрессивные меры.

Еще одно устоявшееся общество - это общество вегетарианцев, которые не едят мяса, не курят и не пьют. Говорят, что из их, казалось бы, безобидных рядов были в основном набраны боксеры 1900 года.

На протяжении почти двадцати пяти столетий китайцы обращались к Конфуцию за моральными устоями. Различные религии апеллировали к духовной стороне китайского разума, и буддизм добился господства, которое нелегко будет сместить; но на протяжении всего этого долгого периода времени нравственность Китая находилась под руководством их великого учителя Конфуция (551-479 гг. до н.э.), нежно известного им как "некоронованный король", а недавно возведенного в ранг бога.

Его доктрины, иногда в форме максим, иногда в виде ответов нетерпеливым вопрошающим, были сведены воедино после его смерти — мы не знаем точно, как скоро — и оказали влияние в первую и последнюю очередь на огромную часть человечества. Конфуций учил долгу человека перед ближним; он учил добродетели ради самой добродетели, а не в надежде на награду или из страха наказания; он учил верности государю как краеугольному камню национального процветания и сыновнему почтению как основе всякого счастья в жизни народа. Как простой моралист, он ясно видел ограниченность человечества и отказался учить своих учеников отвечать добром на зло, как предлагал Старый философ, без колебаний заявив, что на зло следует отвечать справедливостью. Первый систематизатор китайской истории, умерший около 80 года до н.э., высказался о положении и влиянии Конфуция в терминах, которые считались точными на протяжении двадцати столетий прошлого: "Бесчисленны князья и пророки, которых мир видел в свое время — славных при жизни, забытых после смерти. Но Конфуций, хотя и был всего лишь скромным представителем одетых в хлопок масс, остается с нами после многих поколений. Он является образцом для тех, кто был бы мудр. Все, от Сына Неба досамого ничтожного студента, свободно и полностью признают превосходство его принципов. Его действительно можно назвать божественнейшим из людей".

Сын Неба - это, конечно, Император, который считается избранным представителем Бога на земле и несет ответственность за правильное поведение и благополучие всех, вверенных его

попечению. Раз в год он торжественно отправляется в Храм Неба в Пекине; и после надлежащего совершения жертвоприношения он в одиночестве входит в центральное возвышенное здание с круглой крышей из голубой черепицы и там вступает в общение с Высшим Существом, подчиняясь его одобрению или иным образом управляя им в течение предыдущих двенадцати месяцев. Китайские летописи заходят так далеко, что упоминают письма, полученные от Бога. Существует легенда шестого века нашей эры, в которой утверждается, что Бог явил Себя отшельнику в уединенной долине и даровал ему нефритовую табличку с таинственной надписью. Но есть гораздо более обстоятельный отчет о письменном сообщении, которое в 1008 году нашей эры сошло с небес на гору Тай, знаменитую гору в Шаньдуне, где был построен храм в ознаменование того самого места. Император и его придворные отнеслись к этому письму с глубоким почтением и трепетом, что вызвало гнев ученого государственного деятеля того времени. Последний указал, что Конфуций, когда его попросили высказаться, чтобы его ученикам было что записать, прямо ответил: "Говорит ли Бог? Четыре времени года сменяют друг друга, и все творится; но говорит ли что-нибудь Бог?" Следовательно, утверждал он, если Бог не говорит с нами, то тем более не напишет письма.

Нельзя допустить, чтобы тот факт, что получение такого письма упоминается в династической истории того периода, каким-либо образом дискредитировал общую правдивость и точность китайских летописей, которые по мере продвижения исследований ежедневно оказываются гораздо более достоверными, чем когда-либо ожидалось. Мы сами не отвергаем полностью старые современные хроники Ховедена и Роджера Уэндоверского только потому, что в них упоминается письмо Христа о пренебрежении Субботой.

В китайской жизни, как социальной, так и политической, сыновнее благочестие можно рассматривать как краеугольный камень арки. Уберите это, и многовековая надстройка рухнет до основания. Когда один из его учеников попросил Конфуция объяснить, что представляет собой сыновняя почтительность, он ответил, что это трудное обязательство для определения; в то время как другому ученику он мог без колебаний сказать, что простой поддержки родителей было бы недостаточно, поскольку еда - это то, чем снабжают даже лошадей и собак. Согласно книгам-сказкам для детей, это обязательство было истолковано людьми в целом по-разному. Двадцать четыре стандартных примера сыновних детей включают сына, который позволил комарам полакомиться им и не прогнал их, чтобы они не пошли и не досаждали его родителям; другого сына, который так сильно плакал, потому что не мог раздобыть побегов бамбука для своей матери, что боги были тронуты, и из земли выросли несколько побегов, которые он собрал и отнес домой; другого, который, неся ведра с водой, нарочно поскользнулся и упал, чтобы рассмешить своих родителей; и так далее. Неудивительно, что Конфуций считал сыновнюю почтительность неподвластной его пониманию.

Теперь подлинный пример. Есть очень замечательный роман, в котором очень трогательная история любви развивается до ужасно трагического завершения. Героиня, красивая и обаятельная девушка, в конце концов умирает от чахотки, а герой, своенравный, но от этого не менее обаятельный юноша, становится буддийским священником. Одна дама, мать умного молодого чиновника, была такогорчена пафосом рассказа, что ей стало совсем плохо, и врачи напрасно прописывали лекарства. Наконец, когда все стало серьезно, сын взялся за работу и сочинил продолжение этого романа, в котором он воскресил героиню и осчастливил влюбленных браком; и вскоре он испытал огромное удовлетворение, увидев, что его мать выздоравливает.

Другие формы сыновнего благочестия, которые не имеют никакого отношения к приведенным выше причудливым басням, обычно практикуются всеми классами. В связи с серьезной или продолжительной болезнью родителей сыновья и дочери обычно отправляются в муниципальный храм и молятся о том, чтобы определенное количество лет было сокращено из срока их собственной жизни и добавлено к сроку жизни соответствующих больных родителей.

Давайте теперь сделаем паузу, чтобы подвести итог некоторым результатам, которые были получены в результате действия и влияния конфуцианства в течение столь длительного периода и на протяжении столь многочисленных мириадом представителей человеческой расы. В наши дни стало обычным делом утверждать, что китайцы трудолюбивы, бережливы и трезвы — последнее, кстати, упоминается в стране, где пьянство не считается преступлением.

Поверхностные наблюдатели типа глобус-троттеров, чьи карманы обчистили профессиональные воры в Гонконге, и даже наблюдатели-резиденты, которые не слишком развивали свою наблюдательность и сопоставление, будут утверждать, что честность - это добродетель, в которой китайцам отказано; но о тех, кто долго прожил в Китае и более серьезно посвятил себя поиску истины, можно сказать, что все они, как один, перешли на другую сторону. Уровень абсолютной честности, который можно встретить в любом классе, за исключением профессиональных преступников, просто поражает. То, что слово китайского торговца так же ценно, как и его облигации, давно стало нарицательным, и так же обстоит дело в других сферах жизни. Имея слуг из респектабельных семей, хозяину дома не нужно бояться за свое имущество. "Будь верен хозяину, - гласит местная поговорка, - хозяину, рис которого ты ешь"; и эта максима обычно выполняется буквально. Следовательно, многие иностранцы, добившиеся успеха в своей деловой карьере, при своем окончательном отъезде с Востока заботятся о том, чтобы старый и верный слуга, часто проработавший от двадцати до тридцати лет, имел хоть какое-то обеспечение для себя и своей семьи. В крупных учреждениях, особенно банках, где на карту поставлены большие интересы, обычно китайский персонал обеспечивается каким-нибудь богатым человеком (или фирмой), который вносит ценные бумаги на значительную сумму, тем самым ставя работодателя в очень выгодное положение.

Правильно подобранный китайский слуга, поступающий в дом иностранца, - это существо, к которому, как предполагалось выше, его хозяин часто глубоко привязывается и с которым он расстается, часто после многих лет службы, к своему вечному сожалению. Такой слуга обладает многими достоинствами. Он бесшумно выполняет свою работу, которую выполняет эффективно. Он может засиживаться допоздна и в то же время рано вставать. Он живет на территории заведения, но во флигеле. Он сам обеспечивает себя едой. Он редко хочет отсутствовать сам, и даже в этом случае всегда обеспечит надежного *местоблюстителя*. Он изучает повадки своего хозяина и учится предугадывать его малейшие желания. В обмен на эти и другие услуги он ожидает пунктуальной выплаты заработной платы и разрешения взимать, без какого-либо уведомления об этом, комиссию со всех покупок. Такова китайская система, и даже абсолютно честный слуга в любом другом отношении не может освободиться из ее тисков. Но если с ним обращаться справедливо, он не станет злоупотреблять своим шансом. Одна любопытная особенность системы заключается в том, что если один хозяин занимает относительно более высокое положение, чем другой, то первый будет получать от своих слуг немного больше, чем второй, точно по той же статье. Многие попытки были сделаны иностранцами, чтобы прорваться через этот "старый обычай", в особенности, предлагая более высокую заработную плату, но сигнал аварии и всегда был результатом, и тех мастеров неизменно удавалось лучше, кто попал в существующие учреждения, и постарались сделать лучше.

Есть еще одна, и во многих отношениях самая важная, сторона характера китайского слуги. Он будет откровенно и без угрызений совести признавать превосходящее положение и права своего хозяина; но в то же время, если его стоит сохранить, он будет требовать от своего хозяина должного уважения, подобающего от человека к человеку. Совершенно неуместно говорить, что он ни на минуту не смирится с тумаками и пинками, столь свободно применяемыми к его индийскому коллеге. Респектабельный китайский слуга часто отказывается оставаться с хозяином, который использует оскорбительные или насильственные выражения или проявляет признаки неконтролируемого нрава. Прибыльное место - ничто по сравнению с "потерей лица", которую он потерпел бы в глазах своих друзей; другими словами, с потерей человеческого достоинства. Если слуга готов смириться с ударом, лучше всего сразу уволить его как никчемного и ненадежного, если не опасного на самом деле. Конфуций говорил: "Если вы не доверяете человеку, не нанимайте его; если вы нанимаете человека, не доверяйте ему"; и это до сих пор считается отличным рабочим правилом в отношениях со слугами-китайцами.

ГЛАВА IV — 220-1200 гг. н. э.

Долгоживущему и славному Дому Хань пришел конец по обычным причинам. Имели место дворцовые интриги и временная узурпация трона, причем евнухи, конечно же, оказались в гуще событий; вдобавок к этому вспыхнуло очень серьезное восстание, почти естественное следствие. Первым и последним возникли три претендента на Императорский желтый цвет, который заменил фиолетовый в Древнем Риме; в результате после нескольких лет упорной борьбы Китай был разделен на три части, каждой из которых правил один из трех соперников. Этот период известен в истории как период Трех королевств и длился с 220 по 265 год нашей эры. Этот короткий промежуток времени был заполнен, особенно первые годы, волнующими героическими поступками и чудесными стратегическими операциями, когда удача улыбнулась сначала одному из трех командиров, а затем другому. Вся история этих гражданских войн наиболее наглядно рассказана в знаменитом историческом романе, написанном примерно тысячу лет спустя. Как и в случае с романами Уэверли, значительное количество вымысла было переплетено с правдой, чтобы сделать повествование более приемлемым для широкого читателя; но в его основе лежит история, и среди самих китайцев это произведение повсеместно считается одним из самых ценных произведений в более легких областях их литературы.

Три-четыре столетия, следовавшие за вышеупомянутым периодом, были временем политической и социальной дезорганизации, неблагоприятной, по мнению китайских писателей, для развития как литературы, так и искусства. Дом Чин, который поначалу господствовал над вновь объединенной империей, подвергся жестокому преследованию со стороны татар на севере, которые, в свою очередь, были разгромлены Домом Тоба. Последний правил около двухсот лет северным Китаем, в то время как южные районы управлялись

несколькими недолговечными местными династиями. Несколько моментов, связанных с теми временами, заслуживают, пожалуй, краткого упоминания.

Старое правило двадцатисемимесячного траура по родителям было восстановлено и продолжает действовать по сей день. Японцы время от времени присылали миссии с данью; и китайцы, которые уже в 240 году нашей эры отправили посланника в Японию, повторили этот комплимент в 608 году. Была предпринята попытка завоевать Корею, и послы были отправлены в такие далекие страны, как Сиам. Буддизм, который был введен много веков назад — никто не может точно сказать, когда, — начал распространяться повсюду и, казалось, прочно утвердился. В 399 году нашей эры буддийский священник по имени Фа Сянь отправился из Центрального Китая в Индию через великую пустыню и Гиндукуш, впоследствии посетив Патну, Бенарес, Будда-Гайю и другие хорошо известные места, которые он точно описал в отчете о своем путешествии, опубликованном по его возвращении и все еще существующем. Его целью было раздобыть копии священных книг, реликвий и изображений, иллюстрирующих веру; и он благополучно доставил их в Китай морским путем из Индии через Цейлон (где провел три года) и Суматру, прибыв туда после пятнадцатилетнего отсутствия.

В 618 году нашей эры Дом Тан вступил на свой славный путь продолжительностью в три столетия. При сильном, но распутном правителе, непосредственно предшествовавшем ему, Китай снова стал объединенной империей, неразделенной в отношении самой себя; и хотя войны и восстания не хотели нарушать равномерного течения его жизни, общая картина, представленная нам при новой династии Тан, — это картина национального мира, процветания и прогресса. Название этого Дома сохранилось, как и имя Хань, до наших дней в популярном языке народа; ибо точно так же, как северянам все еще нравится называть себя "добрыми сынами Хань", так и южане все еще с гордостью называют себя "людьми тана".

Одним из главных политических событий этого периода стала узурпация власти императрицей У — сначала в качестве номинального регента от имени падчерицы, сына и наследника ее покойного мужа от его первой жены, а затем, когда она отказалась от падчерицы, по собственному желанию. Был один предыдущий случай, когда императорским скипетром владела женщина, а именно императрица Лу из династии Хань, которой китайцы присвоили титул законной правительницы, чего не было позволено императрице Ву. Последняя, однако, обладала большими реальными способностями, смешанными со своего рода летним безумием; и до тех пор, пока ее выдающиеся интеллектуальные способности оставались незатронутыми, она правила, как и ее преемница примерно двенадцать столетий спустя, железным жезлом. В преклонном возрасте она была свергнута и отправлена в частную жизнь, а законный наследник был заменен на троне своего отца.

Среди наиболее экстравагантных деяний ее правления есть некоторые, которые до сих пор знакомы людям наших дней. Всегда, даже при жизни своего мужа, она присутствовала за занавесом на советах и аудиенциях; после его смерти она привыкла открыто занимать свое место среди государственных министров, нося фальшивую бороду. В 694 году она присвоила себе титул Божественной императрицы, а в 696 году даже зашла так далеко, что назвала себя Всемогущим Богом. В последние годы жизни она стала безнадежно высокомерной и властолюбивой. Никому не разрешалось говорить, что императрица прекрасна, как лилия, или прелестна, как роза, но что лилия прекрасна, или роза прекрасна, как Ее Величество. Она пыталась распространить веру в то, что она действительно Высшее Существо, искусственно

выращивая цветы, а затем в присутствии своих придворных приказывая им расцвести. Однажды она приказала нескольким пионам зацвести; и поскольку они не подчинились немедленно, она приказала вырвать и сжечь все пионы в столице и с тех пор запретила выращивать пионы. Далее она решила раз и навсегда уравнивать свой пол с мужчиной. С этой целью женщины были допущены к государственным экзаменам, а тем, кто успешно сдал их, были предоставлены официальные должности; и, среди прочего, им было разрешено стоять на коленях во время дачи показаний в судах. Это нововведение, однако, не оправдало своих обещаний; и с исчезновением его энергичной основательницы исчезла и система. На самом деле подобный эксперимент проводился не в первый раз в истории Китая. Император третьего века нашей эры уже открыл женщинам доступ к общественной жизни, и говорят, что многие из них занимали высокие посты; но и здесь система просуществовала недолго, и старый порядок вскоре был восстановлен.

Еще одну поразительную картину династии Тан представляет карьера императора, о котором обычно говорят как о Мин Хуане, и который, отличившись в нескольких критических ситуациях, вззошел на трон в 712 году, став преемником своего отца, который отрекся от престола в его пользу. Он начал с экономии, закрыв шелковые фабрики и запретив придворным дамам носить драгоценности или вышивки, значительное количество которых фактически было сожжено. Он был горячим покровителем литературы, и в каждой деревне были открыты школы. Увлекаясь музыкой, он основал колледж для обучения молодежи обоих полов этому искусству. Его любовь к войне и растущая расточительность привели к увеличению налогов с обычными для Китая последствиями — недовольством и восстаниями. Он окружил себя блестящим двором, приветствуя гениальных людей в литературе и искусстве; сначала только за их таланты, но, в конце концов, за их готовность участвовать в сценах разгула, устроенных для развлечения любимой наложницы, вечно знаменитой Ян Куэй-фэй (произносится *Квай-фэй*). На официальные должности были назначены евнухи, и поощрялись самые грубые формы религиозных суеверий. Женщины перестали носить чадру, как это было в старину. Наконец, в 755 году вспыхнуло серьезное восстание, и год спустя император, ныне старик семидесяти одного года, бежал перед бурей. Не успел он продвинуться далеко, как его солдаты взбунтовались и потребовали мести всей семье фаворита, несколько недостойных членов которой были подняты на высокие посты и окружены почестями. Несчастный император был вынужден приказать главному евнуху задушить свою обожаемую наложницу, в то время как остальные члены ее семьи погибли от рук войск. Впоследствии он отрекся от престола в пользу своего сына и провел последние шесть лет своей жизни в уединении.

Эта трагическая история была изящно рассказана в стихах одним из выдающихся поэтов Китая, родившимся всего несколькими годами позже. Он делит свое стихотворение на восемь частей, повествующих о скуке монарха, пока он не обнаруживает *красоту*, о *веселье* пары вместе, за которым следуют ужасы *бегства*, заканчивающиеся страданиями *изгнания* без нее, о *возвращении*, когда император снова проходит мимо рокового места, о *доме*, где все напоминает ему о ней, и, наконец, о *стране духов*. Последнее - плод воображения поэта. Он представляет себе безутешного императора, посылающего волшебника узнать, где находится Ян Куэйфэй в загробном мире, и передать ей послание о непрекращающейся любви. Волшебник после долгих поисков находит ее на одном из островов Благословенных и соответствующим образом выполняет свое поручение.

Черты ее лица неподвижны и спокойны, хотя падают мириады слез,
Смачивая веточки грушевого цветка, словно это капли
весеннего дождя.

Подавляя свои эмоции, сдерживая горе, она выражает благодарность
Его Величеству.

Говоря, что с момента их расставания она скучала по его фигуре и голосу;
И что, хотя их любовь на земле так скоро подошла к концу,
Дни и месяцы среди Блаженных все еще тянулись долго.

И теперь она поворачивается и смотрит вверх, на смертных,
Но не может различить Имперский город, затерянный в пыли и дымке.

Затем она достает старый сувенир, знаки вечной любви,
золотую заколку для волос, эмалевую брошь и просит фокусника отнести
это обратно.

Одна половинка заколки для волос, которую она хранит, и одна половинка эмалевой
броши,

Она разбила руками желтое золото и разделила эмаль
надвое.

"Скажи ему, - сказала она, - чтобы он был тверд сердцем, как это золото и
эмаль,
И тогда на небесах или на земле мы сможем встретиться еще раз".

Великолепному Дому Тан наследовали пять незначительных династий, продолжительность
правления каждой из которых составила около полувека. Затем, в 960 году нашей эры, началось
правление династии Сун (произносится как *Сунги*), длившееся триста лет и соперничавшее по
национальному миру и процветанию с любым другим периодом в истории Китая. Нация уже в
значительной степени достигла того состояния материальной цивилизации и ментальной
культуры, в котором она пребывает до настоящего времени. Вполне вероятно, что с самого
раннего времени в бытовые приборы обычного китайца было внесено лишь несколько
дополнений. Одежда людей действительно претерпела несколько изменений, но плуги и
мотыги, водяные колеса и колодезные метлы, инструменты ремесленников, глинобитные
хижины, телеги, джонки, стулья, столы, палочки для еды и т.д., Которые мы все еще видим в
Китае, вероятно, во многом такие же, как две тысячи лет назад. Менций, живший в третьем веке
до нашей эры, заметил, что письменные знаки имели одинаковую форму, а оси - одинаковую
ширину по всей империи; и по сей день неизменное единообразие является одной из главных
характеристик китайского народа во всех сферах жизни.

Однако, несмотря на мирные устремления Дома Сун, китайские татары постоянно вторгались на
китайскую территорию и, в конце концов, захватили большую часть северного Китая со своей
столицей там, где сейчас находится Пекин. Это привело к полюбовному соглашению о разделе
империи, китаны сохранили свои завоевания на севере, откуда примерно через двести лет они,
в свою очередь, были изгнаны Золотыми татарами, которые ранее были им подвластны.

Потребовалось бы много томов, а не страниц, чтобы воздать должное государственным
деятелям, солдатам, философам, поэтам, историкам, искусствоведам и другим известным
людям этой династии. Уже говорилось, что интерпретация конфуцианского канона, принятая в
наши дни, относится к этому периоду; и теперь, возможно, будет интересно дать краткий отчет о

другом замечательном движении, связанном с династией, хотя и в совершенно ином направлении.

Ван Аньши (как *ши* в *ширке*), широко известный как Реформатор, родился в 1021 году. В юности он был прилежным студентом, и его перо, казалось, летало над бумагой. Он дослужился до высокого поста, и к тому времени, когда ему исполнилось сорок восемь, он оказался тайным советником императора. Затем он приступил к серии поразительных политических реформ, которые, как говорят, основывались на новых и более правильных интерпретациях частей конфуцианского канона, который все еще оставался, насколько это касалось объяснений, таким, каким его оставили ученые династии Хань. Это обращение к власти было, конечно, просто слепым, искусно введенным, чтобы удовлетворить основную массу населения, которое всегда не желало двигаться в каком-либо направлении там, где не было прецедента. Одна из его схем, явной целью которой было снижение налогообложения и в то же время увеличение доходов, заключалась в обеспечении надежного рынка сбыта для всех продуктов следующим образом. Из продукции данного округа должно было выделяться достаточное количество (1) для уплаты налогов и (2) для удовлетворения потребностей округа; (3) затем остаток должен был быть передан государству по низкой ставке и удерживаться до повышения или направляться в какой-нибудь центр, где возникал спрос. Таким образом, фермер был бы уверен в существовании рынка, а государство в равной степени было бы уверено в получении прибыли в качестве посредника. Другая часть этой схемы заключалась в обязательных авансах со стороны государства земледельцам, независимо от того, нуждались эти фермеры в деньгах или нет, причем обеспечением по кредитам в каждом случае были выращиваемые культуры.

Существовала также система сбора десятины на военные цели, согласно которой каждая семья, имеющая более двух мужчин, была обязана предоставить одного для службы в качестве солдата; и чтобы поддерживать породу кавалерийских лошадей, каждая семья была вынуждена взять на себя заботу об одном, которого вместе с продовольствием обеспечивало правительство. Существовала система, при которой денежные выплаты заменяли старомодный и досадный метод выполнения общественных работ с привлечением подневольных работников; и снова другая, при которой по всей империи были созданы склады для обмена и залога товаров.

Из всех его нововведений самым интересным было то, что вся земля подлежала переоценке, и была предпринята попытка обеспечить более справедливое налогообложение. План состоял в том, чтобы разделить землю на равные квадраты и взимать налоги пропорционально плодородию каждого из них. Этот план по разным причинам оказался неосуществимым; и ожесточенное противодействие, с которым, как и все другие его реформаторские меры, он был встречен его противниками, не привело к успеху. Наконец, он отменил все ограничения на экспорт меди, в результате чего даже нынешние медные "наличные деньги" были переплавлены и превращены в изделия для продажи и экспорта. Последовала паника, с которой Ван справился простым способом, удвоив стоимость каждой наличности. Он попытался реформировать экзаменационную систему, требуя от кандидата не столько изящества стиля, сколько широкого знакомства с практическими предметами. "Соответственно, - говорит один китайский автор, - даже ученики деревенских школ выбросили учебники риторики и начали изучать основы истории, географии и политической экономии" — поразительное предвосхищение модного сегодня движения. "Я сам был, - говорит он нам, - всеядным читателем всевозможных книг, даже, например, древних медицинских и ботанических трудов.

Более того, я углубился в трактаты по сельскому хозяйству и рукоделию, которые я нашел очень полезными, поскольку они помогли мне постичь великую схему самого Канона ". Но, как и многие другие великие люди, он был старше своего возраста. Он попал в немилость при дворе и был отправлен на провинциальный пост; и хотя вскоре его отозвали, он удалился в частную жизнь, вскоре после чего умер, но не раньше, чем увидел, что вся его политика повернулась вспять.

Его карьера резко контрастирует с карьерой великого государственного деятеля и философа Чу Си (произносится *Чу Ши*), который процветал в 1130-1200 годах нашей эры. Его литературный труд был огромен, а официальная карьера успешной; но его главная слава основана на его заслугах как комментатора конфуцианского канона. Как уже говорилось, он представил интерпретации, полностью или частично расходящиеся с теми, которые были выдвинуты учеными династии Хань и до сих пор считались непогрешимыми, таким образом, в определенной степени изменив господствующий стандарт политической и социальной морали. Его руководящим принципом была просто последовательность. Он отказывался интерпретировать слова в данном отрывке в одном смысле, а те же слова, встречающиеся в другом месте, - в другом смысле. Эффект этого, казалось бы, очевидного метода был волшебным; и с той даты учения Конфуция повсеместно понимались так, как, по словам Чу Си, их следует понимать.

К его влиянию также следует отнести дух материализма, который так широко распространен среди образованных китайцев. Бог, в которого верил Конфуций, но о котором, как будет видно позже, вряд ли можно сказать, что он "учил", был скорее пассивным, чем активным Богом, и его можно сравнить с Богом Псалмов. Он был личным Богом, как мы знаем из древнего символа, которым Он обозначался в письменности ранних веков, этот символ представлял собой грубое изображение человека. Эта точка зрения была полностью отвергнута Чу Си, который в самых ясных выражениях заявил, что китайское слово, обозначающее Бога, означает не что иное, как "абстрактное право"; другими словами, Бог - это принцип. Невозможно допустить такое предположение, основанное на чувствах, а не на здравом рассуждении. Чу Си решительно не был человеком религиозного склада, и вера в сверхъестественное была ему неприятна; на короткое время он попал под влияние буддизма, но отказался от этой религии ради ортодоксальности конфуцианства. Поэтому он стремился полностью исключить сверхъестественное из пересмотренной схемы морального поведения, которую он выводил из конфуцианского канона, и с тех пор его интерпретация слова "Бог" была слепо принята.

Говорят, что когда Чу Си умер, его гроб занял определенное положение, подвешенный в воздухе, примерно в трех футах от земли. После чего его зять, упав на колени рядом с носилками, напомнил духу усопшего о великих принципах, которые он был таким блестящим выразителем при жизни, - и гроб мягко опустился на землю.

ГЛАВА V—ЖЕНЩИНЫ И ДЕТИ

Китайцы очень любят животных, особенно птиц; и в целом можно сказать, что они добры к своим животным, хотя и имеют место случаи жестокого обращения. В то же время следует тщательно помнить, что та доля человечности, которую они могут проявлять, полностью их рук дело; нет закона, который действовал бы убедительно на жестоких натур, и нет Общества по предотвращению жестокого обращения с животными, которое следило бы за исполнением любого такого закона. В различных частях Китая водится очень большое количество красивых птиц, в основном без песен, а в реках и на побережье - огромное разнообразие рыб. Дикие животные представлены тигром (как на севере, так и на юге), пантерой и медведем, и даже слона и носорога можно встретить на крайнем юго-западе. Волк и лиса, которых боятся как жутких зверей, распространены очень широко.

Еще меньше было бы оснований для создания Общества по предотвращению жестокого обращения с детьми, само название которого заставило бы обычного, неискушенного китайца вытаращить глаза. Китайские родители, если уж на то пошло, чересчур снисходительны к своим детям. Отец, действительно, широко известен как "Суровый", и конфуцианская традиция гласит, что он не должен жалеть розги и тем самым баловать ребенка, но он проводит черту кочергой; и хотя как отец он обладает властью над жизнью и смертью своего отпрыска, такие наказания, которые ему наносят, обычно носят самый мягкий характер. Мать, "Нежная", - это, в широком смысле, мягкосердечный, добродушный образец человечности; одна из тех женщин, которым сотни европейцев глубоко признательны за заботу и привязанность, расточаемые их детям-иностранцам. В отсутствие Сурового Мужа ей приходится наказывать, когда это необходимо; и мы даже читаем о сыне, который плакал не потому, что мать причинила ему боль, а потому, что из-за своего преклонного возраста она больше не могла бить его достаточно сильно!

Среди других чудовищных наветов, запятнавших честную славу китайского народа, первым и главным является обвинение в детоубийстве женщин, которое, к счастью, сейчас, хотя и все еще медленно, исчезает из расчетов тех, кто ищет правду. Пятьдесят лет назад считалось, что китайцы ненавидели своих детей женского пола и избавлялись от них в раннем младенчестве путем массовых убийств. Можно сразу признать, что мальчикам отдается предпочтение перед девочками, поскольку они продолжают семейную линию и следят за тем, чтобы поклонение предкам совершалось регулярно в должное время. Кроме того, потому, что девушкам требуется приданое, которое они забирают с собой в пользу других семей, кроме своей собственной; отсюда поговорка: "Нет вора лучше, чем семья из пяти дочерей", и термин "товар, приносящий убытки", в шутку применяемый к девушкам, против которого может быть установлен другой термин, "тысяча унций золота", который обычно используется по отношению к дочери. Конечно, именно мальчик особенно желанен в семье; и маленьких мальчиков часто наряжают маленькими девочками, чтобы обмануть ангелов болезни и смерти, которые, как мы надеемся, таким образом обойдут их стороной, сочтя менее значимыми.

Вернемся к прежнему мнению, что детоубийство женщин было широко распространено по всему Китаю. Следующим шагом честного наблюдателя было признать, что это не было известно в его собственном районе, но заявить, что это широко практикуется в других местах.

Эта точка зрения, однако, утратила свою актуальность, когда жителям "других мест" пришлось признать, что в их районе не было обнаружено следов детоубийства; и так далее. К счастью, еще большее утешение можно найти в следующем аргументе — редком примере отрицательного доказательства, — из которого легко будет увидеть, что детоубийство женщин в любых ненормальных масштабах совершенно выходит за рамки возможного. Те, кто хотя бы поверхностно знаком с китайской общественной жизнью, согласятся, что каждому мальчику примерно в возрасте восемнадцати лет родители предоставляют жену. Они также должны признать печально известный факт, что многие состоятельные китайцы берут одну или более наложниц. Императору действительно разрешено иметь семьдесят наложниц; но это число существует только на бумаге как нормативный максимум. Итак, если у каждого китайца одна жена, а у многих две, помимо множества девочек, которые, как говорят, ежегодно приносятся в жертву как никчемные младенцы, из этого должно следовать, что доля девочек, рожденных в Китае, значительно превышает долю мальчиков, тогда как в остальном мире мальчики, как хорошо известно, всегда составляют большинство. После этого, возможно, излишне утверждать, что, помимо естественной родительской любви, девочка действительно, даже в очень раннем возрасте, является товарным знаком. Девочек иногда продают в другие семьи, чтобы они воспитывались в качестве сыновей; чаще всего их используют в качестве прислуги, что, конечно, является формой рабства, регулируемой важным условием, которое может быть обеспечено законом, а именно, что по достижении девочкой брачного возраста хозяин должен найти ей мужа. Незаконнорожденные дети, источник такого большого количества выкармливаемых младенцев и детоубийств в других странах, практически неизвестны в Китае; то же самое можно сказать и о разводе. Женщина не может по закону развестись со своим мужем. В редких случаях она бросает его и возвращается к своей семье, несмотря на то, что он может законно настаивать на ее возвращении; ибо она хорошо знает, что, если ее дело будет в порядке, муж не посмеет рисковать скандалом, связанным с разоблачением, не говоря уже о почти неминуемой мести ее оскорбленных родственников. Кроме того, страх перед такой местью не позволяет свекровям жестоко обращаться с девочками, которые переезжают в их новые дома скорее в качестве прислуги, чем дочерей матери мужа. У каждой женщины, как, впрочем, и у каждого мужчины, есть последнее обращение, с помощью которого можно наказать угнетателя. Она может покончить жизнь самоубийством, поскольку не существует канона, юридического или морального, запрещающего самоубийство; и в Китае, где, вопреки широко распространенным представлениям на этот счет, человеческая жизнь считается в высшей степени священной, этот способ наверняка повлечет за собой неприятности и расходы, а возможно, и суровое наказание, если пострадавшие стороны не будут немедленно примирены крупной денежной выплатой.

Мужчина может развестись со своей женой по одной из семи следующих причин: —Отсутствие детей, супружеская измена, пренебрежение родителями, придирки, воровство (то есть снабжение ее собственной семьи его имуществом, в народе известное как "утечка"), ревнивый характер и проказа. К вышесказанному гуманность законодателя присоединяет три квалификационных условия. Он не может выдать ее замуж ни по одному из вышеперечисленных оснований, если она должным образом прошла период траура по его родителям; если он разбогател после их брака; если у нее больше нет дома, в который она могла бы вернуться.

В целом, китайке отнюдь не так плохо, как принято считать. Даже в глазах закона у нее есть то преимущество перед мужчиной, что она не может быть заключена в тюрьму, кроме как за

государственную измену и прелюбодеяние, и во всех отношениях освобождена от наказания бамбуком. Под это исключение подпадают пожилые и молодые, больные, голодные и раздетые, а также те, кто уже подвергся насилию, например, в драке. Кроме того, в хорошо известном справочнике мировым судьям рекомендуется при определенных обстоятельствах отложить применение телесных наказаний; например, когда либо заключенный, либо они сами могут находиться под влиянием возбуждения, гнева или выпивки.

Бамбук - это единственное орудие, с помощью которого на законных основаниях может быть применено физическое наказание; и его применение к заключенному или несговорчивому свидетелю с целью вымогательства показаний представляет собой то, что долгое время считалось "пыткой"; но даже это сейчас, при меняющейся системе, вот-вот исчезнет. Это не следует понимать как означающее, что пытки в нашем понимании этого термина никогда не применялись в Китае. Реальные факты по делу таковы. Пытки, за исключением уже описанных, являются конституционно незаконными, и ни один мировой судья не рискнул бы прибегнуть к ним, если бы существовал хоть какой-то шанс на его успешный импичмент вышестоящим властям, после чего он был бы уволен, а его служебная карьера резко оборвалась. Следовательно, пытка не страшна обычному гражданину с хорошей репутацией и при поддержке надежных друзей; но для изгоя, мятежника, разбойника с большой дороги (против которого поднялся бы каждый мужчина), уроженца отдаленной провинции с дурной репутацией, а также для внешнего варвара (например, пленников в Летнем дворце в 1860 году) необходимо рассказать другую историю. Слишком строгое обращение в подобных случаях не повлечет за собой никаких последствий, за исключением, возможно, продвижения по службе.

Обращение к бамбуку как к средству вымогательства признания у заключенного расценивается народом скорее как признание магистратом своей собственной недееспособности. Образование чиновника, слишком легко и непринужденно превращаемое в посмешище, дает ему представление о человеческой природе, которое в сочетании с небольшим опытом делает его чрезвычайно грозным для изворотливого преступника или коварного истца. Как правило, он не видит необходимости в обезболивании. Есть забавная история, иллюстрирующая такие судебные методы, которые, несомненно, получили бы полное одобрение в Китае. Мировой судья, который после нескольких слушаний не смог обнаружить среди банды, обвиняемой в убийстве, то, что было важно для завершения дела, а именно, действительную руку, нанесшую смертельный удар, уведомил заключенных, что он собирается призвать на помощь духов с целью выяснения истины. Соответственно, он приказал отвести обвиняемых, одетых в черную одежду преступников, в большой сарай и расположить их вокруг него лицом к стене. Затем, сказав им, что ангел-обвинитель вскоре появится среди них и отметит спину виновного человека, он вышел на улицу, закрыл дверь, и в помещении стало темно. Через короткий промежуток времени, когда дверь распахнулась и мужчин позвали выйти, сразу стало видно, что у одного из них на спине была белая отметина. Этот человек, чтобы подстраховаться, повернулся спиной к стене, не зная того, что магистрату было хорошо известно, - что стену недавно побелили.

Что касается наказания за преступление поркой, то приговор в сто или двести, а то и больше ударов показался бы жестоким и отвратительным; к счастью, можно считать само собой разумеющимся, что такие жестокие приговоры приводятся в исполнение только в таких случаях, которые были упомянуты выше. Проницательный наблюдатель, в течение многих лет служивший в муниципальной полиции Шанхая, в чьи обязанности входило следить за тем,

чтобы китайские преступники подвергались порке, прямо заявил в публичном отчете, что порка бамбуком не обязательно является суровым испытанием и что сто ударов иногда наносятся так легко, что едва ли оставляют след, хотя получатель все время громко воет. Те преступники, у которых есть деньги, всегда могут договориться с тюремщиком; а тюремщик приобрел определенную сноровку в обмане, в результате чего получается большой крик и мало шерсти, что очень устраивает преступника. Даже если бы мы согласились с самой жестокой оценкой наказания бамбуком, это только показало бы, что гуманитарные чувства в Китае несколько отстают от наших собственных. В *"Таймс"* от 1 марта 1811 года мы читаем, что за то, что французским пленным удалось сбежать из Дартмура, трое бойцов ноттингемского ополчения были приговорены к 900 ударам плетью каждый, и что один из них фактически получил 450 ударов плетью в присутствии пикетов из каждого полка гарнизона. В Первый день Нового, 1911 года, евнух попытался убить одного из императорских принцев. За это он был приговорен к избиению до смерти, причем, по мнению китайцев, какое-то столь свирепое наказание было необходимо, чтобы подтвердить величие закона. Когда эта цель была достигнута, приговор был заменен восемьдесятю ударами бамбука и депортацией в северную Маньчжурию.

Китаянка часто в зрелом возрасте обладает огромным влиянием на семью, включая мужчин, и является своего рода личной вдовствующей императрицей. Мужчина знает, гласит пословица, но женщине виднее. Как вдове в молодости, ее судьба не столь приятна. Считается нежелательным, чтобы вдовы снова вступали в брак; но если она остается незамужней, она превращается в "лодку без руля", вокруг которой собирается много клеветы. Многие молодые женщины бросают вызов общественному мнению и вступают во второй брак. Если они намерены вступить в повторный брак, гласит поговорка, предотвратить это можно не больше, чем предотвратить дождь с неба.

Принято считать, что времена "золотых лилий", как называют искусственно уменьшенные ступни китайских женщин, относятся к десятому веку нашей эры, хотя некоторые авторы пытались установить этот обычай на много веков раньше. Всегда следует помнить, что маньчжурские женщины — представительницы династии, правящей с 1644 года, — не сжимают свои стопы. Следовательно, у современных императриц ноги естественного размера; такая практика не действует ни среди хакка, расы, которая, как говорят, мигрировала с севера Китая на юг в тринадцатом веке; ни среди горных племен; ни среди лодочного населения Кантона и других мест. Таким образом, маленькие ступни никоим образом не ассоциируются с аристократизмом или благородным происхождением; также нет никаких оснований для общепринятого мнения, что китайцы прихрамывают своих женщин таким образом, чтобы они не слонялись без дела. Можно увидеть женщин с маленькими ножками, несущих довольно тяжелую ношу и даже работающих в поле; не говоря уже о том, что многие из них работают няньками для маленьких детей. Другое объяснение состоит в том, что женщины с забинтованными ногами рожают более красивых и сильных детей; но настоящая причина лежит в другом направлении, совершенно выходящем за рамки этой книги. Вопрос обаяния может быть принят во внимание, поскольку любой китаец станет свидетелем соблазнительного эффекта ярко одетой девушки, ступающей на крошечных ножках длиной около трех дюймов, ее раскачивающихся движений и восхитительной неустойчивости, передающих общее ощущение утонченной грации, которую невозможно выразить словами.

Дама десятого века, которой приписывают происхождение маленьких ступней, хотела сделать свои собственные ступни похожими на две новые луны; но действительно ли она их связывала,

как в наши дни, остается лишь догадываться. Современный стиль вязки долгое время причиняет сильную боль маленьким девочкам, которым приходится это терпеть. Они становятся очень застенчивыми в этом вопросе и ни в коем случае не показывают свои босые ноги, хотя маньчжурские женщины и другие женщины с полноразмерными ногами часто ходят босиком, а девушки с лодок в Кантоне и других местах, кажется, вообще никогда не носят обувь или чулки.

"Косичка", или длинная коса, которую носят все китайцы, за отмену которой сейчас искренне ратуют многие передовые реформаторы, является институтом сравнительно современного происхождения. Оно было введено победоносными маньчжуро-татарами, когда они, наконец, основали свою династию в 1644 году, не столько как знак завоевания, еще меньше как знак порабощения, но как средство стирания, насколько это возможно, наиболее явных различий между двумя расами и унификации внешнего вида, если не стремлений, подданных Сына Неба. Этому обязательству в течение некоторого времени яростно сопротивлялись уроженцы Амоя, Сватоу и других мест в этом районе. В конце концов, когда их вынудили уступить, они, как говорят, угрюмо обернули свои косы вокруг голов и надели тюрбаны, которые до сих пор носят уроженцы тех краев.

Говорят, что особый обычай брить голову спереди и позволять волосам отрастать сзади, был перенят маньчжурами из нежной благодарности лошади, животному, сыгравшему важнейшую роль в истории и достижениях расы. Это представление значительно усиливается благодаря крою современных официальных рукавов, которые свисают вниз, скрывая руки, и имеют форму, в точности напоминающую пару лошадиных копыт.

Во многих отношениях маньчжурские завоеватели предоставили китайцам следовать их собственным обычаям. Не было предпринято никаких попыток принудить китайцев, которые укладывают свои волосы в стиле, совершенно отличном от стиля маньчжурских женщин; существуют также некоторые допустимые различия между одеждой маньчжурок и китайских мужчин, но они таковы, что легко ускользают от внимания. В первые годы завоевания также не предпринималось никаких попыток помешать китайским женщинам бинтовать ноги; но в 1664 году был издан указ, запрещающий эту практику. Читатели могут сделать свои собственные выводы, если добавить, что прошло четыре года после отмены указа. В настоящее время широко и искренне лелеются надежды на то, что с наступлением новой эры этот жестокий обычай уйдет в прошлое; однако следует опасаться, что те, кто настаивал на этой желанной реформе, могут быть, как и все реформаторы, чересчур оптимистичны в отношении немедленного успеха и что должен пройти сравнительно длительный период, прежде чем последние следы бинтования ног полностью исчезнут. Между тем, похоже, что правительство предприняло важный шаг, отказав в приеме в государственные школы всем девочкам, у которых забинтованы ноги.

Исчезновение очереди - это совсем другое дело. Это не исконно китайский институт; не было бы никакого нарушения какой-либо заветной традиции древности, если бы от нее раз и навсегда отказались. Напротив, если китайцы не намерены следовать примеру японцев и носить иностранную одежду, то может произойти возврат к старому стилю причесывания. Прежняя одежда японцев была одним из многочисленных предметов, заимствованных ими из Китая; это действительно было национальной одеждой китайцев около трехсот лет, между 600-900 годами нашей эры. Одна маленькая трудность исчезнет вместе с очередью. Китайский кули обвязывает свой хвост вокруг головы, когда занят на работе, при которой он должен убирать его

с дороги, и эта привычка приобрела реальное значение с использованием современных машин; но по прибытии своего хозяина он должен немедленно отказаться от нее из уважения, что является проявлением вежливости, не всегда проявляемой в присутствии иностранного работодателя. Ведущаяся в настоящее время агитация за окончательную отмену очереди может быть вызвана одной или всеми из следующих причин. Интеллигентные китайцы, возможно, пришли к пониманию того, что мода громоздка и устарела. Чувствительные китайцы могут опасаться, что это выставит их на посмешище в глазах иностранцев. Политические китайцы, которые были бы рады восстановлению местной династии, могут рассматривать ее исчезновение как первый шаг к сбросу маньчжурского ига.

В целом правящие маньчжуры проявили себя очень осторожными, чтобы не задеть восприимчивость своих китайских подданных. Помимо того, что женщинам разрешалось сохранять свой собственный костюм, а умерших, как мужчин, так и женщин, хоронили в костюмах предыдущей династии, с самого начала было решено, что во Дворец нельзя приводить китайских наложниц. Это последнее условие кажется чистой воды уступкой побежденным; однако нет никаких сомнений в том, что коварные маньчжуры были слишком готовы исключить очень опасную возможность политических интриг.

ГЛАВА VI—ЛИТЕРАТУРА И ОБРАЗОВАНИЕ

Китайский народ превыше всего почитает литературу и ученость; он ненавидит войну, памятуя высказывание Мэн-цзы: "Нет такой вещи, как *праведная* война; мы можем только утверждать, что некоторые войны лучше других"; и они любят торговлю и изысканность рыночной площади. Китай может похвастаться многими великими солдатами, как в наши дни, так и в древности; но что-либо похожее на надлежащую оценку военного оружия появилось совсем недавно. "Из хорошего железа не делают гвоздей, а из хороших людей не делают солдат", - гласит пословица; и еще: "Один росчерк гражданского пера низводит военного чиновника до полного подчинения". С другой стороны, признается, что "Гражданские лица обеспечивают империю мир, а солдаты - безопасность".

Китайские родители до недавнего времени никогда добровольно не готовили своих сыновей к армии. Они всегда хотели, чтобы их мальчики следовали стереотипной литературной программе, а затем, после успешной сдачи больших конкурсных экзаменов, дослужились до высокого гражданского поста в государстве. В последнее время немало насмешек было высказано по поводу китайских конкурсных экзаменов, предметы которых были взяты исключительно из конфуцианского канона и включали знание древней истории, всеобъемлющей схемы морали, инициированной Конфуцием и доработанной Мэн-цзы (372-289 гг. до н.э.), баллад и церемониальных обрядов трехтысячелетней давности, а также способности к написанию эссе и стихосложению. Вся учебную программу можно с полным основанием сравнить с таким образованием, которое было дано Уильяму Питту и другим нашим великим

государственным деятелям, когда умение читать греческих и римских классиков в сочетании с глубокими знаниями о Пелопоннесской войне позволяло студенту продвинуться настолько далеко, насколько это считалось необходимым для него. Курс Китая, несомненно, также выдвинул в свое время на передний план великое множество выдающихся людей, которые добились успеха в дипломатии, если не в войне, с тончайшими интеллектами Запада.

Их система конкурсных экзаменов действительно хорошо послужила китайцам. Это самое яркое пятно во всей администрации, поскольку оно абсолютно вне подозрений, как, например, у атташе других государственных ведомств. Время от времени предпринимались попытки неправомерными способами попасть в список успешных кандидатов, и было бы абсурдно утверждать, что ни одна из них никогда не увенчалась успехом; риск, однако, слишком велик, поскольку наказанием в случае обнаружения может быть смерть.

Само по себе испытание чрезвычайно суровое как для экзаменаторов, так и для кандидатов. На провинциальные экзамены, проводимые раз в три года, из Пекина присылается имперский уполномоченный, известный в народе как Великий экзаменатор. По прибытии его резиденция официально опечатывается, и принимаются чрезвычайные меры предосторожности, чтобы друзья предполагаемых кандидатов не могли каким-либо образом приблизиться к нему. Возрастных ограничений нет, и мужчины вполне зрелых лет соревнуются с юношами, едва вышедшими из подросткового возраста; действительно, есть достоверный случай, когда мужчина успешно окончил школу в возрасте семидесяти двух лет. Многие соревнуются год за годом, пока, в конце концов, не решают бросить это занятие, считая его плохой работой.

Рано утром в назначенный день кандидаты начинают собираться, и мало-помалу большие ворота экзаменационного зала распахиваются, и герольды выкрикивают имена тех, кто должен войти. Каждый отвечает по очереди, когда называют его имя, и получает от дежурных свиток бумаги с номером открытой камеры, которую ему предстоит занять в одном из длинных переулков, на которые разделен экзаменационный зал. Другие письменные принадлежности, а также еду он носит с собой в корзинке, которую всегда тщательно обыскивают у двери и в которой иногда находят "рукавные" издания классиков. Когда все займут свои места, Главный Экзаменатор воскуряет благовония и закрывает входные ворота, через которые никому не будет позволено пройти, ни внутрь, ни наружу, ни живым, ни мертвым, до конца третьего дня, когда закончится первая из трех сессий и кандидаты будут отпущены на ночь. В случае смерти, что не является чем-то необычным, когда десять или двенадцать тысяч человек день и ночь заперты в замкнутом пространстве, труп перекидывают через стену; и это было бы сделано, даже если бы это был труп самого Главного экзаменатора, чье место тогда занял бы главный помощник Экзаменатора, который также назначается императором и сопровождает Великого экзаменатора из Пекина.

Долгое напряжение в виде трех приступов по три дня каждый часто считалось достаточным для нарушения рассудка с различными печальными последствиями, наименьшее, возможно, из которых можно увидеть в постоянном проценте сданных чистых листов бумаги. В одном случае мужчина передал копию своей последней воли и завещания; в другом, не так давно, душевное равновесие Великого Экзаменатора пошатнулось, и последовала болезненная сцена. Он разорвал несколько уже переданных бумаг, кусал и пинал каждого, кто подходил к нему, пока, наконец, не оказался привязанным по рукам и ногам к своему креслу. Однажды кандидат

явился в женской одежде, с сильно нарумяненным и напудренным лицом, как это принято. Его арестовали у въездных ворот и тихо отправили домой к его друзьям.

Переутомление в лихорадочном желании попасть на государственную службу, безусловно, является причиной психического расстройства значительной части сравнительно небольшого числа сумасшедших, встречающихся в Китае. Поскольку в империи нет приютов для умалишенных, трудно составить сколько-нибудь точную оценку их количества; можно только сказать то же, что в равной степени верно в отношении калек или уродцев, что их очень редко можно встретить на улицах или даже услышать об их существовании.

В качестве дополнительной меры предосторожности против коррупции на экзаменах все документы, сдаваемые кандидатами, переписываются красными чернилами, и только эти копии передаются экзаменаторам. Таким образом, сложность получения благоприятного отношения либо на основе подкупа, либо дружбы значительно возрастает. Китайцы, которые не пытаются скрыть или оправдать, на самом деле скорее преувеличивают любую коррупцию на своей государственной службе в целом, без колебаний заявляют с поразительным единодушием, что функционирование их экзаменационной системы вне подозрений, и, похоже, нет веских причин, почему мы не должны согласиться с этим выводом.

Вся система сейчас претерпевает определенные изменения, которые, если их разумно внедрить, должны послужить только укреплению национального характера. Конфуцианское учение, которое относится к самому высокому уровню морали и которое формировало китайский народ на протяжении стольких веков, возможно, помогая придать ему сплоченность и стабильность, замечательные среди народов мира, не следует так легко отбрасывать в сторону. Научное образование, позволяющее нам уничтожить время и пространство, бесконечно расширять использование и преимущества материи во всех ее формах и смягчать бремя страданий, которое лежит на большей части человеческой расы, все еще требует эффективного дополнения моральным воспитанием, чтобы научить человека его долгу по отношению к ближнему. С точки зрения науки китайцы, конечно, полностью устарели, хотя только за последние сто пятьдесят лет Запад так решительно обогнал Восток. Если мы вернемся в пятнадцатый век, то обнаружим, что уровень цивилизации, как обычно понимают этот термин, в Китае был все еще намного выше, чем в Европе; в то время как Марко Поло, знаменитый венецианский путешественник тринадцатого века, который фактически прожил двадцать четыре года в Китае и служил чиновником при Хубилай-хане, оставил запись о том, что великолепие китайских городов и блеск китайского двора превосходили все, что он когда-либо видел или о чем слышал.

Углубляясь в древность, мы легко добираемся до того времени, когда жители Поднебесной "высоко ценили ученость, в то время как наши собственные раскрашенные предки бегали голыми и бездомными по лесам и питались ягодами и сырым мясом". В изобретательских, механических и инженерных способностях китайцы всегда преуспевали; свидетельством тому — лишь некоторые из них — искусство книгопечатания (см. *Ниже*); их водяные колеса и другие хитроумные приспособления для орошения; их замечательные мосты (не говоря уже о Великой китайской стене); "такси", или экипаж, оснащенный устройством для записи пройденного расстояния, самое раннее упоминание о котором относит нас к четвертому веку нашей эры; система отпечатков пальцев для идентификации личности, зарегистрированная в седьмом веке нашей эры; резные шары из слоновой кости, в которых содержится еще столько же как девять

или десять других шаров уменьшающегося размера, один внутри другого; колесница с фигурой, всегда указывающей на юг, о существовании которой известно как о существовании в очень ранние времена, хотя, к сожалению, спецификации, дошедшие до нас из более поздних источников, не соответствуют действительности, как в случае с "такси". История гласит, что эта колесница была изобретена около 1100 г. до н.э. замечательным героем дня, чтобы послать, прибывший ко двору Китая из далекой страны на юге, мог быстро найти дорогу домой. Китайцы не могут претендовать на сам компас; вероятно, он был завезен в Китай арабами сравнительно поздно, и его путали с колесницей более ранних эпох, направленной на юг. Что касается пороха, что-то подобного рода, по-видимому, использовалось для фейерверков в седьмом веке; а о чем-то подобном оружию впервые слышно во время монгольских кампаний тринадцатого века; но огнестрельное оружие систематически не применялось до пятнадцатого века. Добавьте к вышесказанному искусство литья из бронзы, доведенное до высокого совершенства за семь или восемь веков до христианской эры, если не раньше; производство шелка, упомянутое Мэн-цзы (372-289 гг. до н.э.) как необходимое для обеспечения комфорта в старости; выращивание чайного растения с незапамятных времен; также открытие и изготовление фарфора около шестнадцати веков назад, впоследствии доведенное до совершенства, которое оставляет все европейские попытки безнадежно проигнорированными.

Во многих случаях кажется, что китайцы были так близко и в то же время так далеко. В очень отдаленные времена существовала отчетливая традиция создания летающих автомобилей; и грубые гравюры на дереве передавались из поколения в поколение на протяжении многих веков, изображая автомобиль с двумя пассажирами, летящий сквозь облака и, по-видимому, приводимый в движение колесами винтовой формы, установленными под прямым углом к направлению, в котором движутся путешественники. Но нет ни малейших свидетельств того, что было движущей силой, которая вращала колеса. Точно так же железные корабли упоминаются в китайской литературе еще в десятом веке, только, однако, для того, чтобы быть высмеянными как невозможные; намекается на циркуляцию крови; к этому добавляется чудесное предвосхищение анестетиков применительно к хирургии, о котором будет упомянуто позже, идея, которая также оставалась безрезультатной в течение примерно шестнадцати столетий, пока не вмешалась западная наука и не получила признание. Здесь можно справедливо возразить, что, учитывая национальное отвращение к нанесению увечий телу в любой форме, вряд ли можно ожидать, что китайцы будут стремиться облегчить процесс, против которого они так решительно возражают.

В области живописи мы только начинаем осознавать тот факт, что в этом направлении китайцы достигли высот, недоступных никому, кроме художников высшей власти, и что их искусство уже находилось на высоком уровне за много веков до того, как наши собственные великие представители начали прикладывать кисть к холсту. Не углубляясь так далеко в прошлое, как знаменитая картина в Британском музее художника четвертого и пятого веков нашей эры, этот момент, возможно, можно подчеркнуть цитатой из слов ведущего искусствоведа, относящегося к художникам десятого и одиннадцатого веков: "Для воспетых художников и поэтов горы были страстью, как и для Вордсворта. Пейзажное искусство, основанное таким образом и продолженное японцами в пятнадцатом веке, должно считаться величайшей школой пейзажа, которую когда-либо видел мир. Это образное изображение того, что является самым элементарным и самым величественным в Природе — освобождающие видения бури или покоя среди крутых вершин, стремительных потоков, дрожащих зарослей тростника, - и хотя оно имеет фантастическую слабость, его никогда нельзя упрекнуть в миловидной покорности и

простой верности, которые слишком часто составляют единственный идеал западного пейзажа".

Великие китайские художники единодушно отвергают точность очертаний как не имеющую большого значения по сравнению с воспроизведением духа изображаемого объекта. Чтобы успешно раскрасить дерево, необходимо передать не только форму и цвет, но и жизненную силу и "душу" оригинала. До последних двух-трех столетий к самой природе всегда обращались как к единственному источнику истинного вдохновения; затем появился мастер студии, с тех пор китайское искусство пришло в упадок, в то время как японское искусство, которому обучались у ног китайских художников с четырнадцатого века и далее, привлекло всеобщее внимание и теперь с необычайной разносторонностью пытается ассимилировать идеалы Запада.

Следующие слова были написаны китайским художником пятого века:—

"Смотреть на осенние облака, испытывая парящий восторг в душе; чувствовать весенний ветерок, будоражающий дикие ликующие мысли; — что может сравниться с подобным наслаждением обладание золотом и драгоценными камнями? А затем развернуть папку и расправить шелк и перенести на нее великолепие наводнений и падений, зеленый лес, дующие ветры, белую воду стремительного каскада, когда одним движением руки божественное влияние нисходит на сцену . . . Это радости живописи".

Как в поэзии, так и в изобразительном искусстве художник избегает полного выражения своей темы и не оставляет зрителю ничего, что он мог бы дополнить своими собственными силами воображения. "Внушение" - ключевая нота для обоих вышеупомянутых искусств; и в обоих "импрессионизм" также был в распоряжении одаренных людей за столетия до того, как этот термин перешел в английский язык.

Литература и искусство действительно очень тесно связаны в Китае. Предполагается, что каждый литератор в большей или меньшей степени является художником или своего рода музыкантом; при отсутствии личных способностей само собой разумеется, что он был критиком или, в крайнем случае, любителем того или другого искусства, или обоих сразу. Все китайские мужчины, женщины и дети, кажется, любят цветы; и поэзия, которая собралась вокруг одних только цветов сливы и миндаля, сама по себе составила бы немалую библиотеку. И все же европейский букет показался бы культурному человеку чуть ли не чудовищем, ибо, чтобы наслаждаться цветами, китаец должен видеть только один кустик за раз. Низкооплачиваемый клерк принесет утром в свой офис какой-нибудь пустяковый бутон, который он поставит в крошечную вазочку с водой и поставит рядом с собой на письменный стол. Владелец того, что может быть целой картинной галереей, пригласит вас на чай, за которым последует осмотр его сокровищ; но в тот же день он представит, возможно, только один экземпляр и отвергнет идею о том, что кто-то мог бы потребовать еще. Если это длинный пейзаж, он будет постепенно разматываться с валика, и часть за частью будет предоставляться для наслаждения и критики его посетителей; если религиозная или историческая картина, или изображение птиц или цветов, на которые все усилии должно быть рассмотрено во всей полноте, его будут изучать в различных смыслах в перерывах между беседой и чашкой чая. Такая концентрация, по мнению китайского критика, абсолютно необходима для истинной интерпретации замысла художника и справедливой оценки его успеха.

Чудесные старинные истории о виноградах, нарисованных Зевксисом в древней Греции, настолько естественно, что птицы прилетали их поклевать; и о занавесе, нарисованном Парразием, который сам Зевксис пытался отодвинуть; и о лошади Апеллеса, при виде которой заржала другая лошадь, — все это находит свои аналоги в китайской художественной литературе. Один художник, совсем недавно, нарисовал насест и повесил его над берегом реки, когда сразу же набежала стая выдр, чтобы закрепить его. Другой нарисовал складки на хлопчатобумажной одежде так точно, что одежда выглядела так, словно ее только что сняли со стирки. Другой представил фотографии кошек, которые должны были охранять место от крыс. Все эти усилия были увенчаны усилиями другого художника, чья картина с изображением Северного ветра заставляла людей чувствовать холод, в то время как его картина с изображением Южного ветра заставляла людей чувствовать жар. Подобные преувеличения не совсем лишены ценности; они предполагают, что китайское искусство, должно быть, достигло высокого уровня, и это недавно было доказано не более чем правдой благодаря великолепной выставке китайских картин, недавно открывшейся в Британском музее.

Литературная деятельность китайцев и их литературные произведения всегда были колоссального масштаба; и, конечно, именно благодаря раннему изобретению книгопечатания, хотя очень большое количество произведений исчезло, все же огромная часть пережила разрушительные последствия войны, восстания и пожаров.

Это искусство было скорее развито, чем изобретено. В любом случае, с интервалом хотя бы в полвека нет даты, по которой мы могли бы сказать, что было изобретено книгопечатание. Зародыш, возможно, следует искать в гравировке печатей, которые использовались китайцами с тех далеких времен, насколько мы можем судить с какой-либо исторической достоверностью, а также каменных табличек, с которых были взяты оттиски, наиболее важными из которых являются сорок шесть табличек, на которых были выгравированы пять священных книг конфуцианства около 170 г. н.э., и фрагменты которых сохранились до сих пор. Как бы то ни было, именно в шестом веке нашей эры, по-видимому, возникла идея делать оттиски на бумаге с деревянных блоков, главным образом в связи с религиозными картинами и трактатами. Он широко не применялся для производства книг в целом до 932 г. н.э., когда конфуцианский канон был напечатан таким образом впервые; с этого момента распространение искусства шло быстрыми шагами.

Весьма примечательно, что китайцы, которые испытывают чрезвычайное отвращение к новшествам и которых вряд ли можно заставить рассматривать какие-либо нововведения, однажды убедившись в их реальной полезности, не теряют времени даром, чтобы закрепить за собой все преимущества, которые могут возникнуть. Это было убедительно проиллюстрировано в связи с внедрением телеграфа, против которого китайцы выступили решительно, отчасти из-за нарушения геомантических влияний, вызванных высокими телеграфными столбами, а отчасти потому, что они искренне сомневались, что провода смогут достичь заявленных результатов. Но когда выяснилось, что какой-то хитрый кантонец узнал по телеграфу имена трех лучших выпускников пекинского трехгодичного экзамена за несколько недель до того, как их имена стали известны в Кантоне обычным путем, и обогатился, скупив билеты с этими именами в крупных лотереях, которые всегда проводятся в связи с этим событием, китайская оппозиция рассыпалась, как карточный домик; и единственный вопрос, который волновал многих литераторов, заключался в том, не изобрели ли китайцы телеграфию сами в какой-то отдаленный период.

Подвижные виды обожженной глины были изобретены примерно в 1043 году нашей эры, а несколько столетий спустя их стали делать из дерева, меди или свинца; но они никогда не пользовались такой популярностью, как печатный станок, с помощью которого было создано большинство великих литературных произведений. Все современные газеты печатаются подвижными шрифтами, а также множество переводов иностранных книг, подготовленных для удовлетворения растущего спроса на западное образование. Китайцы всегда были очень начитанным народом, систематическое образование, кульминацией которого являются конкурсные экзамены для студентов, датируется вторым веком нашей эры. Возможно, это подходящее место для объяснения того, что знаменитая *Пекинская газета*, которую часто называют старейшей газетой в мире, на самом деле вообще не является газетой, поскольку в ней нет новостей в нашем понимании этого термина. Это отчет только о перемещениях при дворе, список повышенных должностных лиц с несколькими избранными памятными знаками и эдиктами. Он публикуется ежедневно, но не печатался до пятнадцатого века.

Можно сказать, что у каждого китайского мальчика есть свой шанс. За малейшими признаками способности к изучению книг следят даже среди самых бедных. Помимо возможности бесплатных школ, умный мальчик вскоре найдет покровителя; и во многих случаях средства на продолжение учебной программы и участие в первом из крупных соревнований будут выделены в округе, которому кандидат своим успехом окажет длительную честь. Многообещающий молодой выпускник, получивший свою первую степень с отличием, сразу становится важным объектом для богатых отцов, которые желают заполучить его в качестве зятя и которые увидят, что деньги не помогают ему с триумфом подняться по служебной лестнице. Мальчики, не обладающие никакими необходимыми способностями, остаются занимать более скромные должности; те, кто достигает определенного уровня, привлекаются к торговле; в то время как множество других, которые просто не дотягивают до высшего, становятся наставниками в частных семьях, школьными учителями, врачами, гадалками, геомантами и писателями у книготорговцев.

О китайской литературе высокого класса невозможно дать даже малейшее представление в имеющемся в распоряжении пространстве. Достаточно сказать, что здесь адекватно представлены все отрасли: история, биографии, философия, поэзия и эссе на самые разные темы, предлагающие широкое поле деятельности даже самому ненасытному читателю.

И здесь можно вставить замечание, которое очень необходимо для информирования тех, кто хочет составить истинное представление о китайском народе. Во всем конфуцианском каноне, собрании древних трудов, на которых основан моральный кодекс китайцев, нет ни единого слова, которое могло бы оскорбить, даже самых чувствительных, в вопросах деликатности и порядочности. Это, конечно, говорит о многом, но это еще не все; точно то же самое можно сказать и о том, что упомянуто выше как китайская литература высокого класса, которая достаточно чиста, чтобы удовлетворить самых взыскательных. В китайской поэзии, которой существует огромная масса, будут тщетно искать намеки на неприличие, лукавые намеки и другие уловки нечистого. Эта необычайная чистота языка тем более примечательна, что до недавних лет образование женщин вообще не носило общего характера, хотя зафиксировано много частных случаев, когда женщины сами достигли успеха в литературных занятиях. Только когда мы переходим к роману, короткому рассказу или анекдоту, которые обычно не написаны высокостильным стилем и поэтому не признаются собственно литературой, этот возвышенный стандарт уже не всегда соблюдается.

Действительно, существует огромное количество романов, в основном исторических и религиозных, в которых цели авторов находятся на достаточно высоком уровне, чтобы держать их подальше от того, что в народе известно как порнография или свинство; тем не менее, когда все сказано и сделано, сохраняется баланс написания, что странно контрастирует с большей частью собственно китайской литературы. Что касается романа, длинной истории с проработанным сюжетом, то на самом деле это не местный продукт. Похоже, он пришел вместе с монголами из Центральной Азии, когда они завоевали Китай в тринадцатом веке и основали свою недолговечную династию. Некоторые романы, несмотря на их низкий моральный тон, чрезвычайно хорошо написаны и остроумны, красочны по описанию и драматичны по эпизодам; но любопытно, что ни один писатель первого ранга никогда не связывал свое имя с романом и что авторство всех самых остроумных является предметом полной неопределенности.

Роман для низшего класса намеренно выдержан в стиле, который будет легко понятен; но даже в этом случае многим неграмотным читателям приходится пропускать много слов и фраз, которые вполне удовлетворены, если они могут извлечь общий смысл по ходу дела. Книжный язык, культивируемый лучшими писателями, может быть свободно понят только теми, кто хорошо усвоил обширную фразеологию, которая постепенно создавалась выдающимися людьми на протяжении последних двадцати пяти столетий, а также всевозможные исторические и биографические аллюзии и отсылки. Одно-два слова, предполагающие какую-нибудь уместную аллюзию, часто значительно подчеркивают красоту композиции для знатока, но не попадают в поле зрения тех, кому цитата неизвестна. Простые предметы в повседневной жизни часто получают причудливые названия, переданные в литературе, с которыми необходимо быть знакомым. Например, "волшебный зонтик" означает гриб; "джентльмен с пучком" — взломщик, потому что однажды взломщика поймали сидящим на одной из открытых балок внутри китайской крыши; "тонкая талия" - это оса; "маслина на горле" - это "Адамово яблоко", что, кстати, является отличной иллюстрацией с противоположной точки зрения; "заметки для бровей" означают заметки вверху страницы; "заглавные слова" иногда используются для "предисловия"; "избавляющий от забот" - это вино; "золотые шарики" - это вино. апельсины; "золотой поднос" - это луна; "двугривенный мужчина" - седобородый; "сто дырок" - это улей; "вместо луны" - фонарь; "вместо ступенек" - лошадь; "человек в деревянной юбке" - лавочник; "рассеивать сон" - значит давать деньги на тишину; и так далее, почти до *бесконечности*.

Китайская медицинская литература очень обширна, медицина всегда занимала высокое место в глазах людей, несмотря на то, что ее практика всегда была предоставлена любому, кто мог бы захотеть ею заняться. Хирургия, даже элементарного рода, никогда не имела шансов; поскольку китайцы крайне неохотно терпят какое-либо вмешательство в свое тело, полагая, в соответствии с конфуцианской догмой, что поскольку они получили его от своих родителей, они должны передать его своим предкам в следующем мире. Медицину в том виде, в каком она до сих пор практикуется в Китае, можно сравнить с европейским искусством двухсотлетней давности, и ее чрезвычайно сомнительные результаты в полной мере оценены пациентами в целом. "Никакое лекарство, - гласит одна пословица, - не лучше посредственного врача", в то время как другая указывает на то, что "Многие сыновья умных врачей умирают от болезней".

Легенда, однако, повествует нам об экстраординарном враче пятого века до нашей эры, который мог заглядывать во внутренние органы своих пациентов — очевидно, предвосхищая

рентгеновские лучи — и который, благодаря своему глубокому знанию человеческого пульса, добился многих поразительных исцелений. Мы также читаем о выдающемся враче второго и третьего веков нашей эры, который к этой другой квалификации добавил хирургию. Он был искусен в использовании иглоукалывания и прижигания, но если они не помогали, он лишал своего пациента сознания с помощью дозы гашиша, а затем оперировал хирургическим путем. Говорят, что он диагностировал заболевание кишечника только по пульсу, а затем вылечил его с помощью операции. Он предложил вылечить головные боли знаменитого военачальника того времени, вскрыв ему череп под действием гашиша, но предложение было грубо отклонено. Эта история, несмотря на ее чудесную обстановку, показывает, что идея введения анестетика для проведения хирургической операции, насколько это возможно, принадлежит китайцам, поскольку книга, в которой приводится приведенный выше отчет, не могла быть написана позже двенадцатого века нашей эры.

ГЛАВА VII—ФИЛОСОФИЯ И СПОРТ

Китайская философия в целом охватывает слишком большую область, чтобы ее можно было рассматривать даже в общих чертах в масштабе, подходящем для этой книги; лишь некоторые из ее основных черт могут быть представлены в имеющемся пространстве.

Начиная с философии морали, мы сразу сталкиваемся с тем, что в прежние времена было чрезвычайно острым вопросом; возможно, даже сейчас он не решен полностью, но ему позволено оставаться в напряжении на фоне всеобщего признания конфуцианских учений. Сам Конфуций недвусмысленно учил, что человек рождается добрым и что он становится злым только при контакте со злым окружением. Он не вдается в подробности этой догмы, но прямо заявляет о ней как о естественном законе, не предполагая, что через пару столетий она будет подвергнута серьезному сомнению. Его великому последователю Мэн-цзы, родившемуся сто лет спустя, оставалось защищать это положение перед всеми желающими, и особенно перед человеком не самого низкого положения, философом Као (*Корова*). Као заявил, что праведность можно извлечь из природы человека только таким же образом, как хорошие чашки и миски можно сделать из ивового бруска, а именно, тщательно изготовив их. Неправильное качество изготовления привело бы к плохим результатам; хорошее качество изготовления, с другой стороны, привело бы к хорошим результатам. Проще говоря, природа человека при рождении не является ни хорошей, ни плохой; и то, какой она становится впоследствии, полностью зависит от того, какие влияния были оказаны и в каком окружении он достиг зрелости. Мэн-цзы опроверг этот аргумент, показав, что в процессе извлечения чашек из куска дерева дерево как чурбак разрушается, и он указал, что, согласно таким рассуждениям, природа человека также будет разрушена в процессе извлечения из него праведности.

Опять же, Као утверждал, что природа человека имеет такое же мало отношения к добру или злу, как вода к востоку или западу; ибо вода будет течь безразлично либо в ту, либо в другую сторону, в зависимости от условий в каждом конкретном случае. Если есть свобода на востоке, она будет течь на восток; если есть свобода на западе, она будет течь на запад; и так же обстоит дело с человеческой природой, которая точно так же будет двигаться в направлении либо добра, либо зла. В ответ Мэн-цзы свободно признал, что вода будет течь либо на восток, либо на запад; но он спросил, будет ли она течь безразлично вверх или вниз. Затем Он заявил, что склонность человеческой природы к добру в точности подобна склонности воды течь вниз, а не вверх. Вы можете заставить воду подпрыгнуть, сказал он, ударив по ней, и с помощью механических приспособлений вы можете заставить ее течь на вершину холма; но то, что вы делаете в таких случаях, полностью противоречит природе воды и является всего лишь результатом насилия, такого насилия, которое, по сути, проявляется, когда природа человека склонна ко злу.

"То, что люди получают при рождении, - сказал Као, - это их природа", подразумевая, что все натуры одинаковы, точно так же, как белизна белого пера равна белизне белого снега; после чего Мэн-цзы показал, что по этому принципу природа собаки будет такой же, как у быка, или природа быка будет такой же, как у человека. Наконец, Мэн-цзы заявил, что, какое бы зло ни совершали люди, их природу ни в коем случае нельзя винить. В благополучные времена, утверждал он, люди в основном добры, тогда как во времена дефицита происходит обратное; однако эти два условия следует относить не к природе, с которой Бог послал их в мир, а к обстоятельствам, в которых оказались данные индивиды.

Однако вопрос об изначальной природе человека не был окончательно решен аргументами Мэн-цзы. Философ по имени Сюнь-цзы (*Сюндза*), достигший расцвета ненамного позже Мэн-цзы, выдвинул теорию о том, что природа человека при рождении не только не добра, согласно Конфуцию, или даже нейтральна, согласно Као, но и положительно зла. Он подкрепляет эту точку зрения следующими аргументами. С самых ранних лет человеком движет жажда наживы для собственного удовольствия. Его поведение отличается эгоизмом и воинственностью. Он становится рабом зависти, ненависти и других страстей. Сдержанность закона, а также влияние и руководство учителей абсолютно необходимы для хорошего правления и благополучия общественной жизни. Точно так же, как дерево должно быть подвергнуто давлению, чтобы сделать его прямым, а металл - точильному камню, чтобы сделать его острым, так и природа человека должна быть подвергнута тренировке и воспитанию, чтобы получить от него такие добродетели, как справедливость и самопожертвование, которые характеризуют лучших представителей человеческой расы. Невозможно утверждать, что природа человека хороша в том же смысле, что его глаза видят, а уши слышат; ибо в последнем случае альтернативы нет. Глаз, который не видит, - это не глаз; ухо, которое не слышит, - это не ухо. Это доказывает, что, хотя зрение и слух естественны для человека, доброта искусственна и приобретена. Точно так же, как гончар изготавливает блюдо или плотник скамью, работая над каким-либо материалом перед собой, так и мудрецы и учителя человечества добиваются праведности, воздействуя на природу человека, которую они преобразуют точно так же, как гончар преобразует глину или плотник дерево. Мы не можем поверить, что у Бога есть любимцы, и что он недоброжелательно относится к другим. Как же тогда получается, что одни люди злые, а другие добрые? Ответ заключается в том, что первые следуют своим естественным наклонностям, в то время как вторые подчиняются ограничениям и следуют руководству своих учителей. Это действительно правда, что любой человек может стать героем, но не все люди обязательно становятся

героями, и не существует никакого метода, с помощью которого их можно было бы заставить сделать это. Если человек наделен способностью к совершенствованию и отдан в руки хороших учителей, общаясь в то же время с друзьями, в действиях которых проявляются такие добродетели, как самопожертвование, правдивость, доброта и так далее, он естественным образом усвоит принципы, которые поднимут его до того же уровня; тогда как, если он общается с недоброжелателями, он будет ежедневным свидетелем обмана, коррупции и общей нечистоплотности поведения и постепенно войдет в тот же образ жизни. Если вы не знаете своего сына, гласит пословица, посмотрите на его друзей.

Следующий шаг был сделан философом Ян Сюном (*Шиюн*) с 53 г. до н.э. по 18 г. н.э. Он выдвинул теорию, которая занимает среднее место между двумя последними теориями, рассмотренными выше, уча, что природа человека при рождении не является ни полностью доброй, ни полностью злой, а представляет собой смесь того и другого, и что развитие в любом направлении полностью зависит от окружающей среды. Компромисс в вопросах веры далеко не так живописен, как крайность, и попытка решения Янга привлекла лишь скудное внимание, хотя всегда упоминалась с уважением. То же самое можно сказать и о другой попытке сгладить очевидные трудности на пути принятия либо одной из двух крайностей, либо среднего пути, предложенного Ян Сюном. Знаменитый Хань Юй, о котором мы вскоре еще раз упомянем, был столпом и опорой конфуцианства. Он процветал между 768 и 824 годами нашей эры и оказал такие длительные услуги в том, что было для него делом истины, что его табличка была помещена в конфуцианском храме - честь, предназначенная только для тех, чья ортодоксальность вне подозрений. Тем не менее, он отважился на попытку изменить эту важную догму, все время стараясь выглядеть так, как будто он критикует Мэн-цзы, а не Конфуция, на котором, конечно, лежит реальная ответственность. Он заявил, исключительно опираясь на свой собственный авторитет, что природа человека неоднородна, а делится на три ступени, а именно: высшую, среднюю и низшую. Таким образом, натуры высшей ступени добры, всецело добры и ничего, кроме добра; натуры низшей ступени злы, всецело злы и ничего, кроме зла; в то время как натуры средней ступени могут при правильном руководстве подняться до высшей ступени или, при неправильном руководстве, опуститься до низшей.

Другой вопрос, широко обсуждавшийся в эпоху Мэн-цзы, возник из конкурирующих утверждений двух почти современных философов, Мо Ти (*Мо Ту*) и Ян Чу. Первые проповедовали систему взаимной и, следовательно, всеобщей любви как лекарство от всех бед, возникающих из-за плохого управления и отсутствия социальной гармонии. Он справедливо указал, что если феодальные государства оставят друг друга в покое, семьи перестанут ссориться, а воры перестанут воровать, в то время как государь и подданный будут жить в условиях благожелательности и лояльности, а отцы и сыновья — в условиях доброты и сыновнего почтения, - тогда империя действительно будет хорошо управляться. Но помимо предположения о влиянии учителей на запрещение ненависти и поощрение взаимной любви, наш философ мало что делает или вообще ничего не делает, чтобы помочь нам в достижении такого желаемого завершения.

Доктрина Ян Чу резюмируется как "каждый сам за себя" и, следовательно, диаметрально противоположна доктрине Мо Ти. Однажды один из собеседников спросил его, согласится ли он расстаться с одним-единственным волосом, чтобы принести пользу всему миру. Ян Чу ответил, что один волос не может принести никакой возможной пользы миру; и когда его еще раз попросили сказать, что бы он сделал, если бы волос действительно принес такую пользу,

утверждается, что он не дал ответа. Основываясь на этой истории, Мэн-Цзы сказал: "Принципом Яна было "каждый за себя". Хотя, вырвав один волос, он мог бы принести пользу всему миру, он бы этого не сделал. Системой Мо была всеобщая любовь. Если бы, отрезав каждый волосок от макушки до подошвы ноги, он мог принести пользу империи, он бы это сделал. Ни одна из этих двух доктрин не является здоровой; средний путь - правильный".

Происхождение видимой вселенной - это вопрос, над которым китайские философы вполне естественно начали размышлять. Легенда повествует нам о странном существе по имени Пань Ку, которое появилось на свет, никто не может точно сказать как, наделенное совершенным знанием, его функция - приводить в порядок постепенно развивающуюся вселенную. Его часто изображают живописно с огромным теслом в руке, занятым конструированием мира из материи, которая только начала обретать форму. С его смертью появилась детализированная часть творения. Его дыхание стало ветром; его голос - громом; его левый глаз - солнцем; его правый глаз - луной; из его крови потекли реки; его волосы превратились в деревья и растения; его плоть стала почвой; его пот лился дождем; а паразиты, населявшие его тело, были предшественниками человеческой расы. Такого рода вещи, однако, могли понравиться только неграмотным; для интеллектуальных и образованных людей требовалось нечто большее. Так получилось, что система, первоначально основанная на совершенно непонятной Книге перемен, которая обычно считается древнейшей частью конфуцианского канона, была постепенно разработана и доведена до конечного состояния в течение одиннадцатого и двенадцатого веков нашей эры. Согласно этой системе, было время, почти недоступное для выражения в цифрах, когда вообще ничего не существовало. В последующий период спонтанно возник принцип, который по прошествии еще одного промежутка времени распался на два принципа с совершенно противоположными характеристиками. Один из этих принципов представлял свет, тепло, мужественность и подобные явления, классифицируемые как положительные; другой представлял темноту, холод, женственность и другие явления, классифицируемые как отрицательные. Взаимодействие этих двух принципов в должным образом выверенных пропорциях породило пять элементов: землю, огонь, воду, дерево и металл; и с их помощью легко и быстро развивалась вся Природа, какой мы ее видим вокруг нас. Такова конфуцианская теория, во всяком случае, так называемая, поскольку невозможно доказать, что Конфуций когда-либо придерживался этих представлений, а его предполагаемая связь с Каноном Перемен сама по себе вызывает сомнение в достоверности.

Чжуан-цзы (*Чвондза*), философ третьего и четвертого веков до нашей эры, который был не только мистиком, но также моралистом и социальным реформатором, имеет что сказать по этому поводу: "Если есть существование, должно было быть и несуществование. И если было время, когда ничего не существовало, то должно было быть время и до этого, когда даже ничего не существовало. Тогда, когда ничто не возникло, можно ли действительно сказать, принадлежит ли оно существованию или несуществованию?"

"Ничто" было любимым выражением Чжуан-цзы для упражнения в остроумии. Лайт ни о чем не спрашивал, говоря: "Вы, сэр, существуете или вас нет?" Но, не получив ответа на свой вопрос, Лайт принялся наблюдать за появлением Пустоты. Скрытый, пустой — весь день напролет он смотрел, но не мог увидеть этого, слушал, но не мог услышать этого, хватался, но не мог ухватиться за это. "Браво!" - воскликнул Лайт. - "Кто может сравниться с этим? Я могу стать ничем [имеется в виду тьма], но я не могу стать не ничем".

Конфуцию нечего было сказать на тему смерти и будущего состояния; его темой неизменно была эта жизнь и ее обязанности, и он считал размышления о неизвестном пустой тратой времени. Когда умер один из трех друзей и Конфуций послал ученика выразить соболезнования двум другим, ученик обнаружил их сидящими рядом с трупом, весело поющими и играющими на лютне. Они исповедовали тогда сравнительно новую веру, которая учила, что жизнь - это сон, а смерть - пробуждение. Они верили, что после смерти чистый человек "возносится на небеса и, странствуя по облакам, выходит за пределы пространства, забывая о существовании, во веки веков без конца". Когда потрясенный ученик рассказал о том, что он видел, Конфуций сказал: "Эти люди выходят за рамки правил жизни; я путешествую внутри нее. Следовательно, наши пути не пересекаются; и я был неправ, отправив вас оплакивать. Они смотрят на жизнь как на огромную опухоль, от которой их освобождает смерть. Все равно они не знают, ни где они были до рождения, ни где они будут после смерти. Они игнорируют свои страсти. Они не принимают во внимание свои уши и глаза. Назад и вперед через всю вечность, они не признают ни начала, ни конца. Они выходят за пределы пыли и сора земной жизни, чтобы блуждать в сферах бездействия. Как такие люди должны утруждать себя условностями этого мира или заботиться о том, что о них могут подумать люди?"

Жизнь приходит, говорит Чжуан-цзы, и ее нельзя отклонить; она уходит, и ее нельзя остановить. Но, увы, мир думает, что для сохранения жизни достаточно питать физическую оболочку. Хотя этого недостаточно, это все равно необходимо делать; этим нельзя пренебрегать. Ибо, если человек хочет пренебречь физической оболочкой, гораздо лучше сразу удалиться от мира, поскольку, отрекаясь от мира, он избавляется от мирских забот. Однако существует жизненная сила, которая наполняет физическое тело; это должно быть в равной степени объектом постоянной заботы. Тогда тот, чье физическое тело совершенно и чья жизненная сила остается в своей первоначальной чистоте, — он един с Богом. Человек проходит через эту подлунную жизнь, как солнечный луч проходит через трещину; в одно мгновение он здесь, а в следующее его уже нет. И нет никого, кто не был бы в равной степени подвержен входу и выходу из земной жизни. Одно изменение приносит жизнь; затем приходит другое, и наступает смерть. Живые существа кричат; люди чувствуют печаль. Футляр для лука снимается, сумка для одежды роняется, и в суматохе душа устремляется в полет, а тело следует за ней в великом путешествии домой.

Внимание уже привлекалось к этому необходимому совершенствованию физического каркаса, и Цюань-цзы приводит пример того, до какой степени оно было доведено. Жил-был один человек, чей нос был покрыт очень твердой коркой, которая в то же время была не толще крыла мухи. Он послал за каменщиком, чтобы тот отколол его; и тот с большой ловкостью орудовал своим теслом, в то время как пациент сидел абсолютно неподвижно, не шевеля ни единым мускулом, и позволял ему отколоть его. Когда струп полностью сошел, оказалось, что нос совершенно не пострадал. Такое мастерство, конечно, вскоре разнеслось по всему миру, и феодальный князь, у которого тоже была короста на носу, послал за каменщиком, чтобы тот удалил ее. Масон, однако, отказался от попытки, утверждая, что успех зависит не столько от мастерства оператора, сколько от ментального контроля пациента, благодаря которому физический каркас становится как бы совершенно неодушевленным объектом.

Современником Чжуан-цзы, но принадлежавшим к совершенно другой школе мысли, был философ Хуэй-цзы (*Хуэйдза*). Особенно ему нравились придирки, которые так восхищали софистов или неразумных рассуждателей Древней Греции. Чжуан-цзы признает, что у него было

много идей и что его работ хватило бы на пять тележек - это следует помнить, потому что они были написаны на деревянных листах, связанных вместе ниткой, продетой через проушины. Но он добавляет, что доктрины Хуэй-цзы парадоксальны, а его термины используются двусмысленно. Хуэй-цзы утверждал, например, что такие абстракции, как твердость и белизна, являются отдельными сущностями, которые ум может осознавать только по отдельности, по одной за раз. Он заявил, что перья есть и в только что снесенном яйце, потому что в конечном итоге они появляются у цыпленка. Он утверждал, что огонь не горяч; это человек чувствует жар. То, что видит не глаз, видит человек. То, что циркуль не нарисует круг, видит человек. Что гнедая лошадь и бурая корова - это трое; потому что взятые по отдельности, они равны двум, а взятые вместе - одному: два и один составляют три. Что у жеребенка, оставшегося без матери, никогда не было матери; когда у него была мать, он не был без матери. Что если вы возьмете палку длиной в фут и каждый день будете разрезать ее пополам, вы никогда не доведете ее до конца.

Какую пользу, спросил его великий соперник, Хуэй-цзы приносит миру? Его усилия можно сравнить только с усилиями овода или комара. Он производит шум, заглушающий эхо. Он подобен человеку, бегущему наперегонки с собственной тенью.

Когда Чжуан-цзы был при смерти, его ученики выразили желание устроить ему пышные похороны. Но Чжуан-цзы сказал: "С небом и землей в качестве моего гроба и моей оболочки; с солнцем, луной и звездами в качестве моих погребальных регалий; и со всем творением, чтобы сопровождать меня до моей могилы, — разве мои похоронные принадлежности не готовы?" "Мы боимся, - утверждали ученики, - как бы коршун-падальщик не съел тело нашего Учителя", на что Чжуан-цзы ответил: "На поверхности я буду пищей для коршунов; под землей - для слепней и муравьев. Зачем грабить одного, чтобы накормить другого?"

Жизнь в Китае не полностью состоит из изучения книг и торговли. Самые ранние китайские летописи показывают, что люди следовали за охотой по пятам за знатью, скорее как за спортом, чем как за серьезным занятием, которым это, должно быть, было в еще более отдаленные века; и первые императоры нынешней династии были также известными спортсменами, которые периодически организовывали охотничьи туры со значительным размахом.

Соколиной охотой занимались по крайней мере за столетие до Рождества Христова; ибо у нас есть упоминание о человеке того периода, который "любил скакать галопом за коварными животными с лошадью и собакой или преследовать сокола, фазана и зайца". В наши дни этот вид спорта можно увидеть в северном Китае. Заяц убит, и за ним выпущена пара местных борзых; однако эти животные вскоре были бы оттеснены зайцем, который может убежать прямо от них, не сворачивая вдвое, если бы не внезапный спуск сокола и удар его когтя, часто оглушающий зайца с первой попытки и позволяющий собакам подойти.

Спортсмены, которым приходится зарабатывать на жизнь своим бизнесом, часто прибегают к методам, которые иногда очень изобретательны и приносят больше прибыли, чем огнестрельное оружие, но вряд ли могут быть отнесены к разряду спортивных. Таким образом, человек в поисках дикой утки отметит стаю, расположившуюся на каком-нибудь мелководье. Затем он наденет ящик на голову и плечи и постепенно приблизится к стаду, как будто ящик дрейфует по поверхности. Оказавшись среди них, он протягивает руку под воду, хватая утку за ноги и быстро тянет птицу вниз. Внезапное исчезновение коллеги, похоже, не беспокоило его товарищей, и за короткое время была получена весьма внушительная сумка. Традиция гласит,

что Конфуций любил спорт, но никогда не запускал мушку в сидящих птиц; что, учитывая, что его оружием были лук и стрелы, должно быть признано чудом самоограничения.

Десятки китайских поэтов подробно описывали радости рыбной ловли, и рыбалка широко распространена во внутренних водах; но удочка, если не считать чисто спортивного интереса, уступила место деловитой сети. Рассказ об использовании бакланов для рыбной ловли раньше считался рассказом путешественника. Однако совершенно верно, что на реках южного Китая можно увидеть небольшие плоты, на которых плавают несколько этих птиц, с рыбаком, осторожно гребущим на корме. Баклан хватает проплывающую мимо рыбу, и рыбак вынимает ее из его клюва. Птицу дрессируют с кольцом на шее, которое не дает ей проглотить добычу; при этом за каждую поимку она вознаграждается небольшим кусочком рыбы. Хорошо обученным бакланам можно доверить ловлю рыбы без ограничения кольцом. Конфуций, опять же, как говорят, любил рыбачить, но он не пользовался сетью; и был другой мудрец древности, который даже не пользовался крючком, а ловил рыбу прямым куском железа, очевидно, думая, что преимущество было бы несправедливым по отношению к рыбным ресурсам; и открыто заявляя, что он будет брать только ту рыбу, которая пожелает быть пойманной. Такими простыми рассказами китайцы стремятся донести великие истины до детских ушей.

Когда-то в Китае были распространены многие виды спорта, которые давно вышли из национальной жизни и существуют только в бухгалтерских книгах. Среди них можно упомянуть "бодание", очень древнее развлечение, упоминавшееся в истории за два столетия до христианской эры. Забава заключалась в том, чтобы надеть на голову бычью шкуру с рогами и всем прочим, а затем попытаться выбить противника из ритма, боднув его по-бычьему, в результате чего, как сообщает история тысячелетней давности, "размозженные головы, сломанные руки и кровь, текущая по дворцовому двору".

Искусство бокса, включающее в себя борьбу, практиковалось китайцами за несколько столетий до того, как были введены удары прикладом. Впоследствии его наиболее опытных представителей нашли среди священников буддийского монастыря, построенного около 500 г. н.э.; и, несомненно, именно от их преемников японцы приобрели знания о современном *джиу-джитсу*, которое является просто эквивалентом древнекитайского термина, означающего "нежное искусство". Несколько слов из главы о "боксе" в военном труде шестнадцатого века дадут некоторое представление о масштабах китайского спорта.

"Тело должно быть быстрым в движениях, руки должны быстро использовать преимущество, а ноги должны быть слегка расставлены, но твердо, чтобы эффективно продвигаться вперед или отступать. В летящем взмахе ноги заключается мастерство боя; в переворачивании противника вверх ногами заключается его свирепость; в нанесении прямого удара кулаком заключается его быстрота; а в ловком удержании противника лицом вверх заключается его мягкость".

В Китае в футбол играли очень рано; первоначально мячом, набитым шерстью; с пятого века нашей эры - надутым пузырем, обтянутым кожей. До нас дошло изображение ворот, которые представляют собой что-то вроде триумфальной арки, а также технические названия и позиции игроков; перечислено даже более семидесяти видов ударов, но фактические правила игры неизвестны. Один писатель записал, что "победители были вознаграждены цветами, фруктами и вином, и даже серебряными чашами и парчой, в то время как капитан проигравшей команды был выпорот и подвергся другим унижениям". Игра, которая исчезла на несколько столетий,

сейчас возрождается в китайских школах и колледжах под контролем иностранцев и пользуется большой популярностью у подрастающего поколения.

Поло впервые упоминается в китайской литературе под 710 годом н.э., имеется в виду игра, в которую играли перед императором и его двором. Долгое время эта игра была в большой моде, и даже женщин учили играть на спине осла. Китайские татары были самыми искусными игроками; сомнительно, возникла ли эта игра у них или же она была завезена из Персии, с которой Китай поддерживал отношения очень рано. Государственный деятель десятого века, возмущенный тем, как император чрезмерно играл в поло, представил длинную памятную записку, призывая его Величество прекратить эту практику. Причин, приведенных для этого совета, было три". (1) Когда суверен и подданный играют вместе, не может не быть раздора. Если побеждает государь, подданный испытывает стыд; если первый проигрывает, второй ликует. (2) Прыгать на лошади и размахивать молотком, скакать галопом туда-сюда, без различия ранга, а только стремясь быть первым и победить, разрушительно для всех церемоний между сувереном и подданным. (3) Пренебрегать ответственностью империи и подвергаться даже малейшему риску несчастного случая - значит пренебрегать обязательствами перед государством и ее Императорским Величеством Императрицей".

Всегда признавалось, что главная обязанность государственного деятеля - давать советы своему повелителю без страха и благосклонности и громко и открыто протестовать против любого курса, который может быть невыгоден государству или дискредитировать двор. Также всегда понималось, что подобные протесты делаются исключительно на риск соответствующего государственного деятеля, который должен быть готов заплатить своей головой за советы, которые могут быть заклеймены как непатриотичные, хотя на самом деле в данный момент они могут быть не более чем неприятными.

В 814 году н.э. император, ставший набожным буддистом, принял меры к приему с экстравагантными почестями кости Будды, которая была доставлена из Индии для сохранения в качестве реликвии. Это было слишком для Хань Юя (уже упомянутого), ведущего государственного деятеля того времени, который был человеком из народа, воспитанным собственным гением, и который, что еще хуже, уже был изгнан одиннадцать лет назад за представление оскорбительного Мемориала на тему сбора налогов, за что был прощен и отозван. Он немедленно отправил почтительное, но горькое осуждение Будды и всех его трудов и умолял его Величество не пятнать конфуцианскую чистоту помыслов, терпя такое унижительное представление, как это предлагалось. Если бы не заступничество друзей, ответом на этот смелый мемориал была бы смерть; а так он был сослан в окрестности современного Сватоу, тогда дикого и варварского региона, едва вошедшего в состав Империи. Там он поставил перед собой задачу цивилизовать грубых жителей, пока вскоре не был отозван и вновь восстановлен в должности; и по сей день здесь находится святилище, посвященное его памяти, со следующей надписью: "Где бы он ни проходил, он очищался".

Другой великий государственный деятель, который процветал более двухсот лет спустя и также несколько раз подвергался изгнанию, в надписи, посвященной чести и славе своего предшественника, записал следующие слова: "Истина начала затуманиваться, а литература угасать; сверхъестественные религии возникали со всех сторон, и многие выдающиеся ученые не смогли противостоять их продвижению, пока Хань Юй, одетый в хлопчатобумажную одежду, не восстал и не обрушился на них со своей язвительной усмешкой".

С четырнадцатого века существует определенная организация, известная как Цензура, члены которой, которых называют "ушами и глазами" государя, считают своим долгом сообщать отрицательно о любом курсе, принятом правительством от имени императора или любым отдельным государственным деятелем, который, по-видимому, вызывает неодобрение. Осуждающий Цензор номинально имеет право на полную неприкосновенность от наказания; но на практике он знает, что не может слишком рассчитывать ни на правосудие, ни на милосердие. Если он приходит к выводу, что его слова непростительны, он вручает свой мемориал и немедленно привлекает внимание общественности, совершая самоубийство на месте.

Иметь возможность совершить самоубийство и не подвергаться унижению публичной казни - это привилегия, иногда предоставляемая высокопоставленному должностному лицу, чья жизнь была утрачена при обстоятельствах, не требующих особого унижения. Шелковый шнур пересылается от императора соответствующему чиновнику, который немедленно прекращает свою жизнь, хотя и не обязательно путем удушения. Он может принять яд, как это обычно бывает, и это называется "проглатывание золота". Долгое время считалось, что китайские высокопоставленные чиновники действительно глотали золото, что, учитывая его неядовитый характер, навело на мысль о применении сусального золота, которое вдыхается и, таким образом, вызывает удушье. Некоторые простые люди, как китайцы, так и иностранцы, сейчас верят в это, хотя местные власти указали, что рабочие, занятые добычей золота, часто крадут кусочки и проглатывают их без каких-либо серьезных последствий. Другое объяснение, которое также имеет то преимущество, что является истинным, состоит в том, что "глотание золота" - это одна из окольных фраз, с помощью которых китайцы с удовольствием выражают болезненные или отталкивающие темы. Ни один император никогда не "умирает", он становится "гостем свыше". Ни один сын не скажет, что его родители "умерли", а просто, что "их нет". Смерть чиновника выражается словами "он не получает жалованья"; об обычном человеке можно сказать, что "он стал стариком", почти так же, как мы говорим "он присоединился к большинству". Труп в гробу находится в своем "долгом доме"; когда его хоронят, он находится в "городе старости" или на "террасе ночи". Таким образом, грубо сказать, что человек принял яд, было бы оскорблением для вежливых ушей.

ГЛАВА VIII—ОТДЫХ

Возвращаюсь к этому после долгого отступления. Эпоха мужественного спорта, описанная выше, давно прошла, и единственная надежда - на возрождение в меняющихся условиях современного Китая. Сохранилось несколько спортивных упражнений; и до недавнего времени стрельба из лука, в которой татары всегда преуспевали, считалась почти божественным достижением. Управление воздушными змеями достигло высокого уровня мастерства. Были изобретены маленькие хитроумные "посыльные", которые взбегают по веревке, неся огненные

хлопушки, которые взрываются на большой высоте. Существует игра в волан без боевого древка, вместо которого используются ступни; а "дьяволо", недавно появившееся в Европе, является древнекитайским развлечением. Долгой северной зимой можно увидеть и нескольких маньчжуров, катающихся на коньках, но современный обитатель Цветущей Страны, будь то маньчжур или китаец, предпочитает игры в помещении чему-либо еще, особенно когда, как это обычно бывает, на кону деньги.

Азартные игры действительно являются очень заметной чертой китайской жизни. Ребенок, покупающий торт, часто идет на удвоение или расплачивается с продавцом, чтобы узнать, брать ему два торта или ничего, вопрос решается броском кубика в миску. В промежутке, отведенном для приема пищи, банда кули посвятит часть времени игре в карты. Используемые карты меньше европейской колоды и, конечно, помечены по-другому; они были изобретены дворцовой дамой в десятом веке, которая заменила настоящие листья искусственными листьями из позолоченной бумаги, которые ранее использовались для игры в какую-то игру. Существуют также различные игры с использованием шашек, некоторые из которых относятся к глубокой древности; и есть шахматы, то есть игра, настолько мало отличающаяся от наших шахмат, что не оставляет сомнений в общем происхождении обоих. Во всех них присутствует денежный элемент; и не будет преувеличением сказать, что этот поистине национальный порок разрушает больше домов и причиняет больше страданий, чем можно объяснить какой-либо другой причиной.

Театр - это чистое и незатейливое развлечение, независимое от приобретений и потерь. Театр занимает самое теплое место в сердце каждого китайца. Если азартные игры в Китае являются национальным пороком, то драма должна быть объявлена национальным развлечением. Жизнь была бы немыслима для подавляющего большинства, если бы ее монотонность не нарушалась периодическим представлением театральных постановок. Именно из этого источника можно почерпнуть некоторое знакомство с великими историческими эпизодами прошлого за трубкой и чашкой чая; в то время как фарс, иногда, возможно, отклоняющийся в сторону широты, доставляет массу удовольствия любящей посмеяться толпе.

Умение рассмешить китайцев - большое достоинство; и иностранец, который носит это оружие с собой, обнаружит, что оно сослужит ему гораздо лучшую службу, чем револьвер. Когда много лет назад у берегов Формозы потерпело крушение судно, экипаж и пассажиры были немедленно схвачены и на некоторое время заперты в здании, где до недавнего времени можно было видеть следы их надписей. Наконец, всех их вывели на казнь; но прежде чем ужасный приказ был приведен в исполнение, один из них так позабавил всех, нарезая каперсы и кружась кубарем, что председательствующий мандарин сказал, что он забавный малый, и положительно позволил ему сбежать.

Что касается самого фарса, то публику увлекает не столько остроумие диалога, сколько отточенное мастерство актера, которому приходится пройти через множество испытаний, прежде чем его признают годным для сцены. Начиная еще совсем мальчиком, в дополнение к запоминанию большого количества пьес — не только своей собственной роли, но и всей пьесы целиком, — он должен проходить суровую физическую подготовку, часть которой заключается в том, чтобы каждый день по часу стоять с широко открытым ртом, вдыхая утренний воздух. Его учат петь, ходить с важным видом и выполнять различные гимнастические упражнения, такие как стояние на голове или кувырки. Его первая классификация - как актера мужского или

женского пола, поскольку женщинам не разрешалось выступать со времен императора Цзянь Луна (1736-1796 гг. н.э.), мать которого была актрисой, точно так же, как во времена Шекспира женские роли всегда исполняли молодые мужчины или юноши. Когда с этим будет покончено, останется только записать его в качестве трагика, комика, актера низкой комедийной направленности, гуляющего джентльмена или леди и подобных ролей, в зависимости от его способностей.

Не будет преувеличением сказать, что женщин очень мало не хватает на китайской сцене. Грим актера настолько совершенен, а его имитация женского голоса и манер, вплоть до мельчайших деталей, даже маленьких ступней, настолько точна в каждом моменте, что он был бы умным наблюдателем, который мог бы с уверенностью определить, что это мужчина.

Вообще говоря, китайскому актеру приходится сталкиваться с гораздо большими трудностями, чем его коллеге на Западе. В дополнение к выражению всех оттенков чувств, от веселья до меланхолии, первому приходится постоянно притворяться в другом смысле, что еще больше напрягает его нервы. Поскольку на сцене нет ни декораций, ни мебели, ни каких-либо других приспособлений, кроме самых тонких, он должен создать в умах своих зрителей веру в то, что все эти недостающие аксессуары, тем не менее, находятся у них перед глазами. На сцену выходит генерал с кнутом в руке, и заученное движение не только наводит на мысль, что он слезает с лошади, но и очерчивает само животное. Таким же образом он снова садится в седло и уезжает, в то время как какой-то другой актер говорит со столешницы маленького столика, который немедленно преображается и становится во всех отношениях замком.

Многим из тех, кто, возможно, склонен улыбаться простому китайскому уму, способному терпеть подобные нелепости в виде выдумок, следует напомнить, что сцена во времена королевы Елизаветы была устроена почти по тому же принципу. Сэр Филип Сидни рассказывает нам, что сцена воображаемого сада с воображаемыми цветами должна была в одно время соответствовать воображаемому кораблекрушению, а в другое - воображаемому полю битвы, причем в последнем случае зрителям помогали два противостоящих солдата, вооруженных мечами и щитами. Даже Шекспир в Прологе к своей пьесе *о Генрихе V* говорит о представлении одного человека в виде тысячной армии и говорит:

Думайте, когда мы говорим о лошадях, что вы их видите

Отпечатавая свои гордые копыта на принимающей земле;

Ибо это ваши мысли теперь должны украшать наших королей.

Итак, вот хороший авторитет для причудливой системы, которая все еще преобладает в Китае.

Сотни китайских паломников ежегодно совершают свой утомительный путь к вершине горы Оми в провинции Ссучуань и смотрят вниз с отвесного и высокого обрыва, чтобы увидеть огромный круглый пояс света, который называется Слава Будды. Кто-то видит это, кто-то нет; китайцы говорят, что все дело в вере. В чем-то подобном смысле энтузиаст драматургии видит перед собой таких существ разума, которых способен вызвать подлинный актер. Обыватель не может достичь такой высоты, но он достаточно проницателен, чтобы видеть другие вещи, которые для глаза сочувствующего зрителя абсолютно не существуют. Некоторые из последних будут перечислены ниже.

На китайской сцене нет занавеса; оркестр находится на самой сцене, позади актеров. Здесь нет суфлера и мальчика по вызову. Сценические лакеи ждут по бокам, чтобы внести ширмы, маленькие столики и пару стульев, изображающих дома, городские стены и так далее, или вручить чашки с чаем актерам, когда у них пересыхает в горле от громкого пения, которое всегда ведется фальцетом. И все это на глазах у публики. Мертвые люди встают и уходят со сцены; или, лежа мертвыми, ухитряются изменить выражение своего лица, а затем встают и уходят. Между одной пьесой и следующей нет интервала, что, вероятно, порождает ошибочное мнение, что китайские пьесы длинные, на самом деле они очень короткие. Согласно Уголовному кодексу, запрещается выдавать себя за императоров и императриц прошлых эпох, но теперь этот пункт относится исключительно к нынешней династии.

Для обывателя и его детей повсюду в Китае, где собирается достаточное количество людей, можно увидеть шоу "Панч-энд-джуди" довольно высокого класса с точки зрения мастерства и общей привлекательности. Эти представления по-разному восходят к восьмому и второму векам до нашей эры и к седьмому веку нашей эры, даже самый поздний из этих периодов значительно предшествовал появлению марионеток в этой стране или на Континенте. История, относящаяся ко второму веку до нашей эры, гласит, что тогдашний император был плотно осажден ужасным вождем гуннов, которого сопровождала его жена. Одному из приближенных его Величества пришлось в голову выставить на стенах города, на виду у врага, несколько манекенов, разодетых до обманчивого сходства с красивыми девушками. Затем жена гуннского вождя убедила своего мужа отвести свои войска, и император сбежал.

Китайскими марионетками разыгрываются маленькие пьесы на знакомые сюжеты; многие из них более серьезные, чем "Любови мистера Панча", в то время как другие снова выдержаны в стиле "шуточки", столь дорогим обычным мальчикам и девочкам. Помимо подобных развлечений, улицы китайского города предлагают и другие представления для тех, кто хочет развлечься. Акробат, канатоходец или фокусник выступают прямо посреди проезжей части, и движение должно продвигаться как можно лучше. Театральная сцена иногда полностью перекрывает улицу, и даже пешеходам приходится искать дорогу в обход. Есть также общественный читатель, который ради себя выберет удобное место рядом с какой-нибудь оживленной улицей; и там собравшейся толпе он зачитает, не на трудном книжном языке, а на разговорном диалекте этого места, истории о войне и героизме, о солдатах, которых водили в ночные атаки с деревянными долотами во рту, чтобы они не разговаривали в строю, о победе верных, о разгроме и резне мятежников. Или это может быть история о великанах, гоблинах и волшебниках; о том, как очаровательные девушки, которые на самом деле оказываются переодетыми лисами, околдовывают многообещающих молодых людей, и все это заканчивается, как обычно, торжеством добродетели и поражением порока. Неподвижные глаза и открытые рты толпы, слушающей с пристальным вниманием, - зрелище, которое, однажды увидев, нелегко забыть.

Для обычного человека Китай просто населен призраками и дьяволами, духами нечестивых или тех, кому посчастливилось не обеспечить себе достойных похорон со всеми сопутствующими им богослужениями и обрядами. Эти существа, чьи тела не отбрасывают тени, прячутся по темным углам, готовые наброситься на какого-нибудь неосторожного прохожего и, возможно, вырвать его сердце. Многие конфуцианцы, непоколебимые в своей вере в то, что "дьяволы существуют только для тех, кто в них верит", не решаются посетить ночью уединенное место или даже войти днем в заброшенное полуразрушенное здание. Некоторые из рассказанных

историй, безусловно, способны произвести глубокое впечатление на молодые и натянутые нервы. Например, один мужчина, который слишком любил бутылку, поставил немного спиртного рядом со своей кроватью, чтобы его можно было пить ночью. Когда он протянул руку, чтобы дотянуться до фляжки, его схватил демон и постепенно утащил под землю. В ответ на его крики его родственники и соседи прибыли как раз вовремя, чтобы увидеть, как земля сомкнулась над его головой, как будто он упал в воду.

Из этой истории можно сделать правильный вывод, что китайцы в основном спят на первом этаже. В Пекине дома более чем в один этаж абсолютно зарешечены; причина в том, что каждый дом построен вокруг внутреннего двора, в котором обычно растут деревья и где дамы из заведения с удовольствием сидят и шьют, подышать свежим воздухом и как можно больше размяться.

Еще одна леденящая кровь история - о четырех путешественниках, которые прибыли ночью в гостиницу, но не смогли найти другого жилья, кроме комнаты, в которой лежал труп невестки хозяина. Трое из четверых вскоре захрапели; четвертый, однако, не спал и очень скоро услышал скрип козел, на которых лежало мертвое тело, одетое в бумажные одежды, готовое к погребению. К своему ужасу, он увидел, что девушка встала и пошла подышать на его товарищей; так что к тому времени, когда она подошла к нему, он уже спрятал голову под одеяло. Через некоторое время он пнул одного из нападавших, но, обнаружив, что его друг не двигается с места, внезапно схватил свои брюки и бросился к двери. Через мгновение труп был на ногах и последовал за ним, следуя за ним по улице и постепенно настигая его, но никто не пришел на помощь, несмотря на его громкие крики на бегу. Поэтому он скользнул за дерево и уворачивался направо и налево, разъяренный труп тоже уворачивался направо и налево и предпринимал яростные попытки достать его. Наконец девушка бросилась вперед, уперев руки в бока, в надежде таким образом схватить свою жертву. Путешественник, однако, упал навзничь и вырвался из ее объятий, в то время как она продолжала крепко обнимать дерево. Мало-помалу его нашли лежащим без чувств на земле; и труп сняли с дерева, но с большим трудом, так как пальцы были погружены в кору так глубоко, что ногтей даже не было видно. Остальные трое путешественников были найдены мертвыми в своих постелях.

Периодические застолья можно рассматривать как еще одну форму развлечения, с помощью которой китайцы стремятся скрасить монотонность жизни. Они никогда не отводили один день из семи для абсолютного отдыха, хотя в последние годы китайские торговцы, связанные с внешней торговлей, в какой-то степени стали соблюдать воскресенье. Довольно много дней в году выделено в качестве государственных праздников, но никто не обязан отмечать их как таковые, если ему этого не хочется, за одним важным исключением. Праздник Нового года не может быть проигнорирован никем. Примерно за десять дней до этой даты и через двадцать дней после нее государственные учреждения закрыты и никакие деловые операции не ведутся, печать каждого чиновника передается на хранение жене чиновника, что помогает развеять клевету о том, что женщины в Китае - это униженные существа, какими их часто представляют. Все долги должны быть выплачены, а счета сведены к полуночи в последний день старого года. Несколькими ночами ранее Духу Домашнего Очага, одной из функций которого является ангел-обвинитель, приносят в жертву чересчур липкие сладости. Затем Дух собирается отправиться в свой ежегодный визит на небеса, и, чтобы какое-либо из раскрытий, которые он может сделать, не повлекло за собой неприятных последствий, было решено, что лучше всего лишить его возможности делать какие-либо раскрытия вообще. Неосторожный бог обнаруживает, что его

губы плотно сжаты, и он не в состоянии произнести ни единого слова. Тем временем повсюду в колоссальных масштабах запускаются огненные хлопушки, цель которых состоит в том, чтобы отпугнуть злых духов, скопившихся за последние двенадцать месяцев, и начать год заново. Сам день посвящен визиту в своей лучшей одежде к родственникам, друзьям и официальному начальству, для всех которых принято оставлять подарки. Родственники и друзья получают "мокрые" подарки, такие как фрукты или пирожные; официальные лица также получают мокрые подарки, но под верхним слоем будет найдено что-то "сухое" в виде серебра или банковских банкнот. Все приветствуют друг друга общепринятой поговоркой: "Новая радость, новая радость; богатейте, богатейте!" И все же здесь, как и во всем китайском, мы находим поразительное исключение из этого добродушного правила. Никто не говорит гробовщику: "Разбогатеи, разбогатеи!"

Высокопоставленный авторитет (по другим вопросам) недавно заявил, что китайский календарь "начинается именно тогда, когда император решит сказать, что так и будет. Он подобен капитану корабля, который говорит о часе: "Сделай так, чтобы это было так", - и это так и есть". Правда в том, что День Нового года определяется Астрономическим советом в соответствии с установленными правилами, точно так же, как определяется Пасха; и он может приходиться на любой день между 21 января и 20 февраля, но ни раньше первого, ни позже последнего, несмотря даже на самые угрожающие приказы Дворца. Эта книга действительно была бы написана напрасно, если бы читатель отложил ее, не осознав, что китайский народ не потерпит такого бессмысленного вмешательства со стороны своих правителей. Но мы удаляемся от веселья и праздничности.

В своей повседневной жизни китайцы чрезвычайно умеренны в еде и в основном пьют чай, даже богатые люди ограничиваются несколькими простыми блюдами из свинины, птицы или рыбы в неизменном сопровождении риса. Собачье мясо, которым, как принято считать, питаются люди, подобно тому как французы питаются лягушками, - это животное, выращиваемое в стойлах, и оно всегда было и остается пищей; но потребление собачатины на самом деле очень ограничено, и многие тысячи китайцев никогда в жизни не пробовали собачатину. Согласно популярной классификации продуктов питания, те, кто питается овощами, становятся сильными, те, кто питается мясом, становятся храбрыми, те, кто питается зерном, обретают мудрость, а те, кто питается воздухом, становятся божественными.

На банкетах обстановка меняется, и перед гостями ставятся одно блюдо за другим из необычно приготовленных блюд с большим количеством специй, приготовленных так, как умеют только китайские повара. Вино тоже весело разливается по кругу; через короткие промежутки времени выпиваются бокалы, а винные кубки держат вверх дном, чтобы показать, что никто не стучит каблуками. Фанты начисляются за игру "угадай пальцами" за то, что не удалось закончить куплет, или по любой другой столь же достаточной (или недостаточной) причине; и наказанием является дополнительный бампер для проигравшего.

Эта живая картина требует, пожалуй, немного дополнительных пояснений. Китайское "вино" - это крепкий спирт, получаемый из риса и модифицируемый различными способами для производства определенных марок, некоторые из которых имеют довольно умеренную крепость и действительно могут быть классифицированы как вино. Его всегда пьют горячим, тепло подается в сосудах с кипящей водой, в которых стоят оловянные фляжки для вина. Кубки для вина маленькие, и из них можно выпить немало, не чувствуя ни малейшего переутомления. Тем

не менее, многие посетители сейчас вообще отказываются прикасаться к вину, всегда оправдываясь тем, что от него неприятно краснеет лицо. Возможно, они опасаются незаслуженного обвинения в пьянстве, помня свое собственное циничное высказывание: "Человек с бутылочным носом может быть игроком в футбол, но никто в это не поверит". Судя по их истории и поэзии, китайцы, похоже, когда-то были довольно подвыпившей нацией: в наши дни правда заключается в обратном. Чиновник, умерший в 639 году нашей эры и составивший эпитафии в Китае, написал свои собственные, следующего содержания:—

Фу, я любил зеленые холмы и белые облака...
Увы! он умер от пьянства!

Несомненно, в каждой стране есть исключения из каждого правила; но таких зрелищ, как пьяные мужчины, кувыркающиеся по улицам или лежащие без чувств на обочине дороги, в Китае не увидишь. "Не вино, - гласит пословица, - делает человека пьяным; это сам человек".

Даже на банкетах, которые часто бывают очень богатыми и дорогостоящими, лишние расходы ни в коем случае не поощряются. Блюда с фруктами, которые никто не захотел бы есть и которые выставляются на стол напоказ или для украшения, являются просто искусными имитациями из крашеного дерева и переходят от банкета к банкету как часть обычной атрибутики застолья; никто не обманывается. Та же форма открытого и неприкрытого обмана проявляется многими другими способами. Существуют общества, организованные для комфортного паломничества к какой-нибудь знаменитой горе, представляющей исторический интерес. Записываются имена и собираются деньги, а затем вечеринка отправляется в путь на лодке или в паланкинах, в зависимости от обстоятельств. По прибытии на гору устраивается грандиозный пир, и после пикника, поскольку это так, все снова расходится по домам. Это настоящее дело; теперь имитация. Имена записываются, и деньги собираются, как и прежде; но средства тратятся за домашним застольем, рядом с бумажной горой.

Еще один из этих обманов, который никого не вводит в заблуждение, - это тот, который можно было бы с пользой приспособить к жизни в других странах. Китаец, встретивший на улице друга и не имеющий времени остановиться и поболтать, или, возможно, встретивший кого-то, с кем он, возможно, не желает разговаривать, быстро поднимет раскрытый веер, чтобы прикрыть лицо, и пройдет дальше. Предполагается, что, желая пройти без предупреждения, он не видит человека, о котором идет речь, и было бы серьезным нарушением приличий со стороны последнего проигнорировать переданный таким образом намек.

Япония, которая, можно сказать, позаимствовала цивилизацию Китая, ее литературу, ее моральный кодекс, ее искусства, ее науки, ее манеры и обычаи, ее церемониал и даже ее национальную одежду, изобрела складной веер, который в начале пятнадцатого века составлял часть дани, отправляемой из Кореи в Пекин, и даже позже рассматривался китайцами как настоящая диковинка. В ранние века веера делали из перьев, как и в наши дни; но более современный веер местного производства представляет собой легкую рамку из бамбука, дерева или слоновой кости, круглую или другую, поверх которой натянут шелк, что является удобным средством для надписи стихов или для рисования, которыми обмениваются друзья.

Та же невинная форма обмана, которая никого не обманывает, осуществляется, когда два чиновника, сидящих в паланкинах, должны пройти друг мимо друга. Если они примерно одинакового ранга, этикет требует, чтобы они поднялись со своих стульев и обменялись взаимными приветствиями. Чтобы избежать крайних неудобств, связанных с этим правилом, во всех подобных процессиях несут большие деревянные веера, которые поспешно засовывают между проходящими официальными лицами, так что ни один из них не подозревает о присутствии другого на сцене. Иное дело, когда один из двух имеет более высокий ранг. Чиновник низшего ранга обязан остановиться и встать со своего стула, когда мимо проходит его начальник, хотя даже сейчас у него есть шанс спастись; он слышит, как бьют в гонг, освобождая дорогу великому человеку, чей ранг он может определить по количеству последовательных ударов; и поспешно сворачивает на боковую улицу.

Историческим примером замены реальности тенью является история великого полководца Цао Цао, жившего в третьем веке нашей эры, который за какое-то нарушение закона приговорил себя к смертной казни, но удовлетворил свое чувство справедливости, отрезав волосы. Император шестого века, который был набожным буддистом и поэтому не мог допустить никакого уничтожения жизни, приказал сделать всех жертвенных животных из теста.

Вопрос об опиуме, который потребует нескольких слов позже, был исчерпывающе проработан; и ввиду противоречивых заявлений за и против привычки курить опиум, признается, что какой-либо вывод, удовлетворяющий обе стороны, является весьма отдаленной возможностью. Сами китайцы, которых в основном интересует этот спор, недавно пришли к совершенно определенному выводу, который заключается в том, что с опиумом нужно покончить; и кажется, что, несмотря на почти непреодолимые препятствия, искренность и патриотизм, которые прививаются движению, несомненно, рано или поздно достигнут желаемой цели. Возможно, стоит отметить, что в Указ 1906 года, предписывавший отменить курение опиума, старая вдовствующая императрица, которой самой было за шестьдесят и которая умеренно курила, включила пункт, освобождающий от действия нового закона всех лиц, которым уже исполнилось шестьдесят лет.

ГЛАВА IX— МОНГОЛЫ, 1260-1368

Отсутствие патриотизма часто ставится иностранцами в упрек китайцам. Обвинение не может быть обосновано, так же как оно могло бы быть направлено против какой-либо нации в Европе. Если готовность пожертвовать всем, включая саму жизнь, можно рассматривать как справедливый критерий подлинного патриотизма, то, если не игнорировать исторические записи, окажется, что Китай предоставил бесчисленные блестящие примеры истинных патриотов, которые предпочли умереть, чем подвергнуться бесчестью для себя или своей страны. Должно быть достаточно одного экземпляра.

Речь идет о конце XIII века, когда монголы под предводительством Хубилай-хана неуклонно лишали собственности некогда славный и могущественный Дом Сун и отдавали Китайскую империю под чужеземное правление. Катастрофа следовала за катастрофой, пока почти последняя армия Сунов не была разбита вдребезги, а знаменитый государственный деятель и командующий Вэнь (произносится *Один*) Тяньсянь не попал в руки монголов. Ему было приказано, но он отказался написать письмо и сообщить о капитуляции, и впоследствии были предприняты все усилия, чтобы заставить его признаться в верности завоевателям. Его продержали в тюрьме три года. "Моя темница, - писал он, - освещена одним лишь блуждающим огоньком; ни одно дуновение весны не оживляет мрачного одиночества, в котором я обитаю. Находясь под воздействием тумана и росы, я много раз думал о смерти; и все же на протяжении двух сменяющих друг друга лет болезнь напрасно витала вокруг меня. Сырая, нездоровая почва стала для меня самим Раем. Ибо во мне было то, чего несчастье не могло украсть; и поэтому я оставался стойким, глядя на белые облака, плывущие над моей головой, и неся в своем сердце печаль, безграничную, как небо".

Наконец он был вызван к Хубилай-хану, который спросил его: "Чего ты хочешь?" "Милостью императора Сун, - ответил он, - я стал министром Его Величества. Я не могу служить двум господам. Я прошу только смерти". Соответственно, он был казнен, встретив свою смерть хладнокровно и поклонившись в направлении старой столицы. Его последними словами были: "Моя работа закончена". Сравните это с тихим смертным одром другого государственного деятеля, который процветал в предыдущем столетии. Он посоветовал уступить татарам огромную территорию и добился казни солдата-патриота, который хотел вернуть ее любой ценой. Он был осыпан почестями, и в ту самую ночь, когда он умер, его возвели в ранг принца. Он даже был канонизирован, по обычаю, как проявление лояльности, из-за ошибочной оценки его карьеры; но пятьдесят лет спустя его титул был изменен на Ложный и Грязный, и его почести были аннулированы, в то время как люди в целом взяли его униженное имя для использования в качестве альтернативы плеватьнице.

Два имени недавних патриотов заслуживают упоминания здесь как дань уважения их искренней преданности реальным интересам своей страны и, между прочим, далеко идущим последствиям их героического поступка, который, вероятно, спас жизни многих иностранцев в различных частях Китая. Именно во время боксерских волнений в Пекине, в начале осады дипломатических миссий, Юань Чан и Сюй Цзинчэн, два высокопоставленных китайских чиновника, отважились увековечить память вдовствующей императрицы о пагубной политике и даже преступности всего происходящего, умоляя ее Величество на заседании Большого совета пересмотреть свое намерение отдать приказ об истреблении всех иностранцев. Несмотря на их протесты, на этот счет был издан указ, который был направлен высшим властям различных провинций; но он не достиг того, что было задумано, поскольку эти два героя, взяв свои жизни в свои руки, изменили слова "убивать всех иностранцев" на "защищать всех иностранцев". Примерно пять-шесть недель спустя, когда осада подходила к концу, изменение было обнаружено; и на следующий день эти двое мужчин были поспешно обезглавлены, встретив смерть с такой твердостью и мужеством, какие мог внушить только истинный патриотизм.

Монголам было нелегко изгнать Дом Сун, у которого было много горячих приверженцев своего дела. Именно в 1206 году Чингисхан начал готовиться к планируемому вторжению в Китай, и к 1214 году он был хозяином всей территории противника к северу от Желтой реки, за исключением Пекина. Затем он заключил мир с Золотым татарским императором северного

Китая, но вскоре у него возникли подозрения, и враждебные действия возобновились. В 1227 году он умер, проводя кампанию в Центральной Азии; и более полувека спустя его энергичному внуку, Хубилай-хану, оставалось завершить завоевание Китая. Уже в 1260 году Хубилай смог провозгласить себя императором в Занаду, что означает столица Империи, и располагался примерно в ста восьмидесяти милях к северу от современного Пекина, где, в те дни известный как Хан-балиг (Камбалук Марко Поло), он обосновался четыре года спустя; но еще предстояло пройти двадцати годам ожесточенных боев, прежде чем империя была окончательно покорена. Сунские войска постепенно оттеснялись на юг, отстаивая каждую пядь земли с упорным сопротивлением, порожденным патриотическими устремлениями. В 1278 году кантон был взят, и героический Вэнь Тянь-сян попал в плен из-за предательства подчиненного. В 1279 году последний оплот Сунов был осажден с суши и моря. Запертые на своих кораблях, которые они сформировали в компактную массу и укрепили башнями и брустверами, патриоты, лишённые пресной воды, измученные атаками днем и брандерами ночью, вели неравную борьбу в течение месяца. Но когда после тяжелого дня боев сунский командир обнаружил, что у него осталось всего шестнадцать кораблей, он бежал вверх по ручью. Его путь к отступлению был отрезан; и тогда, наконец, отчаявшись в своей стране, он приказал жене и детям броситься за борт. Он сам, взвалив молодого императора на спину, последовал их примеру и таким образом положил конец великой династии Сун.

О величии правления Хубилай-хана можно почерпнуть из книг Марко Поло, где также упоминается Баян, искусный полководец, которому монголы были обязаны столь значительной частью военных успехов. Корея, Бирма и Аннам попали в зависимость от Китая и продолжали платить дань как таковую даже до вполне современных времен. Вряд ли столь успешной была огромная морская экспедиция Хубилай—хана против Японии, которая с точки зрения количества кораблей и людей, островного характера страны противника, предполагаемого наказания и полной гибели флота во время шторма, чему способствовало упорное сопротивление самих японцев, наводит на вполне очевидное сравнение с целью и судьбой испанской армады.

Среди более мирных событий монгольского правления в эту эпоху можно упомянуть введение письменности для монгольского языка. Это была работа тибетского священника по имени Башпа, основанная на письменности народа, известного как уигуры (родственного туркам), которая, в свою очередь, была основана на сирийском языке и написана вертикальными линиями, соединенными лигатурами. Точно так же до 1599 года не существовало письменности на маньчжурском языке; затем была разработана письменность, основанная на монгольском, также в виде вертикальных линий или столбцов, как на китайском, но читаемая слева направо.

При Хубилай-хане был пересмотрен календарь и открыта Императорская академия; река Хуанхэ была исследована до самого ее истока, а банковские билеты вошли в обиход. Сам император был ревностным буддистом, но он позаботился о том, чтобы Конфуцию воздавались надлежащие почести; с другой стороны, он издал приказ уничтожить всю низменную даосскую литературу. За всем этим стояло грабительское налогообложение, форма угнетения, которую китайцы так и не научились терпеть, а недовольство привело к беспорядкам. Внук Хубилая какое-то время был честным правителем и пытался остановить волну, но к 1368 году полномочия монголов были исчерпаны. Они были инопланетной расой, и китайцы были рады избавиться от них.

Китайских солдат часто клеймят как отъявленных трусов, которые убегают при малейшей провокации, заботясь в первую очередь о собственной шкуре. Несомненно, китайские солдаты убегают — иногда; в других случаях они сражаются насмерть, что было убедительно доказано снова и снова. Это старая история о том, что нужно отмечать попадания, а не промахи. Многое зависит от достаточности и регулярности оплаты труда. Нельзя ожидать, что солдаты с просроченным жалованьем, полуодетые, голодные и плохо вооруженные, как это часто бывало в китайских кампаниях, много сделают для флага. При обратном выполнении этих условий дела у врага, кем бы он ни был, скорее всего, пойдут плохо.

Под маской абсолютной невозмутимости на лице китайцы скрывают один из самых возбудимых темпераментов, которые можно найти в любой расе, в чем вскоре можно будет убедиться, наблюдая за обычной уличной ссорой между парой мужчин или, что еще лучше, женщин. Китайская толпа мужчин — женщины держатся подальше — добродушная и упорядоченная толпа, отчасти потому, что не распаляется выпивкой, когда выходит насладиться Праздником Фонарей или посмотреть, как мерцающие фонари плывут вниз по реке, чтобы осветить блуждающие призраки утопленников в ночь Дня поминовения Усопших, посвященного памяти умерших; но слух, простой шепот, чем безосновательнее, тем сильнее, превратит этих законопослушных людей в сборище дьяволов. Во времена, когда народные настроения накаляются, как, например, когда говорят, что большое количество людей внезапно и таинственным образом были лишены своих очередей, или когда разносится слух, как это случалось неоднократно, что иностранцы похищают детей, чтобы использовать их глаза в медицине, — в такие времена массы, подстрекаемые теми, кто должен знать лучше, полностью выходят из-под контроля.

Любопытный и трагический пример такой возбудимости произошел несколько лет назад. Вице-королю провинции удалось организовать контингент войск, обученных за границей, под руководством двух квалифицированных иностранных инструкторов. По прошествии некоторого времени и когда было сочтено, что войска достаточно обучены, чтобы устроить хорошее представление, было решено провести фиктивное сражение в присутствии самого вице-короля. Люди были разделены на два отряда под командованием двух иностранных командиров, и в ходе операций один отряд должен был защищать деревню, в то время как другой должен был атаковать ее. Когда пришло время брать деревню на острие штыка, обе стороны потеряли головы; в суровой реальности завязалась ожесточенная рукопашная схватка, и прежде чем ее удалось эффективно остановить, четверо человек были убиты на месте и шестнадцать тяжело ранены.

Учитывая, насколько убоги многие китайские дома, тем более удивительно обнаружить такую глубокую привязанность к ним. В языке существует определенное слово, обозначающее *home*, в его самом полном английском значении. Как написанный персонаж, предполагается, что он отражает идею семьи, составными частями которой являются "крыша" с "тремя людьми" под ней. Действительно, существует другое и более причудливое объяснение этого символа, а именно, что он состоит из "крыши" со "свиньей" под ней, формы "трех мужчин" и "свиньи", во всяком случае, достаточно похожи, чтобы оправдать это предположение. Этот анализ был бы не совсем неуместен в Китае не больше, чем в Ирландии; но на самом деле баланс свидетельств говорит в пользу "трех человек", число которых, можно заметить, и составляет технически толпу.

Каким бы ни был литературный взгляд на слово "дом", совершенно очевидно, что для обычного китайца нет места, подобного этому. "В миле от дома не так хорошо, как быть в нем", - гласит пословица с каламбуром, который невозможно воспроизвести в английском языке. Другой говорит: "Каждый день счастлив дома, каждое мгновение несчастно за границей". Поэтому, возможно, было бы полезно заглянуть внутрь китайского дома, хотя бы для того, чтобы понять, в чем заключается его привлекательность.

Все такие дома устроены более или менее по патриархальной системе; иными словами, во главе заведения стоят отец и мать, которые занимают равное положение, что касается младших по званию; мать получает точно такую же долю почтения при жизни и поклонения предкам после смерти, как и отец. Дети растут; мальчикам ищут жен, а девочкам - мужей примерно в возрасте восемнадцати и шестнадцати лет соответственно. Первые приводят своих жен в родительский дом; вторые со дня вступления в брак принадлежат родительским домам своих мужей. Холостякам и старым девам нет места в китайском образе жизни. Теоретически, жених и невеста не должны видеть друг друга до дня свадьбы, когда девушка приподнимает вуаль по прибытии в дом своего свекра; на практике молодым людям обычно удается хотя бы мельком увидеть друг друга, обычно с попустительства старших. Таким образом, семья расширяется, и одно из величайших счастья, которое может выпасть на долю китайца, - это иметь "пять поколений в доме". Из-за ранних браков это далеко не такая редкость, как в западных странах. Существует подлинное свидетельство об одном старом государственном деятеле, у которого было так много потомков, что, когда они пришли поздравить его с днем рождения, он был совершенно не в состоянии запомнить все их имена и мог только кланяться, когда они проходили перед ним в очереди.

Что касается доходов и расходов, то доходы различных членов организации поступают в общий кошелек, из которого оплачиваются расходы. Каждый человек имеет право на пищу и кров; и поэтому, если кто-то остается без работы, индивидуально это не ощущается; они получают свой паек как обычно. После смерти отца нет ничего необычного в том, что мать берет бразды правления в свои руки, хотя более обычно его место занимает старший сын. Иногда после смерти матери — и тогда это считается плохим днем для семейного благополучия — братья не могут договориться; имущество делится, и каждый сын назначает сам, что запрещено Уголовным кодексом при жизни родителей. Тем временем любой член семьи, который каким-либо образом опозорит себя, например, став заядлым игроком и постоянно пренебрегая своей работой, или развив в себе опиумный порок до крайности, будет официально изгнан, а его имя будет вычеркнуто из реестра предков. Люди такого склада обычно опускаются все ниже и ниже, пока не пополняют ряды профессиональных нищих, чтобы, возможно, умереть в канаве; но, к счастью, такие случаи встречаются редко.

В обычной мирной семье, управляемой в соответствии с конфуцианскими принципами сыновнего почтения, братской любви и верности государю, любовь к дому возвышается до страсти; и горьким бывает день прощания за долгое отсутствие, например, когда преуспевающий сын начинает получать официальное назначение на отдаленный пост. Последнему, не имеющему возможности занимать должность в своей родной провинции, может потребоваться долгое и иногда опасное путешествие, возможно, на другой конец империи. В любом случае, должны пройти годы, прежде чем он сможет вновь посетить "шелковицу и вяз" — сад, который он оставляет позади. Он может взять с собой свою "старуху" и семью, или они могут последовать за ним позже; в качестве другой альтернативы, "старуха" с

детьми может постоянно оставаться в доме предков, в то время как муж продолжает свою официальную карьеру в одиночку. При таких обстоятельствах, как упомянутые выше, никто, включая его собственную жену, не будет шокирован, если он утешится с "маленькой старушкой", которую он подбирает на своем новом месте жительства. "Маленькая старушка" действительно часто появляется в семьях, где "главная старушка" не может дать первое из "трех благ, которых каждый желает иметь в изобилии", а именно сыновей, денег и жизни. Нередки случаи, когда жена сама навязывает этот курс своему мужу; и если бы не эта система, семейная линия часто обрывалась бы, если бы не обращение к другой системе, а именно к усыновлению, которое также вступает в игру, когда теряется всякая надежда на прямого потомка.

Независимо от того, есть у нее дети или нет, главная жена — фактически единственная жена — никогда не теряет своего превосходства как глава семьи. Покойная вдовствующая императрица изначально была наложницей; в силу материнства она была возведена в ранг Западной императрицы, но никогда по закону не имела приоритета над женой, на превосходство которой указывал ее титул Восточной императрицы, поскольку восток был более почетным, чем запад. Император всегда сидит лицом к югу.

История Сун Хуна, государственного деятеля, процветавшего примерно во времена христианской эры, приятно иллюстрирует рыцарскую сторону китайского характера. Этот человек поднялся со скромного жизненного положения до должности государственного министра, а впоследствии был облагорожен титулом маркиза. Затем император пожелал, чтобы он расстался со своей женой, которая была женщиной из народа, и женился на принцессе, на что он благородно ответил: "Сир, компаньонка, с которой я готовил овсянку, никогда не покинет мой зал".

Многие поэты и другие люди рисовали мрачные картины страданий изгнания из дома предков. Один человек, отправленный из какого-нибудь мягкого южного климата на должность на более холодном севере, будет жаловаться, что весна с ее цветами пришла слишком поздно; другой "не выносит воды и земли", что означает, что климат ему не подходит; третий доволен своим окружением, но по-прежнему постоянно страдает от тоски по дому. Таким был поэт, написавший следующие строки:

Далеко на востоке раскинулись прекрасные леса,
От цветов на западе доносится напоенный ароматом ветерок,
Но мой взгляд ежедневно обращается к моему далекому дому,
За широкой рекой, ее волнами и пеной.

И так же обстоит дело с бесчисленными песнями в изгнании, написанными по большей части чиновниками, размещенными в отдаленных частях империи; иногда изгнанниками в более жестком смысле, а именно теми людьми, которые были сосланы на границу за недовольство, плохое управление правительством и тому подобные правонарушения. Яркой жемчужиной китайской литературы, посвященной любви к дому, стало произведение молодого поэта, который получил назначение на должность мирового судьи, но отказался от нее после всего лишь восьмидесяти трех дней пребывания в должности, заявив, что не может "согнуть спину за пять порций риса в день", что является стандартной зарплатой его должности. Оно было написано, чтобы отпраздновать его собственное возвращение, и звучит следующим образом:—

"Я направляю свои шаги к дому. Мои поля, мои сады заросли сорняками: не должен ли я идти? Моя душа вела жизнь раба: почему я должен продолжать тосковать? Но я не стану тратить время на печаль о прошлом: я посвящу свои силы будущему. Я не сильно сбился с пути. Я чувствую, что снова нахожусь на правильном пути.

"Легко, легко мчит моя лодка вперед, моя одежда развевается на легком ветерке. По пути я уточняю маршрут. Я завидую медлительности наступающего дня. Издалека я замечаю старый дом и радостно спешу дальше. Слуги выбегают мне навстречу: мои дети толпятся у ворот. Место дикое, но там есть старая сосна и мои хризантемы. Я беру малышей за руки и захожу внутрь. Вино приносят полными бутылками, а я наливаю в наполненные до краев кубки. Я смотрю на свои любимые ветки. Я приваливаюсь к окну в своей вновь обретенной свободе. Я смотрю на милых детей, сидящих у меня на коленях.

А теперь я наслаждаюсь своим садом. Там есть калитка, но ее редко открывают. Я опираюсь на свой посох, когда брожу по саду или сажусь отдохнуть. Я поднимаю голову и созерцаю прекрасный пейзаж. Облака неохотно поднимаются от подножия холмов: усталая птица снова ищет свое гнездо. Тени исчезают, но я все еще задерживаюсь возле своей одинокой сосны. Снова дома! У меня не будет друзей, которые могли бы отвлечь меня отсюда. Для меня настали трудные времена; и чего мне искать от мужчин? В чистом наслаждении семейного круга я буду проводить свои дни, скрашивая часы праздности игрой на лютне и книгой. Мои земледельцы скажут мне, когда наступит весна и когда начнутся работы на вспаханных полях. Туда я доберусь на телеге или на лодке, через глубокое ущелье, через головокружительный утес, где деревья весело распускают листья, а ручеек вытекает из своего крошечного истока. Отрадно это обновление жизни в должное время: но что касается меня, я радуюсь, что мое путешествие закончилось. Ах, как недолго мы здесь пробыли! Почему же тогда не успокоить наши сердца, не перестать беспокоиться о том, останемся мы или уйдем? Что заставляет душу изнывать от тревожных мыслей? Я не хочу богатства, я не хочу власти: небеса превыше моих надежд. Тогда позволь мне прогуляться в погожие часы, когда они проходят, в моем саду среди моих цветов; или я взойду на холм и спою свою песню, или сплету свои стихи у прозрачного ручья. Так я отработаю отведенный мне срок, довольный назначениями Судьбы, мой дух свободен от забот".

Помимо большого количества прекрасных стихов, этот автор произнес свою собственную надгробную речь, самую раннюю из дошедших до нас, написанную незадолго до его смерти в 427 году нашей эры. Надгробные речи не только произносятся кем-то из друзей на могиле, но и затем торжественно сжигаются в огне в надежде, что таким образом они достигнут мира духов и станут радостью и честью для умершего, в том же смысле, в каком сжигаются бумажные домики, лошади, портшезы и подобные предметы для использования умершими.

ГЛАВА X—ДИНАСТИИ МИН И ЦЗИН, 1368-1911

Первая половина четырнадцатого века, ставшая свидетелем постепенного упадка монгольского влияния и мощи, была также отмечена рождением скромного человека, которому суждено было совершить новый виток в истории империи. В возрасте семнадцати лет Чу Юань-чан потерял обоих родителей и старшего брата. Это был голодный год, и они умерли от недостатка пищи. У него не было денег на покупку гробов, и он был вынужден закопать их в солому. Затем он, в качестве последнего средства, решил стать буддийским священником и, соответственно, записался послушником; но вместе с другими послушниками вскоре был уволен, поскольку священники не могли обеспечить даже свои собственные нужды. После этого он долго скитался и в конце концов присоединился к отряду повстанцев, которым командовал один из его родных дядей. Быстро поднявшись до высшего военного звания, он постепенно оказался во главе огромной армии и к 1368 году стал хозяином стольких провинций, что провозгласил себя первым императором Великой династии Мин под титулом Хунг (Хун). Ву и основал свою столицу в Нанкине. В дополнение к своему военному гению, он проявил почти такое же мастерство в управлении империей, а также стал либеральным покровителем литературы и образования. Он организовал нынешнюю систему экзаменов, которая сейчас находится в переходном состоянии; восстановил исконно китайский стиль одежды, который носили при династии Тан, и который до сих пор является костюмом, который можно увидеть на сцене; опубликовал Уголовный кодекс со смягченной строгостью; составил своего рода Книгу Страшного суда, в соответствии с которой регулировалось налогообложение; и установил чеканку монет на надлежащей основе, при этом государственные банкноты и медные *наличные* деньги были одинаково актуальны. Евнухам было запрещено занимать официальные посты, а буддизм и даосизм были объявлены государственными религиями.

Этот поистине великий монарх умер в 1398 году, и ему наследовал внук, очень скошенный лоб которого был источником большого раздражения для его деда, хотя мальчик вырос умным и мог сочинять хорошие стихи. Первым актом этого нового императора было лишение своих дядей различных важных постов, которые они занимали; но этого не допустил один из них, который уже выделился своими талантами, и он быстро отказался от своей верности. В последовавшей войне победа сопутствовала его оружию на протяжении всего пути, и в конце концов он с триумфом вступил в Нанкин, столицу страны. А теперь начинается один из тех романтических эпизодов, которые время от времени придают необычайный интерес сухим костям китайской истории. В неразберихе, последовавшей за вступлением войск в его дворец, молодой и побежденный император исчез, и больше его никогда не видели; хотя в последующие годы претенденты появлялись не раз и получали поддержку многих в своих попытках вернуть трон. Предполагается, что беглец добрался до далекой провинции Юньнань в одежде буддийского священника, оставленной ему, как гласит история, его дедом. Говорят, что после почти сорока лет странствий он отправился в Пекин и жил там в уединении во дворце до самой своей смерти. Евнух узнал его по родинке на левой ноге, но евнух побоялся раскрыть свою личность.

Победоносный дядя вззошел на трон в 1403 году под ныне известным титулом Юнг Ло (*Юнг Лоу*) и вскоре показал, что может управлять так же хорошо, как и сражаться. Он привез иммигрантов из густонаселенных провинций, чтобы вновь заселить районы, опустошенные войной. Был построен Пекин, и в 1421 году туда была перенесена резиденция правительства, где она и остается с тех пор. Был разработан новый Уголовный кодекс. Против татар были отправлены различные военные экспедиции, а миссии под руководством евнухов были направлены на Яву,

Суматру, Сиам и даже достигли Цейлона и Красного моря. Времена сомнений в отношении общей точности китайских летописей прошли; будь это иначе, недавнее открытие (1911 г.) на Цейлоне развеяло бы подозрения по одному пункту. В Галле только что была обнаружена табличка с надписью на арабском, китайском и тамильском языках. Арабский язык не поддается расшифровке, но от китайского осталось достаточно, чтобы показать, что табличка была установлена в 1409 году в память о визите евнуха Ченг Хо, который несколько раз проходил этим маршрутом взад и вперед. В 1411 году тот же евнух был отправлен посланником в Японию и чудом избежал смерти.

Император был горячим покровителем литературы, и ему удалось осуществить самую гигантскую литературную задачу, которую когда-либо видел мир. Он нанял огромный штат ученых для составления энциклопедии, которая должна была содержать в рамках одной работы все, что когда-либо было написано по четырем разделам (1) конфуцианского канона, (2) истории, (3) философии и (4) общей литературы, включая астрономию, географию, космогонию, медицину, гадание, буддизм, даосизм, ремесла и искусства. Завершенная работа, над которой небольшая армия ученых — всего более двух тысяч человек — потратила пять лет, включала не менее 22 877 разделов, к которым следует добавить указатель, занимающий 60 разделов. Все это было переплетено (в китайском стиле) в 11 000 томов, в среднем более половины дюйма в толщину и размером один фут восемь дюймов в длину и один фут в ширину. Таким образом, если бы все это было уложено плашмя одно на другое, образованная таким образом колонна возвышалась бы значительно выше самой вершины собора Святого Павла. Кроме того, каждый раздел содержит около двадцати листов, что составляет в общей сложности 917 480 страниц для всей работы, общим объемом 366 000 000 слов. Принимая 100 китайских слов за эквивалент 130 английских, из-за большей сгущенности китайского литературного стиля, будет обнаружено, что даже могучая река из *Британской энциклопедии* "сжимается до ручейка" по сравнению с этим подавляющим образцом китайской промышленности.

Она так и не была напечатана; даже китайский император, к тому же восторженный покровитель литературы, ужаснулся огромной стоимости разбиения такого произведения на блоки. Однако она была переписана для печати, и, по-видимому, в свое время существовало три копии. Двое из них погибли в Нанкине с падением династии в 1644 году, а третий был в значительной степени разрушен в Пекине во время осады дипломатических миссий в 1900 году. Сохранились отдельные тома, которые являются достаточным свидетельством экстраординарного характера этого достижения.

Этот император был ревностным буддистом, и священники этой религии занимали высокие посты и оказывали значительное влияние при дворе. Во времена голода раздавались громкие жалобы на то, что около десяти тысяч священников безбедно жили в Пекине, в то время как жители нескольких провинций были вынуждены питаться корой и травой.

Фарфор династии Мин известен во всем мире. В начале шестнадцатого века искусству был придан большой импульс благодаря экстравагантному покровительству двора, которое не проходило без открыто выраженного протеста. Практика изобразительного искусства была очень широко распространена, и список художников эпохи Мин бесконечен, он содержит более тысячи двухсот имен, некоторые из которых имеют высокий уровень успеха.

Ближе к концу шестнадцатого века на сцене появились португальцы и обосновались в Макао, владение которым с тех пор было яблоком раздора между Китаем и Португалией. Это

восхитительное место с прекрасным климатом, расположенное не очень далеко от Кантона и некоторое время являвшееся резиденцией известного поэта Камозэнса. Недалеко от Макао находится остров Санчиан, где скончался святой Франсуа Ксаверий. Он был первым римско-католическим миссионером более позднего времени в Китае, но его нога никогда не ступала на материк. Местные карты отмечают существование "Могила Святого" на острове, хотя на самом деле он был похоронен в Гоа. Ранее, еще в XIII веке, в Пекине был римско-католический епископ, и с этого момента представляется вероятным, что новообращенные католики постоянно проживали в империи.

В 1583 году Маттео Риччи, самый известный из всех миссионеров, когда-либо достигавших Китая, появился на сцене в Кантоне, и, наконец, в 1601 году, после многих лет напряженных усилий, ему удалось обосноваться в Пекине при горячей поддержке самого императора, где он и умер в 1610 году. Помимо реформы календаря и преподавания географии и естественных наук в целом, он предпринял яростную атаку на буддизм, в то же время мудро оставив конфуцианство в покое. Он был первым, кто узнал о присутствии в Китае еврейской колонии, основанной в 1163 году. Именно из его трудов на Западе начали распространяться более истинные представления о китайской цивилизации, чем преобладавшие до сих пор. "Мат. Риччиус Иезуит, - говорит Бертон в своей *"Анатомии меланхолии"* (1651), - и некоторые другие рассказывают о трудолюбии самых густонаселенных стран Китая, а не о нищем или праздном человеке, которого можно увидеть, и о том, как благодаря этому они процветают".

В 1625 году была сделана важная находка. В центральном Китае была обнаружена большая табличка с длинной надписью на китайском и более короткой на сирийском. Надпись в отличном состоянии сохранности указывала на то, что табличка была установлена в 781 году н.э. несторианскими миссионерами, и давала общее представление о цели и масштабах христианской религии. Подлинность этой таблички много лет была предметом споров — Вольтер, Ренан и другие менее известные люди считали ее благочестивой подделкой, — но теперь она установлена вне всяких сомнений; ее ценность действительно настолько велика, что совсем недавно была предпринята попытка вывезти ее в Америку. Несторианское христианство упоминается Марко Поло, но полностью исчезает после XIII века, не оставив в китайской литературе никаких следов своего некогда процветающего состояния.

Последний император династии Мин желал как лучше, но поддался стечению обстоятельств. Евнухи и чрезмерное налогообложение привели к стереотипному результату — восстанию; к тому же восстание возглавил способный полководец, чьи последовательные победы вскоре позволили ему принять императорский титул. В столице царил неразбериха. Казна была пуста; гарнизон был слишком мал, чтобы охранять стены; и министры стремились обеспечить каждый свою безопасность. 9 апреля 1644 года Пекин пал. Предыдущей ночью император, отказавшись бежать, убил старшую принцессу, приказал императрице покончить с собой и отправил в подполье троих своих сыновей. На рассвете ударили в колокол, призывая суд собираться, но никто не пришел. Затем Его Величество взобрался на Угольный Холм на территории дворца и написал последний указ на лацкане своей мантии: "Мы, бедные добродетелью и презренные личности, навлекли на себя гнев Всевышнего. Мои министры обманули меня. Мне стыдно встречаться со своими предками; и поэтому я сам снимаю свою корону и с волосами, закрывающими мое лицо, ожидаю расчленения от рук мятежников. Не причиняя вреда ни одному из моих людей". Затем он повесился, как и один верный евнух; и его тело вместе с телом императрицы было благоговейно укрыто мятежниками.

Так закончилась славная память династии Мин, но не в пользу командира повстанцев, который был изгнан из Пекина маньчжурами и в конечном итоге убит местным ополчением в далекой провинции.

Порабощение империи победителями, имевшими тот недостаток, что они были чуждой расой, было осуществлено со сравнительной легкостью и быстротой. Это было осуществлено в результате военной оккупации страны, которая сохранила первоначальную необходимость и является частью системы управления в наши дни. Гарнизоны татарских войск были размещены в различных важных населенных пунктах, каждый под командованием офицера высшего военного ранга, обязанностью которого было сотрудничать с высокими властями, занятыми в гражданской администрации, и в то же время наблюдать за ними и сдерживать их. Эти татарские гарнизоны все еще занимают те же позиции; и потомки первых батальонов, со случайными подкреплениями из Пекина, живут бок о бок и в совершенной гармонии с чисто китайским населением, хотя две расы не вступают в браки, за исключением очень редких случаев. Этих знаменосцев, как их называют в связи с восемью знаменами или корпусами, под которыми они выстроены, можно узнать по их квадратным тяжелым лицам, которые сильно контрастируют с более резкими и проницательными физиономиями китайцев. Они говорят на пекинском диалекте, который теперь считается официальным, или "мандаринским" языком, точно так же, как был диалект Нанкина, пока этот город оставался столицей империи.

Во многих отношениях татары-завоеватели сами были завоеваны народом, над которым они поставили себя править. Они переняли письменный и разговорный язык Китая; и они в полной мере, как чистокровные китайцы, гордятся обширной литературой и славными традициями тех прошлых династий, сонаследниками которых они себя сделали. Маньчжурский, язык завоевателей, все еще жив в Пекине. Фикцией считается, что это язык суверена; но императоры Китая теперь, в молодости, должны изучать маньчжурский, то же самое делают официальные переводчики и другие лица, в чьи обязанности входит перевод с китайского на маньчжурский все документы, представляемые тому, что называется "священным взором" Его Величества. В аналогичном смысле, до недавнего времени от каждого Знаменосца требовалось мастерство в стрельбе из лука; и это, несомненно, было большим ударом, когда некогда смертельно эффективное оружие было предано незаслуженному забвению. Но хотя знаменосцы больше не могут стрелять из лука, они по-прежнему продолжают получать ежемесячное пособие из государственных фондов в качестве наследственного права, полученного в результате завоевания.

Из девяти императоров Маньчжурской, или Великой династии Цин, которые уже заняли трон дракона и стали "гостями свыше", двое заслуживают особого упоминания как достойные быть причисленными к мудрейшим и лучшим правителям, которых когда-либо знал мир. Император Кан Си (*Кхан Ши*) начал свое правление в 1662 году и продлил его на шестьдесят один год - разделение во времени, которое было в моде на протяжении многих столетий. Он относился к отцам-иезуитам с добротой и отличием и во многом пользовался их научными знаниями. Он был необычайно щедрым и успешным покровителем литературы. Его имя неразрывно связано со стандартным словарем китайского языка, который был составлен под его непосредственным руководством. Он содержит более сорока тысяч слов, что не так уж много по сравнению с европейскими языками, которые изобрели бесчисленное количество научных терминов, но даже в этом случае их гораздо больше, чем необходимо либо для повседневной жизни, либо для литературных целей. Эти слова сопровождаются в каждом случае соответствующими

цитатами из произведений всех эпох и всех стилей, расположенными в хронологическом порядке, таким образом, в некоторой степени предвосхищая "исторические принципы" в еще более замечательном словаре английского языка сэра Джеймса Мюррея и других, который сейчас выходит в свет. Но величайшим из всех литературных достижений, запланированных этим императором, была общая энциклопедия, на самом деле не такого колоссального масштаба, как та, что была выпущена при династии Мин и уже описана, хотя все еще имеет респектабельные размеры и выходит небольшим тиражом в 1628 томов объемом около 200 страниц в каждом. Термин "энциклопедия" не следует понимать точно в том же смысле, что и в западных странах. Китайская энциклопедия занимается данной темой не путем предоставления актуальной статьи, написанной каким-либо живым авторитетом, а путем показа выдержек из авторов всех эпох, расположенных в хронологическом порядке, в которых обсуждается рассматриваемый предмет. Диапазон тем, однако, таков, что вышесказанное применимо не всегда — как, например, в биографическом разделе, который состоит просто из жизнеописаний выдающихся людей, взятых из различных источников. В рассматриваемой нами большой энциклопедии, в дополнение к огромному количеству жизней мужчин, охватывающих период в три тысячи лет, есть также жизни более двадцати четырех тысяч выдающихся женщин, или почти столько же, сколько всех жизней в нашем собственном *Национальном биографическом словаре*. Оригинальный экземпляр этого замечательного произведения, который, кстати, полностью иллюстрирован, можно увидеть в Британском музее; небольшое издание, более подходящее для практических целей и отпечатанное подвижным шрифтом, было выпущено около двадцати лет назад.

Пропуская императора, при правлении которого началось жестокое преследование римско-католиков, продолжающееся более или менее открыто вплоть до наших дней, мы переходим ко второму из двух упомянутых выше монархов, чье долгое и благодетельное правление относится к числу подлинных достижений нынешней династии.

Император Цзянь Лун (*Лун*) взошел на трон в 1735 году, когда ему было двадцать пять лет; и хотя прошло менее двухсот лет, с его персоной связаны легенды. Согласно некоторым рассказам туземцев, его руки, как говорят, доходили ниже колен, уши касались плеч, а глаза могли видеть все вокруг за головой. Следует понимать, что такого рода материалы не берутся из надежных источников. Это не может быть взято из династической истории по той простой причине, что официальная история династии не публикуется до тех пор, пока династии не придет конец. Действительно, ведется точный учет всех действий каждого правящего императора по очереди; добро и зло излагаются одинаково, без страха или благосклонности, ибо ни одному императору никогда не позволено даже мельком взглянуть на документ, по которому потомки будут судить о нем. У Чьен Луна не было причин для беспокойства на этот счет; какие бы заслуги ни выплыли на свет, его никогда нельзя было опозорить. Способный правитель, с ненасытной жадью знаний и неутомимый администратор, он соперничает со славой своего деда как государя и литератора. Его единственной приятной слабостью была любовь к поэзии; к сожалению, к его собственной. Его творчество было огромным, если судить по количеству произведений; они всегда были короткими и пропорционально тривиальными. Никто никогда лучше не иллюстрировал хотя бы половину циничной китайской поговорки: "Мы любим свои собственные композиции, но чужих жен". Он не любил миссионеров и запрещал распространение христианской религии.

После десяти лет внутренней реорганизации его правление превратилось в череду войн, почти все из которых были доведены до успешного завершения. Его генералы повели большую армию в Непол и завоевали гуркхов, достигнув точки, всего в шестидесяти милях от британской территории. Бирма была вынуждена платить дань; в Тибете установилось китайское господство; Кульджа и Кашгария были присоединены к империи; восстания на Формозе и в других местах были подавлены. За пятьдесят лет население почти удвоилось, и в империи в целом царили мир и процветание. В 1750 году португальское посольство прибыло в Пекин, за ним последовали знаменитая миссия лорда Макартни и голландская миссия в 1793 году. Через два года после того, как достопочтенный император завершил шестидесятилетнее правление, полный китайский цикл; после чего он отрекся от престола в пользу своего сына и умер в 1799 году.

ГЛАВА XI—КИТАЙЦЫ И ИНОСТРАНЦЫ

Добродетель, которой китайцы обладают в выдающейся степени, - это довольно редкая добродетель благодарности. Китаец никогда не забывает доброго поступка; и что еще более важно, он никогда не теряет чувства долга перед своим благодетелем. Свидетелем этого поразительного факта бесчисленное количество раз становились европейские писатели, и особенно врачи, которые, естественно, пользовались наилучшими возможностями для оказания услуг, способных произвести глубокое впечатление. Необычно, когда туземец получает пользу от лечения в руках иностранного врача, а затем уходит, не приложив никаких усилий выразить свою благодарность ни абонементом в больницу, ни подарком шелка или чая, ни, возможно, замысловатым плакатом с золотой надписью, в котором мастерство его благодетеля сравнивается с мастерством великих китайских врачей древности. При всем этом пациент по-прежнему будет думать о докторе и даже говорить о нем, не всегда непочтительно, как о чужеземном дьяволе. Однажды китаец явился в британское консульство с каким-то подарком, который он привез из своего дома, расположенного в сотне миль отсюда, по приказу своего умирающего отца, который ранее был вылечен от офтальмии иностранным врачом и который на смертном одре сказал ему "никогда не забывать англичан". Однако этот подарок был адресован по-китайски: "Его Превосходительству Великому Английскому дьяволу, консулу Х."

Китаец может любить вас, но вы все равно дьявол. Вполне естественно, что он так думает. Поколение за поколением Китай был почти полностью изолирован от остального мира. Народ ее огромной империи вырос под влиянием, неизменным при контакте с другими народами. Их идеалы стали стереотипными из-за отсутствия других идеалов, которые можно было бы сравнить с их собственными и, возможно, модифицировать. Достоинство и бесстрашие поведения особенно культивировались правящими классами. Затем на сцену ворвался чужеземный дьявол — существо, настолько враждебное самим себе во всех отношениях,

насколько это возможно себе представить. Мы можем легко увидеть по картинкам, не предназначенным для карикатур, каковы были главные черты иностранца с точки зрения китайца. Рыжие волосы и голубые глаза, почти без исключения; короткая и чрезвычайно облегающая одежда; быстрая походка и подвижность тела, предполагающая неприличные позы сидя или стоя; и с дополнительной особенностью, которую художник не смог изобразить, — непонятным языком, напоминающим щебет птиц. Неудивительно, что маленькие дети приходят в ужас от этих странных существ и с визгом бросаются в свои домики, когда иностранец проходит мимо. Возможно, не так-то просто понять, почему монгольские пони так боятся чужеземцев и им обычно требуется время, чтобы привыкнуть к присутствию варвара; некоторые пони действительно никогда не позволят сесть на себя верхом без завязанных глаз. Кроме того, есть собаки, которые выбегают и лают, очевидно, без всякой причины, на каждого проходящего иностранца. У китайцев есть поговорка, что одна собака лает ни на что, а остальные лают на нее; но это вряд ли объяснит непрекращающуюся атаку, столь знакомую каждому, кто бродил по деревням. Решение этой головоломки было с трудом добыто у любезного китайца, который объяснил, что чего животные, да и его соотечественники тоже, не могли не заметить, так это резкого и очень неприятного запаха всех иностранцев, который, как ни странно, является тем самым обвинением, которое иностранцы единодушно выдвигают против самих китайцев.

Сравните эти характеристики с повсеместными черными волосами и черными глазами мужчин и женщин по всему Китаю, за исключением редких случаев альбиносов; с длинными, ниспадающими, свободными одеждами чиновников и состоятельных людей; с их медленной и величавой походкой и строгой официальной позы, как сидящей, так и стоящей. Китайцам их собственный язык кажется языком богов; они знают, что владеют им несколько тысяч лет, и они вообще ничего не знают о варваре. Откуда он взялся? Откуда он может прийти, кроме как с маленьких островов, окаймляющих Срединное Царство, мир, фактически ограниченный Четырьмя морями? Книги говорят нам, что "Небо круглое, Земля квадратная", и невозможно поверить, что эти книги, на мудрости которых было основано Поднебесное Царство, могут быть ошибочными. Такова была вполне естественная точка зрения для китайца, впервые оказавшегося по-настоящему лицом к лицу с Западом; и такова точка зрения, которой, несмотря на современный прогресс образования, все еще очень широко придерживаются. Народ страны не может за один день забыть долгие уроки прошлого. Он был довольно дружелюбным мандарином, практично относившимся к национальной одежде, и сказал в разговоре: "Я не могу понять, почему вы, иностранцы, носите свою одежду в обтяжку; должно быть, очень трудно подхватить блох".

В противовес добродетели благодарности должен быть поставлен глубоко укоренившийся дух мести, который одушевляет все классы. Хотя это и не входит в их собственный список Семи страстей — радости, гнева, печали, страха, любви, ненависти и желания, — это, пожалуй, самая всепоглощающая страсть, которой подвержен китайский ум. Именно месть побуждает несчастную невестку броситься в колодец, утешаясь мыслью о беде, если не разорении, которое она навлекает на своих преследователей. Месть также приводит человека к самоубийству на пороге дома того, кто причинил ему вред, поскольку он хорошо знает, что значит быть запутанным в сети, которую закон набрасывает на любого, на территории кого таким образом может быть найдено мертвое тело. Однажды произошел абсурдный случай с китаянкой, которая намеренно вошла в пруд, пока вода не достигла ей колен, и оставалась там, попеременно подставляя губы поверхности и громким голосом угрожая утопиться на месте,

поскольку жизнь стала невыносимой из-за присутствия иностранных варваров. В данном случае, если бы самоубийство было совершено, пострадавший призрак мертвой женщины каким-то образом отомстил бы иностранцу.

Зародыш этого духа мести, этого желания установить равные отношения с врагом, когда за жизнь берется жизнь, можно проследить, как ни странно, до практики сыновнего благочестия и братской любви, самого краеугольного камня хорошего правления и национального процветания. В Книге обрядов, которая является частью конфуцианского канона и содержит правила не только для исполнения церемоний, но и для руководства индивидуальным поведением, встречается следующий отрывок: "С убийцей своего отца человек не может жить под одним небом; с убийцей своего брата человеку никогда не нужно возвращаться домой за оружием; с убийцей своего друга человек не может жить в одном государстве". Будучи в настоящее время должным образом признанной среди произведений, составляющих конфуцианский канон, вышеупомянутая Книга обрядов пользуется авторитетом, на который она вряд ли может претендовать на основании древности. Это компиляция, составленная в первом веке до нашей эры и, без сомнения, основанная на более старых существующих документах; но поскольку она никогда не выходила под редакцией ни Конфуция, ни Мэн-цзы, было бы несправедливо делать поспешный вывод, что кто-либо из этих двух мудрецов каким-либо образом ответственен за систему мести или даже согласился бы с ней, единственным результатом которой была бы бесконечная цепь кровопролитий и убийств. Китайцы, безусловно, столь же постоянны в своей ненависти, как и в дружбе. Используя фразу из их родного языка, если они любят мужчину, они любят его до жизни; если они ненавидят человека, они ненавидят его до смерти. Как мы уже отмечали, Древний философ призывал людей воздавать за зло добром; но Конфуций, который сам был всего лишь смертным и знал ограничения земной жизни, заменил идеальную доктрину более практичным предписанием воздавать за зло справедливостью. Следует опасаться, что китайский народ на практике не дотягивает даже до этого более низкого стандарта. "Будь справедлив к своему врагу" - достаточно распространенная максима, но на ее применение можно претендовать лишь в умеренных пределах.

Китайцев часто обвиняют в том, что у них очень слабое представление о времени. Дружелюбный китаец зайдет и останется так настойчиво, что часто злоупотребляет своим гостеприимством. Это причинение боли осознается и ощущается самими китайцами, у которых есть определенные устоявшиеся формы слов, с помощью которых они вежливо отделиваются от надоедливого посетителя; среди их обширного запаса пословиц они также нашли одну, которая очень кстати: "Долгие визиты приносят короткие комплименты". Кроме того, в противовес мнению о том, что время не имеет ценности для китайца, существует множество известных принципов, которые гласят: "Распоряжайся каждым дюймом времени по своему усмотрению!" "Полчаса стоят тысячи унций серебра" и т. Д. "Дюйм времени" относится к солнечным часам, которые были известны китайцам в древности и были единственным средством измерения времени, которое у них было, до изобретения или внедрения — неизвестно, каких именно — более удобных *клепсидр*, или водяных часов, о которых уже упоминалось.

Он состоит из нескольких больших банок с водой, на дне каждой из которых есть трубка, установленных одна над другой на ступеньках так, чтобы трубка верхней банки нависала над верхней частью нижней банки. Вода из верхнего кувшина капает по трубке во второй кувшин и,

таким образом, в сосуд на дне, который содержит либо плавающую фигуру человека, либо какой-либо другой указатель, отмечающий подъем воды на шкале, разделенной на периоды по два часа каждый. День и ночь первоначально были разделены китайцами на двенадцать таких периодов; но сейчас повсеместно используются современные часы, и повсюду преобладает европейское деление на двадцать четыре часа. Раньше также большим спросом пользовались палочки благовоний, которые должны были гореть определенное количество часов, а также свечи с градуировкой, изготовленные с помощью водяных часов; теперь они совершенно исчезли как регистраторы времени.

Китайский год - это лунный год. Когда луна совершает двенадцатикратный оборот вокруг Земли, год завершается. Это примерно на десять дней меньше нашего солнечного года; и чтобы снова все исправить, каждые три года добавляется дополнительный месяц, то есть тринадцатый. Когда иностранцы впервые начали широко нанимать слуг, последние возражали против того, чтобы им выплачивали заработную плату в соответствии с европейской системой, поскольку они жаловались, что таким образом их лишают месячной заработной платы каждый третий год. Ежегодно в Пекине издается тщательно продуманный официальный альманах, который распространяется по всей империи; и в дополнение к той информации, которую, естественно, следовало бы искать в произведении подобного рода, общественность информируется о том, какие дни являются удачными, а какие - неудачными, о правильных и неправильных днях для того, чтобы делать то, то или иное или воздерживаться от этого. Годовщины смерти монархов правящей династии тщательно отмечаются, поскольку в такие дни предполагается, что все правительственные учреждения закрыты. Любой иностранный чиновник, желающий встретиться с китайцем по срочному делу, найдет возможным это сделать, но посетителя можно впустить только через боковую дверь; большие входные ворота нельзя открывать ни при каких обстоятельствах.

Никакое упоминание о китайском народе, каким бы незначительным или общим оно ни было, не достигнет своей цели, если не будет сопровождаться более подробным описанием их этикета, чем можно почерпнуть из нескольких ссылок, разбросанных по предыдущим страницам. Правильное поведение, будь то при дворе, на рыночной площади или в уединении частной жизни, считается настолько важным — и нарушения приличий в этом смысле всегда так строго осуждаются, - что иностранцу, который хотел бы жить в комфорте и мире со своими китайскими соседями, надлежит хотя бы поверхностно ознакомиться с этикетом, который по внешней форме так отличается от его собственного, но по духу так идентично тому же самому. Немного разумного внимания к этим вопросам предотвратит множество ненужных трений, которые часто приводят к скандалу, а иногда и к катастрофе. Китайские философы в своих трудах полностью признали, что церемонии, приветствия, поклоны, подковырки, правила старшинства и дорожного движения не имеют никакой реальной ценности, если рассматривать их отдельно от условий, с которыми они обычно связаны; в то же время они утверждают, что без таких общепринятых ограничений не возникло бы ничего, кроме путаницы. Следовательно, был разработан регулярный кодекс этикета; но поскольку он касается в основном придворных и официальных церемоний, а большая часть остального уже давно незаметно игнорируется, уместнее обратиться к неписаному кодексу, который управляет массами в их повседневной жизни.

Иностранцу, который хотел бы легко смешаться с китайцами, прежде всего необходимо понимать не только то, что уличные правила Европы неприменимы в Китае; но также и то, что он

найдет там набор правил, с которыми молчаливо согласны местные жители, и которые, если рассматривать их непредвзято, можно рассматривать только как основанные на здравом смысле. Обычный пеший пассажир, встретив, например, кули с двумя ведрами воды, подвешенными по одному на каждом конце бамбукового шеста, или с мешком риса весом в один, два или даже три центнера, неизбежно сойдет с пути носильщика, предоставив ему все преимущества, которые может предложить дорога. Этот же кули, встретив носилки, которые несут два или более таких же кули, как он сам, должен немедленно пойти на аналогичную уступку, которую, в свою очередь, повторяют носильщики носилок в пользу любого, кто едет верхом на лошади. На аналогичных основаниях пустой портшез должен уступить дорогу тому, в котором находится пассажир; и хотя не совсем на таких рациональных основаниях, понятно, что лошадь, кресло, кули и пеший пассажир - все они расчищают дорогу для свадебной или другой процессии, а также для свиты мандарина. Слуга тоже должен стоять на обочине дороги, чтобы пропустить своего господина. В качестве исключения из общего правила здравого смысла, которое так заметно во всех китайских учреждениях, если только кто-то потрудится поискать его, кажется понятным, что человек может не только спокойно стоять на китайской улице, где ему заблагорассудится, но может даже поставить свою ношу или тележку, как ему заблагорассудится, иногда прямо на проезжей части, откуда он будет хладнокровно наблюдать за потоками пешеходов, приходящих и уходящих, которым приходится как можно лучше обходить подобные препятствия. Отчасти, возможно, по этой причине друзья, которые вместе отправляются на прогулку, никогда не идут в ряд, а всегда гуськом, выкрикивая свой разговор так, чтобы его слышал весь мир; это тоже происходит даже в сельской местности, где часто, но не всегда, возможно более удобное построение. Лавочники могут занимать проход со столами, выставляющими свои товары, а странствующие владельцы прилавков без колебаний используют "подачу" везде, где торговля кажется оживленной. Знаменитое изречение о том, что для того, чтобы иметь свободу, мы должны иметь порядок, не слишком глубоко вошло в китайские расчеты. Свобода действительно является характерной чертой китайской общественной жизни; некоторые небольшие жертвы во имя порядка, вероятно, скорее усилили бы, чем уменьшили бы огромные привилегии, которыми сейчас пользуются.

Несколько важных моментов в социальном этикете домашней жизни не должны легкомысленно игнорироваться иностранцем, который, с другой стороны, поступил бы мудро, не пытаясь полностью заменить китайские формы и церемонии своими собственными. Таким образом, ни один китаец и, можно добавить, ни один европеец, знающий, как себя вести, не может не подняться со стула при появлении посетителя; и, кроме того, долг хозяина состоит в том, чтобы убедиться, что его посетитель действительно сидит, прежде чем он сядет сам. Крайне невежливо опережать посетителя, например, проходя через дверь; и при расставании принято провожать его до главного входа. Он должен быть посажен слева от хозяина, поскольку это был почетный пост на протяжении нескольких столетий, до этого посетителю отводилось место справа от хозяина, как у нас. В таких интервью было бы некорректно упоминать о женах, о которых следует упоминать не больше, чем о ногах королевы Испании.

Одним из необычных обычаев, связанных с визитами, официальными и иными, незнание которого во многих случаях приводило к неловким моментам, является подача так называемого "чая для гостей". На приеме у хозяина каждый посетитель сразу получает чашку чая. Слуга приносит две чашки, по одной в каждой руке, и так умудряется, чтобы чашка в его левой руке была поставлена перед гостем, который стоит к нему лицом по правую руку, в то время как чашку для его хозяина переносят и ставят в прямо противоположном смысле. Чайные чашки

вручаются таким образом, как бы со скрещенными руками, даже когда хозяин в качестве дополнительного знака вежливости принимает то, что предназначено для его посетителя, и сам ставит это на стол, при этом стараясь использовать обе руки, поскольку считается крайне невежливым предлагать что-либо, используя только одну руку. Теперь перейдем к "гостевому чаю", о котором, как будет видно, стоит хорошенько вспомнить. Вскоре после начала интервью неосторожный иностранец, как это действительно часто бывает, возможно, из-за того, что он хочет пить, или потому, что он может счесть вежливым сделать глоток ароматного напитка, который был так любезно предоставлен для него, поднесет чашку к губам. Почти мгновенно он услышит громкий крик снаружи и осознает, что сцена быстро меняется без всякой видимой причины — впрочем, слишком очевидной для окружающих китайских слуг, которые знают, что у них есть обычай: как только посетитель пробует свой "гостевой чай", это сигнал о том, что он хочет уйти и что беседа окончена. Этот шум - просто крик, призывающий приготовить его носилки, и суeta его кули, чтобы быть на своих местах, когда потребуется. У этого причудливого обычая есть и другая сторона, которая часто приносит неоценимую пользу занятому человеку. Хозяин, который чувствует, что все необходимое было сказано, и желает освободиться от дальнейшего присутствия, может взять свою чашку и предложить гостю выпить. Следуют те же результаты, и гостю не остается ничего другого, как встать и откланяться. В древние времена посетители оставляли свою обувь у входной двери — обычай, который до сих пор практикуется японцами, вся цивилизация которых — это нельзя слишком сильно подчеркнуть - изначально была заимствована из Китая.

Считается вежливым снимать очки во время собеседования или даже при встрече на улице; хотя, поскольку это довольно неразумное правило постоянно игнорируется иностранцами, главным образом, без сомнения, из-за незнания его, сами китайцы не делают попыток соблюдать его в отношении иностранцев. Точно так же любому "читателю книг", каким бы жалким он ни был, совершенно неприлично принимать незнакомца или показываться самому за границей в короткой одежде; но это правило также часто нарушается в присутствии иностранцев, которые сами носят короткую одежду. Честная бедность в Китае не является преступлением и никоим образом не рассматривается как повод для стыда; она даже в большей степени искупается ученостью, чем в западных странах. Человек, получивший ученую степень, выделяется из окружающей его толпы на другой уровень, настолько глубоко уважение, проявляемое к учебе. Если иностранец может внятно говорить по-китайски, его характер варвара начинает заметно меняться; и если к знанию речи он добавляет сносное знакомство со священными иероглифами, образующими письменность, он преобразуется как человек, в котором влияние святых людей древности начинает преобладать над дикостью и невежеством.

Недаром термин "священный" применен выше к написанным словам или иероглифам. Китайцы, признавая экстраординарные результаты, которые были достигнуты, тихо и незримо, благодаря использованию письменных символов, постепенно пришли к тому, что наделили эти символы духовностью, вызывающей чувство, в чем-то сродни поклонению. Лист бумаги, на котором когда-то было написано или напечатано одно-единственное слово, становится чем-то иным, чем бумага с черной меткой на ней. Им нельзя легко разбрасываться, тем более топтать ногами; его следует благоговейно сжечь, чтобы здесь снова использовать как средство передачи в великое Запредельное; и таким образом его духовная сущность вернется к тем, от кого она изначально исходила. На улицах китайского города, а иногда и вдоль оживленной большой дороги, можно увидеть небольшие декоративные сооружения, в которые можно бросать и сжигать отдельные кусочки бумаги, предотвращая таким образом осквернение, столь

болезненное для китайского сознания; и иностранцам часто внушали, что, поскольку они так небрежно относятся к тому, что становится с их письменной и печатной бумагой, материалы, содержащиеся в иностранных документах и книгах, очевидно, не представляют большой ценности. Преступным считается даже использование печатной продукции для придания жесткости обложкам или укрепления загнутых страниц книг; еще более преступным является использование ее при изготовлении подошв для ботинок, хотя в подобных случаях слабость человеческой природы обычно берет верх. Тем не менее, с точки зрения даосской веры, риск слишком серьезен, чтобы его упускать из виду. В шестом из десяти Дворов Чистилища, через один или несколько из которых грешники должны пройти после смерти, чтобы искупить свои преступления на земле, предусмотрены условия для тех, кто "соскребает позолоту с изображений снаружи, произносит святые имена всуе, не проявляет уважения к писчей бумаге, разбрасывает грязь и мусор возле пагод и храмов, имеет в своем распоряжении богохульные или непристойные книги и не уничтожает их, стирает или рвет книги, которые учат человека быть хорошим" и т.д., и т.п.

В этом шестом суде, возглавляемом, как и все остальные, судьей и оснащенном всеми необходимыми средствами и приспособлениями для приведения приговоров в исполнение, есть шестнадцать различных отделений, где применяются различные наказания в зависимости от тяжести преступления. Злой шейд может быть приговорен к длительному стоянию на коленях под железной дробью, или к тому, чтобы его вывалили по шее в грязь, или колотили до тех пор, пока не истечет кровь, или к тому, чтобы ему открыли рот железными щипцами и наполнили иглами, или к тому, чтобы его покусали крысы, или покусала саранча, когда он будет в сети из колючек, или к тому, чтобы ему выцарапали сердце, или разрубили пополам на поясе, или содрали с тела кожу и свернули ее в жгуты для раскуривания трубок, и т.д. Подобные наказания назначаются и за другие преступления; и их можно увидеть изображенными на стенах муниципального храма, который можно найти в каждом крупном городе и который соответствующим образом назван Комнатой ужасов. Сомнительно, что такие ужасные представления о том, что следует ожидать в загробном мире, действительно оказывают какое-либо сдерживающее воздействие даже на самые неграмотные массы; конечно, не до тех пор, пока есть здоровье и дела в целом идут хорошо. "Дьявольским монахом" станет любой китаец, когда условия жизни станут для него удовлетворительными.

Как уже говорилось, его темперамент не является религиозным; и даже соблазны и угрозы буддизма оставляют его в значительной степени равнодушным. Возможно, главным образом на него повлияла буддийская угроза перерождения, возможно, в виде женщины или, что еще хуже, в виде животного. Вера в такое непредвиденное обстоятельство может действовать как мягкий сдерживающий фактор при различных обстоятельствах; это, безусловно, смягчает его обращение с домашними животными. Не только потому, что он может когда-нибудь сам им стать, но и потому, что среди мулов или ослов, которых ему приходится принуждать к долгому изнурительному труду, он может невольно подначивать какого-нибудь друга или знакомую или даже члена своей собственной семьи. Эта вера в перерождение значительно подкрепляется большим количеством зарегистрированных случаев, когда люди могли вспомнить события, которые происходили в их собственном предыдущем состоянии существования, и чьи заявления можно было проверить. Иногда люди точно описывали места и здания, которые они не могли посетить, в то время как у многих возникало смутное представление о сценах, зрелищах и звуках, которые, казалось, принадлежали к какой-то иной жизни, кроме нынешней. Есть запись об одном человеке, который помнил, что был лошадью, и который живо помнил

боль, которую он испытывал, когда всадники сильно упирались коленями ему в бока. И это тоже, несмотря на введение в Чистилище чаши забвения, специально разработанной для предотвращения у тех, кто собирается возродиться, каких-либо воспоминаний о жизни во время предыдущего рождения.

В конце концов, самое ужасное наказание, налагаемое в Чистилище на грешников, - это то, которое, будучи чисто ментальным, может не так сильно воздействовать на массы, как грубые пытки, упомянутые выше. В пятом дворе души нечестивых выводятся на террасу, откуда они могут слышать и видеть, что происходит в их старых домах после их собственной смерти. "Они видят, что их последние желания игнорируются, а инструкции не выполняются. Собственность, которую они с таким трудом наскребли, растрачена и пропала. Муж подумывает о том, чтобы взять другую жену; вдова обдумывает вторую свадьбу. Старым поместьем владеют чужие люди; детям нечего делить. Долги, которые были давно выплачены, снова предъявляются для урегулирования, и выживших призывают признать ложные требования к ушедшим. Причитающиеся долги теряются из-за отсутствия доказательств, из-за бесконечных взаимных обвинений, злоупотреблений и общей неразберихи, и все это ложится на три семьи — отца, матери и жены, — связанные с покойным. Они в своем гневном отзываются о нем, ушедшем. Он видит, как его дети развращаются, а друзья отпадают. Возможно, кто-то погладит гроб и уронит слезу, быстро уходя с холодной улыбкой. Хуже того, жена видит, как ее мужа пытаются в тюрьме; муж видит, что его жена стала жертвой какой-то ужасной болезни, земли ушли, дома разрушены наводнением или пожаром, и все находится в невыразимом бедственном положении - награда за прежние грехи".

Конфуций категорически отказывался обсуждать сверхъестественное в любой форме, его единственной целью было улучшить поведение человека в этой жизни, не пытаясь исследовать то состояние, от которого человека отделяет смерть. В то же время он не был насмешником; ибо, хотя он заявил, что "изучение сверхъестественного действительно вредно", и несколько цинично призвал своих последователей "проявлять уважение к духовным существам, но держать их на расстоянии", все же в другом отрывке мы читаем: "У того, кто оскорбляет Бога, нет никого, кому он мог бы помолиться". И снова, когда он был серьезно болен, ученик спросил, может ли он вознести молитву. Конфуций возразил против этого, указав, что он сам молился в течение значительного периода времени; это означало, что его жизнь была одной долгой молитвой.

ГЛАВА XII—ПЕРСПЕКТИВЫ

Есть очень распространенное утверждение, сделанное людьми, которые жили в Китае — среди людей, но не среди них, — и чем поверхностнее знакомство, тем более убедительно звучит утверждение, что обычный китаец, будь то принц или крестьянин, представляет для западного наблюдателя неразрешимую головоломку во всех сферах своей жизни. На самом деле он -

постоянная загадка; можно признать, что это человеческое существо, но такое, которое нельзя классифицировать иначе, чем его уникальный односложный язык, который все еще стоит изолированно и одиноко.

Эта оценка в значительной степени основана на некоторых чрезвычайно ложных выводах. Кажется, утверждается, что, поскольку во многих вопросах китаец придерживается диаметрально противоположной нашей точки зрения, он обязательно должен быть очень эксцентричным парнем; но поскольку это в основном вопросы условности, аргумент столь же справедлив против нас, как и против него. "Странные люди эти иностранцы", - может сказать он, и действительно говорит; "Они ориентируют свой компас на север, а не на юг. Они снимают шляпы в компании, вместо того чтобы носить их. Они садятся на лошадь слева, а не справа. Они начинают обед с супа вместо десерта и заканчивают его десертом вместо супа. Они пьют вино холодным, а не горячим. Все их книги открываются не с того конца, и строки на странице расположены горизонтально, а не вертикально. Они сажают своих гостей справа, а не слева, хотя это правда, что мы делали это еще несколько сотен лет назад. Их музыка тоже такая забавная, она больше похожа на шум; а что касается их пения, то это всего лишь очень громкий разговор. Кроме того, их женщины так нескромны: расхаживают по бальным залам почти без одежды и обнимают незнакомых мужчин в хороводе, который они называют танцем, но который совсем не похож на те величественные движения, которые демонстрируют наши танцоры-мужчины в конфуцианском храме. Их мужчины и женщины пожимают друг другу руки, хотя знают из нашей священной Книги Обрядов, что мужчинам и женщинам не следует даже передавать вещи друг другу, опасаясь, что их руки соприкоснутся. С другой стороны, все иностранцы, иногда и женщины, носят с собой палки, которые могут использоваться только для избиения невинных людей; а их так называемые мандарины и другие участвуют в гонках и гребут на лодках, вместо того чтобы иметь кули, которые делают это за них. Они действительно странные люди; очень искусны в хитрых механических устройствах, таких как брандеры, пожарные кареты и аэромобили; но чрезвычайно свирепы и почти совершенно нецивилизованны".

Такова была бы без преувеличения картина ментального отношения китайца к своей загадке, иностранцу. По невозмутимому выражению лица китайца иностранец тщетно ищет в нем какие-то признаки обычной человечности; и просто потому, что у него не хватает ума увидеть это, он утверждает, что этого там нет. Но это происходит постоянно. Принципы общей морали, и особенно долга по отношению к ближнему, ограничения закона и даже условности социальной жизни, на которых китаец более или менее воспитывается с юности, остаются, когда устраняются случайные различия, на плацдарме, общем как для Востока, так и для Запада; и трудно понять, как такое учение могло создать расу людей, столь резко отличающуюся от иностранцев, какими обычно считаются китайцы. Несомненно, что что-либо подобное полному и искреннему соблюдению китайских правил жизни привело бы к созданию сообщества людей, намного превосходящего "чистых людей", о которых мечтала философия даосов.

Как уже говорилось или предполагалось, китайцами, по-видимому, движут точно такие же мотивы, которые движут другими народами. Они наслаждаются обладанием богатством и славой, в то же время полностью осознавая преходящую природу того и другого. Еще больше они жаждут потомства, чтобы родословная могла продолжаться непрерывно. Они находят свои главные радости в семейной жизни и в обществе друзей, книг, гор, цветов, картин и предметов, дорогих коллекционеру и знатоку. Хотя шотландцы - нация, которую называли бы

"трезвенниками", они любят время застолья и в определенной степени подтверждают свое собственное высказывание о том, что "Сердце человека находится по соседству с его желудком". В прошлые века это была пьяная нация, примерно двести-триста лет назад они начали попадать под влияние опиума, и злоупотребление алкоголем сократилось до минимума. Курение опиума, во многом менее вредное, чем употребление опиума в пищу, заняло место пьянства и стало национальным пороком; но степень его вреда для народа была сильно преувеличена, и его нельзя сравнить с вредом алкоголя на Западе. Теперь, в результате принятия недавнего законодательства, она, вероятно, исчезнет, и с этим результатом можно было бы только горячо поздравить, если бы не тот факт, что нечто другое, еще более коварное и смертоносное, быстро занимает ее место. Какое-то время считалось, что алкоголь может восстановить свое влияние, и все еще вполне вероятно, что тяга человека к какому-либо стимулятору найдет частичное облегчение в этом направлении. Однако нынешним врагом, требующим серьезного и немедленного внимания, является морфий, который в основном импортируется в Китай в виде различных препаратов, соответствующих общественному спросу. Переход от опиума к морфию был бы хуже, если это вообще возможно, чем со сковородки в огонь.

Часто задавался, но никогда не находил удовлетворительного ответа вопрос, почему и как получилось, что китайская цивилизация сохранилась на протяжении стольких веков, в то время как другие цивилизации, с равными, если не превосходящими претензиями на постоянство, были распущены и исчезли с мест, на которых они ранее процветали. Египет, возможно, мог похвастаться высоким уровнем культуры в более отдаленные времена, чем мы можем достичь с помощью китайских летописей, поскольку все, что мы можем честно утверждать, это то, что китайцы были удивительно цивилизованной нацией за тысячу лет до Рождества Христова. Это было задолго до того, как, можно сказать, зародилась греческая цивилизация; однако китайская нация все еще с нами, и, если бы не контакт с западными варварами, она вела бы почти ту же жизнь, что и много веков назад.

Некоторые хотят заставить нас поверить, что узами, объединяющими людей, является письменный язык, который является общим для всей Империи и который все могут читать в одном и том же смысле, хотя произношение слов в разных провинциях различается так же сильно, как и произношение слов в английском, французском или немецком языках. Другие предположили, что учению Конфуция, пережившему конкуренцию даосизма, буддизма и других религий, Китай обязан узами, которые связали сердца людей воедино и позволили им противостоять любому процессу распада. Возможно, во всех подобных теориях есть доля истины; но они неполны, если не отдать значительной доли должное духу личной свободы, которым, кажется, дышат все китайские институты и который объединяет людей в сопротивлении любой форме угнетения. Китайцы всегда верили в божественное право королей; с другой стороны, их короли должны вести себя как короли и выполнять свои обязанности, а также права, на которые они претендуют. В противном случае обязательства прекращаются, и их подданные не получают ничего из этого. В глазах китайцев хорошее правительство существует только тогда, когда страна процветает, свободна от войн, эпидемий и голода. Неправильное управление - верный признак того, что Бог отозвал Свой мандат у императора, который больше не годится для правления. Затем остается заменить императора тем, кто более достоин Божественной милости, и это обычно означает окончательное свержение династии.

Китайцы отстаивают свое право казнить злого правителя, и публичное провозглашение этого принципа никоим образом не является государственной изменой или преступлением. Это ясно изложено философом Менцием, чьи труды составляют часть конфуцианского канона и преподаются в обычном курсе каждому китайскому юноше. Один из феодальных правителей рассказывал Менцию о злом императоре восьмисотлетней давности, на которого напал герой-патриот и который погиб в огне своего дворца. "Может ли тогда подданный, - спросил он, - предать своего государя смерти?" На что Мэн-цзы ответил, что любой, кто совершает насилие над природным милосердием сердца человека или полностью не выполняет свой долг по отношению к ближнему, был не более чем беспринципным негодяем; и он намекнул, что именно такой негодяй, а не император в истинном смысле этого слова, погиб в деле, которое они обсуждали. Другой и самый важный момент, о котором следует помнить при любой попытке раскрыть истинный секрет длительного существования Китая как нации, также указывает в направлении демократии и свободы. Высшие государственные должности всегда были открыты посредством конкурсных экзаменов для самого скромного крестьянина в империи. Это исключительно вопрос природных способностей в сочетании с интеллектуальной подготовкой; и в последнем, как уже было показано, недостатка нет даже у самых бедных. Таким образом, Китай, согласно высокому авторитету, всегда находился на высшей ступени демократической лестницы; ибо не кто иной, как Наполеон, сказал: "Разумная демократия никогда не будет стремиться ни к чему большему, кроме как к получению равной власти для всех".

Чтобы обеспечить соблюдение своих прав самыми простыми и бескровными средствами, китайцы неуклонно совершенствовали искусство объединения и, таким образом, вооружились нематериальным, невидимым оружием, которое просто парализует агрессора и в конечном итоге оставляет его хозяином поля боя. Необычной частью китайского бойкота или забастовки является абсолютная точность, с которой они соблюдаются. Если лодочники или кули-кресельщики в каком-либо месте бастуют, бастуют все; черноногих нет. Если мясники отказываются продавать, они отказываются все, полностью уверенные в лояльности друг друга. Иностранные купцы, которые оскорбили китайские гильдии какими-либо действиями, не одобренными этими могущественными органами, часто на собственном опыте убеждались, что с таким поведением нельзя мириться ни на минуту и что их единственный выход - это уйти, иногда со значительными потерями, из занимаемого ими невыносимого положения. Не менее поучительна и другая сторона медали. Несколько лет назад иностранные торговцы чаем в крупном порту, чтобы ограничить чрезмерные сборы, решили забросить на китайских чайханщиков, или продавцов чая, их собственную петарду. Они организовали жесткую комбинацию против чайханщиков, чей чай не должен был покупать ни один коллега до тех пор, пока, казалось бы, естественный порядок событий не поставит чайханщиков на колени. Чайханщики, однако, оставались непреклонны, их лица были, как всегда, бесстрастны. Вскоре торговцы чаем обнаружили, что некоторые из них нарушили веру и вели бурный бизнес за свой счет, на условиях, на которых первоначально настаивали чайханщики.

Больше нет никаких сомнений в том, что Китай сейчас находится на ранних стадиях серьезных изменений. Его старые системы образования и экзаменов подлежат значительным изменениям, если не полной реконструкции. Отличительная черта китайской одежды заключается в том, что она лишена двух своих наиболее отличительных черт — *косы* у мужчины и *маленьких ножек* у женщины. Чеканка монет должна быть в большей степени приведена в соответствие с коммерческими требованиями. Применение закона должно быть настолько улучшено, что может быть выдвинуто честное требование — как это сделала Япония несколько

лет назад — об отмене экстерриториальности, договорного обязательства, согласно которому Китай отказывается от всякой юрисдикции в отношении постоянно проживающих иностранцев и соглашается с тем, что они будут подчиняться, как в гражданском, так и в уголовном порядке, только своим собственным властям. Старая патриархальная форма правления, автократическая по названию, но демократическая на самом деле, которая так хорошо служила китайскому народу на протяжении почти двадцати двух столетий, также должна меняться с наступлением времени в надежде, что наступит новая эра, достойная того, чтобы встать в один ряд с лучшими днями славного прошлого.

И здесь, возможно, будет удобно, если будет дан небольшой набросок курса, намеченного на будущее. Китай должен иметь "конституцию" по образцу большинства иностранных государств; и его народ, чьим единственным оружием обороны и сопротивления, хотя и смертоносно эффективным, до сих пор было объединение масс против поставленных над ними чиновников, вскоре получит права представительного правительства. Императорским указом, изданным в конце 1907 года, этот принцип был установлен; а следующим указом, изданным в 1908 году, было предписано, чтобы в конце года во всех провинциях и некоторых других частях империи созывались провинциальные собрания для обсуждения вопросов местного самоуправления в качестве первого шага к намеченной цели. Членство в этих ассамблеях должно было быть приобретено путем выборов в сочетании с небольшим имущественным цензом; и количество членов в каждой ассамблее должно было быть пропорционально числу выборщиков в каждой области, что составляет примерно около тысячи выборщиков на каждого представителя. В следующем году должна была быть проведена перепись населения, составлены бюджеты провинций и обнародован новый уголовный кодекс, на основании которого к концу третьего года должны были открыться новые суды. К 1917 году должно было быть создано Национальное собрание или парламент, состоящий из Верхней и Нижней палат, и должен был быть назначен премьер-министр.

14 октября 1909 года эти провинциальные собрания встретились впервые. Национальное собрание фактически открылось 3 октября 1910 года; и в ответ на общественное мнение месяца спустя был издан указ, предписывающий принять полную конституцию в течение трех лет с момента ее создания. Это действительно единая камера, которая содержит элементы двух. В его состав входит около ста членов, назначаемых трон и набираемых из определенных привилегированных классов, включая тридцать два высокопоставленных чиновника и десять выдающихся ученых, а также такое же количество делегатов из провинций. Те, кто получает места, должны служить в течение трех лет, и их расходы покрываются государством. Это консультативный, а не исполнительный орган; его функция заключается в обсуждении таких вопросов, как налогообложение, вопрос о годовом бюджете, внесение поправок в закон и т.д., все эти вопросы должны быть одобрены императором до их представления на рассмотрение этого собрания, а также в рассмотрении вопросов, переданных на решение провинциальным собраниям. Точно так же любая резолюция, которая будет предложена, должна быть поддержана по крайней мере тридцатью членами и, будучи должным образом принята большинством, затем должна быть воплощена в мемориале трону. За принятие и представление резолюций, которые могут быть классифицированы под различными заголовками как вызывающие возражения, ассамблея может быть немедленно распущена императорским указом.

В Национальном собрании пока нет отдельных партий, то есть в том, что касается мест, занимаемых в Палате представителей. Люди различных оттенков мнений, радикалы, либералы и консерваторы, все перемешаны вместе. Первые две скамьи отведены для представителей знати, причем старшинство находится слева от президента по его правую сторону. Затем на двух следующих скамьях сидят чиновники, ученые и ведущие торговцы. За ними, опять же, на четырех рядах скамей, расположились делегаты провинциальных собраний. Таким образом, впереди находится своего рода Палата лордов, а сзади - Палата общин, представители нации. Склонности первого класса, как можно было бы предположить, в основном консервативны, в то время как симпатии второго скорее связаны с прогрессивными идеями; в то же время среди лордов можно найти определенную долю радикалов, а среди палаты общин немало тех, чьи взгляды устарели, чтобы не сказать реакционные.

С помощью приведенной выше схемы китайскому народу совершенно ясно дают понять, что, хотя его советы в вопросах, касающихся управления правительством, будут горячо приветствоваться, вся законодательная власть останется, как и прежде, ограниченной только императором. На первый взгляд кажется, что это все равно что давать одной рукой и отнимать другой; и поэтому, возможно, это сработало бы не в одной стране Запада. Но те, кто знает китайцев у себя дома, знают, что, когда они дают политические советы, они подразумевают, что к ним нужно прислушиваться. Великая демократия Китая, живущая в величайшей республике, которую когда-либо видел мир, никогда не потерпит никакого посягательства на национальные свободы ни в настоящем, ни в будущем, так же как это было в прошлом. Те, кто занимает руководящие посты в столице, слишком хорошо знакомы с нравом своих соотечественников, чтобы хоть на мгновение поверить, что там, где затронуты такие жизненно важные интересы, может быть предусмотрено что угодно, кроме неуклонного и удовлетворительного продвижения к поставленной цели. Если правящие маньчжуры воспользуются открывшейся им возможностью, то, несмотря на вспыхивающие то тут, то там мятежи по всей империи, им, возможно, удастся продолжить линию, которая в первые дни своего существования имела славный послужной список достижений, к великой выгоде китайской нации. С другой стороны, если они пренебрегут этим шансом, может произойти одно из тех ужасных потрясений, от которых так часто страдала империя. Китай снова пройдет через пламенный котел, чтобы снова, как и во всех предыдущих случаях, выйти очищенным и окрепшим благодаря этому процессу.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *"Китайская классика"* Джеймса Легга, доктора философии, ныне покойного профессора китайского языка в Оксфорде.

Перевод всего конфуцианского канона, включающий Четыре книги, в которых даны беседы Конфуция и Мэн-цзы, "Книгу истории", "Оды", "Анналы родного государства Конфуция", "Книгу обрядов" и "Книгу перемен".

2. *"Древняя история Китая"* Ф. Хирта, доктора философии, профессора китайского языка Колумбийского университета, Нью-Йорк.

Очерк истории Китая от баснословных эпох до 221 года до н.э., содержащий много информации антикварного характера и в целом представляющий в самом привлекательном свете то, что для обычного читателя неизбежно должно быть довольно скучным периодом.

3. *Китай*, автор Э. Х. Паркер, профессор китайского языка Университета Виктории, Манчестер.

Общий отчет о Китае, ценный главным образом коммерческой и статистической информацией, набросками карт древних торговых путей и т.д.

4. *Биографический словарь китайского языка*, составленный Х. А. Джайлзом, доктором юридических наук, профессором китайского языка Кембриджского университета.

Эта работа содержит 2579 коротких жизнеописаний китайских императоров, государственных деятелей, генералов, ученых, священников и представителей других сословий, включая некоторых женщин, с древнейших времен до наших дней, расположенных в алфавитном порядке.

5. *Всеобъемлющая география Китайской империи*, Л. Ричард.

Эта работа по праву названа "всеобъемлющей", поскольку содержит большой объем информации, которую нельзя строго отнести к географической, однако вся она представляет значительную ценность для студента.

6. *Описательная социология (китайский язык)*, Э. Т. К. Вернер, консул Х.Б.М. в Фучжоу.

Том серии, инициированной Гербертом Спенджером. Она состоит из большого количества социологических фактов, сгруппированных и расположенных в хронологическом порядке, и, конечно, является чисто справочной работой.

7. *История китайской литературы*, Х. А. Джайлз.

Заметки о двухстах или трехстах писателях-историках, философах, биографах,

путешествия, поэзия, пьесы, художественная литература и т.д., С большим количеством переведенных отрывков, сгруппированных под вышеуказанными заголовками и расположенных в хронологическом порядке.

8. *Китайская поэзия в английских стихах*, Х. А. Джайлз.

Рифмованные переводы почти двухсот коротких стихотворений с древнейших времен до наших дней.

9. *Введение в историю китайской живописи*, Х. А. Джайлз.

Заметки о жизни и творчестве более трехсот художников всего мира

ages, в основном переведенная с произведений китайских искусствоведов, с шестнадцатью репродукциями известных китайских картин.

10. *Отрывки из записной книжки коллекционера*, Ф. Хирт.

В основном посвящено заметкам о художниках нынешней династии, 1644-1905, с двадцатью одной репродукцией известных картин, образующих дополнительное дополнение к № 9.

11. *Религии Древнего Китая*, Х. А. Джайлс.

Краткий отчет о раннем поклонении единому Богу, за которым следуют краткие сведения о даосизме, буддизме, несторианском христианстве, магометанстве и других менее известных верованиях, которые в разное время были привнесены в Китай.

12. *Китайские особенности*, преподобный Артур Смит, доктор медицинских наук

Юмористическое, но в то же время серьезное исследование образа мыслей и мотивов действий, которые особенно отличают китайский народ.

13. *Деревенская жизнь в Китае*, преподобный Артур Смит.

Объем этой работы в достаточной степени определяется ее названием.

14. *Китай при вдовствующей императрице*, Дж. О. Блэнд и Э. Бэкхаус.

Интересный отчет о жизни китайского двора в период с 1860 по 1908 год с важными второстепенными моментами, касающимися проблем с боксерами и осады дипломатических миссий в 1900 году.

15. *Имперская история Китая*, преподобный Дж. Макгоуэн.

Короткая и компактная работа по теме, которая не была успешно рассмотрена.

16. *Нескромные письма из Пекина*, Б. Патнэм Уил.

Хотя эта работа слишком откровенна, чтобы вызвать всеобщее одобрение, многие считают, что она дает наиболее достоверный отчет об осаде Дипломатических миссий, увиденный независимым свидетелем.

17. *Буддизм как религия*, Х. Хакманн, Lic. Theol.

Очень полезный том, переведенный с немецкого, показывающий различные направления развития буддизма в разных частях мира.

18. *Чжуан-цзы*, автор Х. А. Джайлз.

Полный перевод трудов ведущего даосского философа, который процветал в четвертом и третьем веках до нашей эры